

А.Б. Широкоград

РУССКИЕ И БЕЛОРУСЫ — братья в горе и радости

Русские и белорусы —
братья в горе и радости

Annotation

До 1990 г. советские СМИ представляли отношения белорусов и русских как идеальный союз братских народов.

Что же происходило на самом деле? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в книге Александра Широкограда «Русские и белорусы — братья в горе и радости».

В книге впервые говорится о возникновении и действиях белорусского (!) казачества в XVII веке. Автор развенчивает советские мифы о том, что в 1941—1944 гг. в Белоруссии боевые действия сводились к противостоянию советских партизан против вермахта. На самом деле это был самый интернациональный район боевых действий во всей Второй мировой войне. Так, на стороне немцев в Беларуси против советских партизан воевали четыре венгерские дивизии, французский легион, два десятка украинских, латышских, литовских и даже один эстонский полицейский батальон. Ну а «против всех» воевали многочисленные украинские отряды националистов УПА, польская Армия Крайова, литовские националисты и даже русские монархические отряды РОМ. И если немцев выгнали из Белоруссии в 1944 г., то борьба с бандитским «интернационалом» продолжалась до начала 1950-х годов.

- [А.Б. Широкоград](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Глава 10.](#)
 - [Глава 11.](#)

- [Глава 12.](#)
- [Глава 13.](#)
- [Глава 14.](#)
- [Глава 15.](#)
- [Глава 16.](#)
- [Глава 17.](#)
- [Глава 18.](#)
- [Вместе заключения.](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)

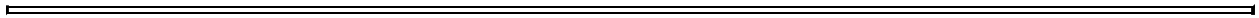
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)

- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)

- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)

А.Б. Широкоград
РУССКИЕ И БЕЛОРУСЫ — БРАТЯ В
ГОРЕ И РАДОСТИ

Глава 1.

Кто такие белорусы?

До 1991 г. в советских школьных и вузовских учебниках четко и ясно объяснялось, как древнерусские народности (этнос) разделились «на три близкородственные народности — русскую, украинскую и белорусскую, что повлекло за собой возникновение трех близких языков с их самобытными, оригинальными путями развития»^[1].

Советские историки придумали даже три этапа формирования украинской и белорусской народностей: первый — вторая половина XII — XIII веков; второй — с XIV века до середины XVI века и третий — со второй половины XVI века до середины XVII века. Спорить с официальными советскими историками означало познакомиться с милыми дядями из «конторы глубокого бурения». Ну а главное, оная проблема не волновала 99,99% населения СССР.

Но вот «нерушимый союз» распался, и на Украине и в Белоруссии появились принципиально иные концепции их исторического развития. Перечисление новомодных теорий займет не одну страницу, поэтому я разделю их на три.

Согласно первой версии в составе Древнерусского государства был не один народ, а целых три — белорусский, украинский и русский.

Вторая версия: Русь — это украинский народ. Позже от него отделились белорусы, а москали украли имя у щирых украинцев, а на самом деле они — смесь угрофиннов и татар.

Третья версия — украинцы и белорусы не имеют никакого отношения к древнерусской народности, а то и вообще к славянам. Первые произошли от укров, а вторые — особый народ — литвины.

Сразу замечу, что оные теории выдвигают не какие-то недоучки или даже сельские учителя и краеведы, а персонажи с кандидатскими и докторскими степенями, многие из которых преподают в государственных ВУЗах Украины и Беларуси.

Итак, кой-кому не понравилось быть... белорусами, и они объявили себя литвинами. Нет, не литовцами, а литвинами. Мол, между этими двумя терминами еще с X века была большая разница. Литвины, мол, славяне, а литовцы, мол, современные этнические литовцы. А, мол, цари и комиссары приказали историкам молчать, и разница исчезла.

Нужно ли с такими персонажами спорить? Ведь монография у меня все-таки историческая, а не пособие по психиатрии.

Тем не менее движение «литвинов» в Белоруссии ширится. При этом возникают различные течения. Так, некоторые персонажи считают литвинами всех этнических белорусов, зато другие считают, что «литвины» проживают лишь в западных областях Белоруссии, а на востоке живут замаскированные злыдни-москали, а главный атаман у них — батька Лукашенко. Эти персонажи слово «белорус» воспринимают не иначе как «неполноценный рус».

В 2000 г. в городке Новогрудке 25 «литвинских комиссаров» в местной пивной подписали «Акт объявления существования литвинской нации»^[2]. «Комиссары» решили создать литвинский язык, естественно, с использованием латиницы, а не кириллицы, и требовать национальной независимости Литвинского государства.

Дабы не быть обвиненным в утрировании ситуации с литвинами, я рискну привести целый манифест литвинов:

«ЛИТВИНЫ — ИСТОРИЧЕСКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ НАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ.

БЕЛОРУСЫ — НАЦИЯ, СОЗДАННАЯ РОССИЕЙ ВМЕСТО ЛИТВИНОВ В XIX ВЕКЕ.

СЕЙЧАС БЕЛОРУСЫ И ЛИТВИНЫ — ДВЕ НАЦИИ С РАЗНЫМ НАЦИОНАЛЬНЫМ СОЗНАНИЕМ.

ЧЕМ ЛИТВИНЫ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ БЕЛОРУСОВ?

<i>Мнение большинства БЕЛОРУСЫ / ЛИТВИНЫ</i>

Язык общения БЕЛОРУСЫ: Русский, «трасянка» / ЛИТВИНЫ: Русский, литвинский

Любимые правители БЕЛОРУСЫ: Лукашенко, Путин / ЛИТВИНЫ: Нет кумиров правителей

Популярная музыка БЕЛОРУСЫ: Русская поп-музыка, реже другая / ЛИТВИНЫ: Разная, русская поп-музыка редко

Желаемые будущие правители БЕЛОРУСЫ: Сын Лукашенко, правитель из России / ЛИТВИНЫ: Политик европейского типа любого спектра

Отношение к личности Сталина БЕЛОРУСЫ: Уважительное, коленопреклонное / ЛИТВИНЫ: Отрицательное, безгливое

Отношение к политической оппозиции БЕЛОРУСЫ:

Агрессивное, нетерпимое / ЛИТВИНЫ: Спокойное, толерантное

Видение своего будущего БЕЛОРУСЫ: В составе России или в зависимой от России Беларуси с правлением династии Лукашенко / ЛИТВИНЫ: Независимая страна от России в составе ЕС, по примеру Швеции или Австрии

Отношение к Европейскому союзу БЕЛОРУСЫ: Настороженное, недружелюбное, часто потребительское / ЛИТВИНЫ: Считают себя частью западной цивилизации. За присоединение Беларуси к ЕС

Отношение к союзу с Россией БЕЛОРУСЫ: За государственный союз с Россией в той или иной форме / ЛИТВИНЫ: За независимость Республики Беларусь

Отношение к положению в Беларуси БЕЛОРУСЫ: Одобрение, апатия, безразличие / ЛИТВИНЫ: Желание реформ для присоединения к Евросоюзу

Отношение к гражданским свободам БЕЛОРУСЫ: Отсутствие интереса, настороженность к инакомыслию / ЛИТВИНЫ: За гражданские свободы в понимании правовых актов Евросоюза

Отношение к собственной истории БЕЛОРУСЫ: История белорусов складывается из: истории древней восточной Руси, истории угнетения со стороны «литовских феодалов», истории угнетения со стороны польских панов, революции 1917 г., партизанской войны 1941—1945 гг., колхозов, индустриализации, движения к союзу Беларуси и России / ЛИТВИНЫ: История литвинов складывается из: истории лютичей, истории ятвягов, истории Полоцкого княжества, истории ВКЛ в XIII—XVIII вв., истории Литвании в XIX в., истории БНР-БЦР и в малой степени БССР

Отношение к властям в Беларуси БЕЛОРУСЫ: Предоставление неограниченной власти одному человеку, высокий рейтинг российских правителей / ЛИТВИНЫ: Демократия по образцу стран Центральной и Северной Европы

Так исторически сложилось, что в большом Европейском регионе, включающем в себя Беларусь и некоторые сопредельные области, проживает около 10 млн. человек с неустойчивым национальным самосознанием. Это в основном потомки литвинов — граждан Великого княжества Литовского, разрушенного соседними империями. На протяжении 500 лет — с XIII по XVII век — литвины составляли костяк самого демократического и либерального государства в Восточной и Центральной Европе. После поглощения Великого княжества Литовского

Польшей, а двумя столетиями позже Россией, нация литвинов прекратила свое существование, а традиции либерального гуманизма на огромной территории от Белостока до Смоленска и от Вильни до Киева были уничтожены»^{3}. Комментировать сие мне не хочется. А вот спокойно и объективно разобраться, с каким народом русские состояли в едином государстве, думаю, стоит. Итак, «начнем, пожалуй».

Глава 2.

Западные русские княжества в домонгольский период

Первые упоминания о литве, как этносе, встречаются в летописях с X века. Так, в «Повести временных лет» содержится одно из первых упоминаний о литве: «Въ афетовѣ же части сдѣть русь. чюдѣ. овсиязыц мер мурома, всѣ. мордва, заволочьскаячюдѣ. пермь. печера. ямь. югра. литва. зимигола. корсь. стьгола. либѣ. лхов же и пруси. и чюдѣ. присдѣть к морю врскому».

А вот термин «рус» встречается в византийских, арабских и западноевропейских источниках в IX—X веках.

В «Житии Георгия Амастридского» говорится о нашествии русов на византийский город в Малой Азии Амастриду, где между 830 и 842 гг. «было нашествие варваров, росов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный и на деле, и по имени народ, ...посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы.

Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять...»^{[4], [1]}

18 июня 860 г. около двухсот судов русов пришли к Босфору. Об этом походе нам известно из византийских источников, среди которых наиболее ценные принадлежат патриарху Фотию (около 810 г. — после 886 г.) — свидетелю и участнику этого события. Выдающийся деятель византийской образованности, литератор, знаток античности, полемист и канонист, Фотий оставил две гомилии (речи-беседы), в заглавиях которых говорится о нашествии русов.

Поход русов был совершен не с целью грабежа, а прежде всего как возмездие за убийство и обращение в рабство за долги нескольких русов в Константинополе.

В обеих гомилиях Фотий упрекает греков в безнравственности вообще и в дурном обращении с русами.

О русах же Фотий говорит: «Речные струги обращались в кровь. Некоторых колодезей нельзя было распознать, потому что они через верх исполнены были телами».

Чтобы ободрить жителей осажденной столицы, Фотий устроил молебн, причем риза Богоматери была пронесена по городским стенам. Вскоре после этого русы сняли осаду и ушли восвояси с богатой добычей. По сведениям из других византийских источников, уход русов состоялся 7 июля 860 г.

Причин ухода русов было несколько. Во-первых, они изрядно пограбили окрестности Константинополя, включая Принцевы острова. Штурмом, с ходу взять хорошо укрепленный Константинополь они не могли. Осаждать же его в течение нескольких месяцев было опасно. Из Малой Азии форсированным маршем шел император Михаил. Основные силы византийского флота воевали с арабами у берегов Крита. Переброска их к Босфору заняла бы от двух до пяти недель. И, наконец, в декабре замерзал Днепр.

Любопытно, что в 867 г. Фотий в послании восточным патриархам говорил, что народ рус «стал подданным и дружественным» Византии.

Действительно, отряды наемников-русов состояли на службе византийского императора. Русов обычно отправляли воевать против арабов и западных королей на Средиземное море. Иногда русы оставляли службу и начинали в инициативном порядке грабить берега этого моря.

Интересно, что в Вертинских анналах (IX век) говорится, что к императору Людовику Благодетелю, сыну Карла Великого, в 839 г. явилось посольство византийского императора Феофила (829—842). В составе посольства было несколько воинов из народа Рос (Rhos). Так франки впервые познакомились с русскими.

Возникает естественный вопрос, а кто же были русы, о которых столько писали арабы, византийцы и, наконец, франки? По ведению боевых действий и ряду других факторов они уж очень смахивают на норманнов.

Те же франки к 839 г. уже несколько десятилетий терпели набеги норманнов (викингов) и прекрасно их знали. Соответственно, об этом было бы сказано и в Вертинских анналах.

Византия в IX—X веках поддерживала тесные связи с королевствами

Западной Европы, и там прекрасно знали о набегах норманнов, да и сами воевали с ними на юге Италии.

Арабы — превосходные географы — тоже хорошо знали норманнов (варягов). Знаменитый арабский ученый-энциклопедист ал-Бируни (973—1048), описывая Окружающее море, говорит, что на севере, близ земли славян, от него отходит залив, называемый по имени одного из проживающих там народов Варяжским морем — бахр Варанк.

Арабские ученые Абу-л-Фида и ан-Насир также говорят о море Варанк. Согласитесь, бахр ар-Рус и бахр Варанк — совсем не одно и то же. Кроме того, в Норвегии, Швеции, Финляндии и Дании никогда не было не только народа, но и даже племени рус.

Итак, откуда же взялись русы? А главное, как в самом конце IX века возникло огромное по тем временам Древнерусское государство? Ведь ни западные, ни южные славяне к тому времени, да и два века спустя не сумели создать такого крупного государства. Что же произошло с восточными славянами, что стало стержнем, объединившим их?

В лето 6370^[2] от сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Бело-озере, а третий, Трувор, — в Изборске...

...И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах — находники, а первые поселенцы в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Бело-озере — весь, в Муроме — мурома, и тем всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок? “ Тамошние же жители ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам”. Аскольд же и Дир остались

в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»^[5].

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов — вымысел, и князь Рюрик — мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

Еще в XVIII веке спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот-де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В.Н. Татищева, придумали Рюрику деда — славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами — скандинавскими разбойниками. В VIII—X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье северной Европы, но и на весь средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке — Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов — конунги — захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить

с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг — это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «φοισεῦχοι», означающего «союзники», а точнее — наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Разобравшись с варягами, обратимся к личности Рюрика. Ряд историков, включая Б.А. Рыбакова, отождествляет летописного Рюрика с Рёриком Ютландским из семьи мелкого датского конунга, владевшего местечком Дорестад во Фрисландии.

Полное имя Рюрика Herraud-Hrorekr Ludbrandson Srgnjotr Thruvar (Геррауд-СоколЛюдбрандович Победоносный Заслуживающий доверия). Он происходил из скандинавского рода Скъелдунгов.

Рюрик родился в 800 г. Его отцом был Людбрант Бьерк — мелкий датский конунг из рода Скъелдунгов. В 782 г., то есть еще до рождения Рюрика, Людбрант был изгнан из Ютландии и поступил на службу к королю франков Карлу Великому. Король пожаловал Людбранту ленное владение во Фрисланде (на побережье Северного моря). В царствование сына Карла Великого Людовика Благочестивого Рюрик и его старший брат Харальд приняли крещение. После этого Людовик даровал братьям в ленное владение область Рустриген во Фрисланде. Вскоре Харальд умирает, и Рюрик становится единственным владельцем лена.

Однако в 843 г. новый император Лотарь отобрал фрисландский лен у Рюрика. Рюрик, естественно, обиделся, вернулся в язычество и занялся пиратством.

В 845 г. его дружина грабила берега Эльбы, а в следующем году Рюрик совершил набег на Францию. В 850 г. он погулял по восточному побережью Англии.

В 862 г. Рюрик исчезает из западных Хроник. Лишь в 870 г. он вновь появляется на Западе. К этому времени император Лотарь был уже мертв. В 870—873 гг. Рюрик ведет переговоры с королем франков Карлом Лысым и

германским королем Людовиком.

Ряд западных и польских историков полагают, что Рюрик умер в Западной Европе между 874 и 876 годами.

Любопытно, что все русские летописи молчат о кончине Рюрика и его деятельности после 870 г. Лишь в «Повести временных лет» говорится: «В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу — родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал»^[6].

Зато современные авторы выдвигают самые различные предположения о последних годах жизни Рюрика. Он-де вернулся в 874 г. в Новгород и умер там в 879 г. По другой версии, он умер в городе Корела, и вообще Рюрик — уроженец Карелии. Увы, никаких достоверных подтверждений этих и других версий их авторами не приводится.

Так что наиболее вероятно, что конунг Рюрик с дружиной действительно прибыл на Русь в 862 г., а спустя 8 лет поехал возвращать свои ленные земли во Фрисланд, где и скончался.

А вот его братья Синеус и Трувор являются плодом фантазии русского летописца. Возможно, он имел какой-то документ, славянский или норманнский, где и нашел непонятые слова «синеус» (sine hus — свой род) и «трувор» (thru varing — верная дружина). Видимо, о Рёрике было сказано, что он прибыл со своими родичами и верной дружиной, которых малограмотный летописец превратил в братьев Рюрика. Не имея никаких сведений о деятельности Тривора и Синеуса и об их потомстве, летописец умертвил обоих братьев в 864 г.

Теперь остается последний вопрос: а какую это «русь» привел Рюрик? В книге «Викинги», изданной в Москве в 1995 г. огромным для нынешнего времени тиражом 50 тысяч экземпляров, говорится: «Славяне называли викингов русами, поэтому территория, где расселились русы, получила название Русь (впоследствии — Россия)»^[7]. Мягко выражаясь, это буйная фантазия господ Филиппы Уингейт и Энна Милларда, как, впрочем, и иных иностранных и отечественных историков^[3]. Дело в том, что в Скандинавии не было не только племени варягов, но и руси. А русью или русами норманнов называли только в Восточной Европе.

Некоторые историки связывают слово «рос» — «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни, и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плаванье на

гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» — «русь» происходит от слова «корабль».

В IX—X веках знаменитый «Путь из варяг в греки» стал государствообразующим для России. Сразу оговорюсь: этот «Путь» надо понимать не в узком смысле, как нас учили в школе: Финский залив — Нева — Ладога — Волхов — Ильмень-озеро — Ловать — волоки — Днепр — Черное море. Это лишь один из вариантов пути, по которому, по моей оценке, в IX—XI веках не проходило и десятой доли товарооборота Древней Руси. На самом деле русы освоили несколько десятков речных и озерных путей, которые можно с некоторой натяжкой включить в «Путь из варяг в греки».

Начну с того, что перейти с Балтики на Днепр, скажем, в районе Смоленска, можно еще как минимум тремя путями. Первый путь из Финского залива через реку Нарову в Чудское, а затем в Псковское озеро, после вверх по реке Великой и ее притокам, затем волок и — в Днепр.

Второй путь (для удобства читателя я опишу его в обратном направлении) ведет из Чудского озера в Балтийское море. Поднимаясь вверх по реке Эмба до озера Выртсыярва, ладьи затем входили в устье реки Тянассилма и поднимались на 34 км вверх по течению до небольшого озера Вильянди. Пройдя 4,5 км по озеру, ладьи шли 34 км по речке Раудне, которая затем впадает в Халисте (7,6 км), а та — в Навести, последняя же впадает в реку Пярну (38 км). Ну а Пярну, как известно, впадает в Балтийское море.

Третий путь из Балтики на Днепр наиболее простой — вверх от нынешней Риги по Западной Двине до нынешнего городка Сураж на границе Беларуси и РФ, а оттуда вверх по притоку Северной Двины реке Каспле до озера Каспля. А от озера вверх до впадения в него речек Клец и Лелеква. Обратим внимание, рядом деревня Волоковая. Далее — волок 6—7 км по болотам и озеро Курино, из которого вытекает речка Катынь — правый приток Днепра.

Стоит сказать, что название поселка Катынь на одноименной реке произошло не от слова «кат» — палач, то есть место, где жили палачи, как выдумали господин Збигнев Бжезинский и другие наши заклятые друзья поляки, а от слова «катить». Именно там перекачивали на бревнах ладьи.

Рассматривая систему волоков, невольно приходишь к выводу, что центром пересечения речных путей на Руси и, соответственно, ключевым пунктом «Пути из варяг в греки» был не Новгород, не Ладога^[4] и уж

подавно не Киев, а древний Смоленск.

Важным пунктом на «Пути из варяг в греки» был и Полоцк, впервые упомянутый в «Повести временных лет» под 6370 (862) годом.

Рюрик «раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бело-озеро. И по темъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи»^[8].

В XI веке Полоцк уже занимает площадь 120—200 га.

Видимо, Полоцк существовал и ранее. На его городище были найдены арабские дирхемы, отчеканенные в 800—825 гг., а анализ деревянных построек показывает VIII век.

Как и в Гнёздове, в Полоцке в IX—X веках жили варяги и славяне, что подтверждается многочисленными находками археологов.

Как и Смоленск (Гнёздово), Полоцк являлся портом пяти морей — Западная Двина была связана системой волоков и копанок с Днепром, Волгой, Окой и Ловатью.

Варяги, подчинявшиеся Рюрику и его воеводам, не ладили с конунгом Аскольдом, захватившим Киев. Дореволюционные и первые советские историки добавляли к Аскольду князя-двойника — Дира. Однако патриарх советской исторической науки академик Борис Александрович Рыбаков писал: «Личность князя Дира нам не ясна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Аскольду, так как при описании их, якобы совместных, действий грамматическая форма дает нам единственное, а не двойственное или множественное число, как следовало бы при описании совместных действий двух лиц»^[9].

Как видим, и время, и должность заставляют академика прибегать к осторожным формулировкам.

Три арабских автора IX—X веков — ал-Йа'куба, Ибн Хау-каль и ал-Мас'уди — упоминают о набегах русов в Испанию. В частности, «ар-рус» в 844 г. напали на город Севилью. Причем упоминается предводитель русов какой-то Аскольд аль-Дир.

Замечу, что имя Ashold, или Asholt, в переводе с готского обозначает «честь ариев». Его давали будущим воинам, судьба которых была заранее предопределена. А Дир — это прозвище Аскольда. В переводе с готского Dyr, Djur означает «зверь».

Через несколько лет Аскольд аль-Дир приходит в Киев и, судя по всему, занимает его без борьбы. Киевляне признают его своим князем. А вот позже русские летописцы, видимо, из-за какой-то описки в недошедших до нас манускриптах превратили князя русов в двух князей —

Аскольда и Дира.

Практически все наши историки согласны в том, что именно Аскольд возглавил уже известное нам нападение русов на Константинополь в июне 860 г.

Согласно русским и византийским источникам, Аскольд и часть его дружины крестились, причем Аскольд получил христианское имя Николай. В русских летописях содержатся лишь отрывочные сведения о деятельности Аскольда. Так, в 872 г. «убиен был от болгар сын Аскольдов». В 875 г. «Оскольд [Аскольд] избиша множество печенег». В 875 г. «ходил Оскольд на кривичей^[5] и тех победив...»

Досталось от Аскольда и варягам, правившим Полоцком. В Никоновской летописи говорится: «Аскольд и Дир воевали полочан и многое зло им сотвориша».

Июньским днем 882 г. к Киеву с севера подошел караван ладей с купцами-русами. Они причалили к берегу, и начался торг. Князь Аскольд (а по летописи, естественно, Аскольд и Дир) с небольшой свитой вышел посмотреть на товары и узнать новости. Внезапно с ладей выскочили спрятанные там варяги. После короткой стычки Аскольд (вместе со своей «тенью») был убит.

Изумленные горожане узнали, что перед ними не купцы, а дружина русов во главе с воеводой Олегом, который приходился каким-то родственником Рюрику и привез с собой из Новгорода Игоря — малолетнего сына Рюрика.

Согласно летописи, Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского», и, указывая на вынесенного в это время из ладьи Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков».

Олег с честью похоронил князя Аскольда. В летописях и былинах есть упоминание об «аскольдовой могиле», при этом о «дировой могиле» никаких сведений нет.

Силой или мирным путем киевскому князю Олегу удалось подчинить себе Полоцк. В договоре киевского князя Олега с Византией в 907 г. Полоцк упомянут среди других русских городов. Однако в аналогичном договоре князя Игоря в 945 г. упоминания о Полоцке нет. Это дало основание ряду историков утверждать, что к 945 г. город уже не подчинялся Киеву. Подобное вполне могло иметь место, но не исключено, что полоцкая дружина опоздала к походу или князь Игорь почему-то решил наказать город.

Во всяком случае, к 970 г. Полоцком управлял князь Рогволод. Историк А.Н. Насонов без каких либо оснований записал Рогволода в местную

племенную знать. «Действительно, имя Рогволод выглядит русским (володетель рога-мыса), однако оно находит соответствие и в других языках, как и имя его дочери Рогнеды. Имя Ронгвалд хорошо известно исландским сагам: в истории исландских оркнейских графов, весьма древней и записанной в XIII в., рассказывается, например, о графе Ронгвалде, который, путешествуя по Европе, “по пути грабил многие языческие замки и корабли”»^[10].

Захват Полоцка пришлым варягом Рогволодом может быть объяснен отсутствием князя Святослава в Киеве — он воевал в это время в Болгарии.

Святослав оставил своего сына Ярополка княжить вместо себя в Киеве, а другого сына, Олега, назначил наместником в древлянские земли. Малолетний Владимир был послан наместником в далекий Новгород.

После смерти Святослава мир между братьями продолжался недолго. В 977 г. воевода варяг Свенельд подучил шестнадцатилетнего Ярополка напасть на древлянские земли. Недалеко от города Овруч сошлись рати Ярополка и Олега. Замечу, что последнему было только 15 лет. Войска Олега были разбиты, а сам он решил укрыться в Овруче. На мосту, перекинутому через ров к городским воротам, случилась давка, люди сталкивали друг друга в ров, столкнули и Олега. Падали в ров и лошади, которые давили людей. Овруч сдался Ярополку, который приказал разыскать брата. Тело Олега нашли заваленным человеческими и лошадиными трупами на самом дне рва. Ярополк расплакался над телом брата и сказал Свенельду: «Порадуйся теперь, твое желание исполнилось». Древлянская область перешла под прямое управление киевского князя.

Владимир, узнав о гибели Олега, испугался за свою жизнь и бежал в Швецию. После этого Ярополк отправил своих наместников в Новгород.

В 980 г. Владимир вернулся на Русь с варяжской дружиной, захватил Новгород и начал готовиться к походу на Киев. В качестве союзника он попытался привлечь вассала Киева полоцкого правителя Рогволода.

Владимир предложил Рогволоду скрепить союз браком с его дочерью Рогнедой. Однако Рогнеда уже была просватана за Ярополка и категорически отказалась идти за Владимира, гордо заявив: «Не хочу разуть сына рабыни, хочу за Ярополка»^[6].

Владимир собрал войско из варягов, славян, чуди и веси и двинулся к Полоцку. Не хочется разочаровывать романтически настроенных читателей, но Владимира и его варяжское окружение интересовала не столько прекрасная Рогнеда, сколько волоки, которые контролировал полоцкий властитель. Как, впрочем, за две тысячи лет до описываемых

событий греки десять лет осаждали Трою не из-за Елены Прекрасной, а из-за контроля над Дарданеллами.

Без захвата волоков на пути «из варяг в греки» речная флотилия Владимира не смогла бы пройти к Киеву. Владимир взял штурмом Полоцк.

По преданию, Владимир изнасиловал Рогнеду на глазах ее отца, матери и братьев Роальда и Свена, а затем в присутствии Рогнеды убил всех ее родственников. Забегая вперед, скажу, что Владимир взял Рогнеду в число своих многочисленных жен. Рогнеда родила сына, названного Изяславом.

Нападение Владимира на Полоцк подтверждено археологами. Раскопки показали, что разгромленная цитадель Полоцка не восстанавливалась и была перенесена на рубеже X—XI веков на более высокое и неприступное место в устье реки Полоты, на ее левый берег.

Князь Владимир предложил брату Ярополку переговоры. Но не успел князь войти в терем, как был заколот двумя варягами по приказу Владимира.

В «Повести временных лет» о князе Владимире четко сказано: «Любил жен и всякий блуд».

С.М. Соловьев писал: «Кроме пяти законных жен было у него 300 наложниц в Вышгороде^[7], 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове».

В русских источниках упоминаются следующие законные жены Владимира: скандинавка Ольга, полочанка Рогнеда, богемка Мальфреда, чешка Адиль, болгарка Милолика, гречанка Предлава, византийка Анна и даже неизвестная дочь германского императора, на которой он якобы женился после смерти Анны в 1011 г.

Еще более существенно разнится число сыновей любвеобильного князя. Никифоровская летопись, В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин называют десять, С.М. Соловьев — одиннадцать, Новгородский и Киевский своды — двенадцать, а родословная Екатерины II — тринадцать сыновей.

Где-то между 980-м и 986 г. Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслав он направил в Новгород, Изяслав в Полоцк, Святополк в Туров (в летописи указан Пинск), Ярослава в Ростов.

Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

Между 1001-м и 1010 гг. умерли своей смертью два старших сына Владимира — Вышеслав и Изяслав.

В 1010 г. Владимир производит второе распределение городов. В Новгород направлен из Ростова Ярослав, в Ростов якобы Борис из Муром, а на его место Глеб, Святослав к древлянам, Всеволод во Владимир

Волынский, Мстислав в Тмутаракань (в Крыму). Полоцк же вопреки обычаю был оставлен за сыном умершего Изяслава Брячиславом.

Никаких достоверных сведений о жизни населения Полоцкого княжества в X—XI веках до нас не дошло. Это порождает полнейший разнобой в трудах историков. Так, в официальном белорусском издании «История Беларуси с древности до наших дней» (Минск, 2004) Петр Чигринов утверждает, что Полоцк управлялся «вечем, которое являлось своеобразным институтом средневековой демократии, в исполнительном — князем и его дружиной. Вече, или народное собрание, созывалось не только в главном княжестве, но и в других его составных частях. В Полоцке вече приглашало князя, договаривалось с ним об условиях его княжения. В случае, если князь нарушал “ряд” (договор), оно “указывало ему путь”, т.е. лишало должности и полномочий... Власть вече распространялась не только на главный город, но и на земли, окружавшие его, меньшие города княжества. В Полоцкой земле такими считались Минск, Борисов, Стрежев, Усвяты, Друцк и др. Во внешних делах они полностью зависели от Полоцка»^[11].

Ну а в издании Академии наук СССР «Древнерусские княжества X—XIII вв.» (Москва, 1975) говорится, что «Полоцкая земля оказалась в совершенно особом положении и первая открыла путь к экономической и политической самостоятельности. Причин более раннего развития феодализма в этой земле — несколько, но главнейшая, на наш взгляд, в ее географическом положении»^[12].

Но вернемся к политической истории Древнерусского государства.

Любопытно, что все русские летописи молчат о последних годах жизни князя Владимира Красное Солнышко. Из этого может следовать лишь один вывод: кто-то, то ли сам слишком «мудрый» Ярослав, то ли его беспокойные детишки, основательно отредактировал русские летописи, а периоды, где врать уже было невмочь, попросту опустили.

Так или иначе, но к 1015 г. Святополк был если не правителем Киева, то, по крайней мере, соправителем своего отца^[8].

В это время Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной 1015 г. Владимир разболелся и 15 июля умер. Естественным возможным преемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

Сразу после смерти Владимира Ясного Солнышко на Руси начинаются странные и таинственные события. И при проклятом царизме, и при

развитом социализме, и при нынешней демократии наши историки опирались исключительно на два древнерусских источника: «Повесть временных лет» и «Сказание о Борисе и Глебе».

Вот что говорится в «Повести временных лет»: «Когда Борис возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: “Отец у тебя умер”. И плакался по отце горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты^[9]. Сказала же ему дружина отцовская: “Вот у тебя отцовская дружина и войско; пойдя, сядь в Киеве на отцовском столе”. Он же отвечал: “Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот у меня будет вместо отца”, Услышав это, воины разошлись от него. Остался Борис с несколькими отроками.

Ну а злодей Святополк решил убить Бориса. Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался и воспринял неувядаемый венец. И, принеся тело его, положили в Вышгороде, и погребли в земле у церкви святого Василия»^[13].

А тем временем сам Сатана начал подстрекать Святополка на новое преступление — убийство еще одного брата — Глеба Муромского. Святополк отправил гонца в Муром: «Приезжай поскорее сюда: отец тебя зовет, он очень болен». Глеб с малой дружиной немедленно отправляется в путь. Вблизи Смоленска его нагнал посланец Ярослава из Новгорода: «Не ходи, — велел сказать ему Ярослав, — отец умер, а брата твоего Святополк убил». Но Глеб почему-то упорно жаждет смерти и тоже безропотно ждет убийц. Естественно, в конце концов, и его зарезали.

За это двойное убийство наши историки называли Святополка Окаянным. Ну, убивать братьев потомству Рюрика было не привыкать. Святослав убил родного брата Улеба, а Святой Владимир — Ярополка, так что Святополк лишь продолжил традиции отца и деда, которых, кстати, никто не называл «окаянными».

Другой вопрос — о мотивах убийства Бориса и Глеба. Мы уже знаем, что Владимир вел с Ярополком битву за Киев, а фактически — за владение Русью, и убийством брата прекратил войну. Владимир был узурпатор, а Ярополк — законный наследник престола. Оставить его в живых — это постоянно иметь дамоклов меч над головой.

Святополк оказался совсем в другой ситуации. Полоцкое и Новгородское княжества отделяются от Киева и готовятся к войне с ним. Значительная часть князей Владимировичей (Мстислав — князь тмутараканский, Святослав — князь древлянский и Судислав — князь

псковский) держат нейтралитет и не собираются подчиняться центральной власти. Лишь два младших по возрасту князя — Борис Ростовский и Глеб Муромский — заявляют, что готовы чтить Святополка, «как отца своего».

Я не зря подчеркиваю, что Борис и Глеб были младшими братьями, и им не светил киевский престол в случае гибели Святополка. По закону его должен был занять старший из братьев — Мстислав, Ярослав и т.д. Святополк же начинает свое правление с убийства... двух верных своих союзников. В выигрыше оказались лишь сепаратисты Ярослав и Брячислав, которые из мятежников превратились в мстителей за убиенных братьев. Создается впечатление, что Святополк тронулся головой.

Да и братья Борис и Глеб ведут себя как умалишенные или самоубийцы. С одной стороны, они не пытаются сопротивляться или бежать в Новгород, Полоцк, Тмутаракань или «за бугор», с другой — не пытаются объяснить с братом, рассказать ему, что тот окружен врагами и они его единственные верные вассалы.

К сожалению, наших дореволюционных, советских и демократических историков отличает неумение и нежелание разбираться в сложных и спорных ситуациях и тупая верность навешенным ярлыкам. Приклеили историческим персонажам этикетки «святой», «мудрый», и историки тысячу лет поют им осанну до очередного «высочайшего указания».

Церковь же в 1072 г. канонизировала братьев Бориса и Глеба, они стали первыми русскими святыми.

Здесь мне хочется сделать маленькое авторское отступление. В ряде книг я рассказывал без купюр о деятельности исторических лиц, после причисленных к лику святых православной и католической церквями. Некоторые читатели считают это невежливым по отношению к соответствующим конфессиям. На мой взгляд, правдивое освещение истории — это долг автора перед читателем и ни в коей мере не затрагивает ни символа веры, ни сами конфессии. При этом замечу, что и в самих руководствах церквей нет единства при канонизации тех или иных одиозных исторических деятелей.

Так, борьба за канонизацию Николая II и его жены длилась в церковных кругах свыше 10 лет. И, в конце концов, они были канонизированы, но не отдельно, а чохом вместе со многими другими историческими лицами, погибшими от рук большевиков. Надо ли объяснять, что значит такое объединение в отношении последнего русского императора?

Не менее 15 лет ряд служителей церкви добиваются канонизации Григория Распутина, но пока конца этого процесса совсем не видно.

Наконец, здравомыслящие иерархи как в Русской православной церкви, так и в Риме стараются исправить ошибки своих предшественников. Так, католическая церковь признала неправомерность процессов над Галилеем и Джордано Бруно, извинилась перед православным духовенством и греческим народом за разгром крестоносцами Константинополя и т.д. Русская православная церковь еще со времен патриарха Никона деканонизировала десятки святых князей и других исторических лиц.

С другой стороны, пока нет примеров репрессий церковных властей против священнослужителей и мирян, не признающих святости тех или иных деятелей, например, того же Николая II. Так что даже в церковных кругах вопрос о святости многих лиц остается открытым.

Култ Бориса и Глеба прижился. На Руси народ любит праздники: атеисты пьют на Пасху, демократы — на 7 ноября и т.п. А для сильных мира сего новые святые стали прямо находкой. Это было мощное идеологическое оружие против любых конкурентов в борьбе за власть. Забавно, что события тысячелетней давности используются и сейчас в политических играх. Главы правительств возлагают цветы к памятнику Ярославу Мудрому в Киеве, а бывший секретарь обкома заложил в Москве Храм Бориса и Глеба. Не удивлюсь, если вскоре «чудесным образом» найдутся останки Бориса и Глеба. Их утеряли после взятия Вышгорода татарами в 1240 г. Императрица Елизавета Петровна, а позже Александр I делали безрезультатные попытки найти мощи Бориса и Глеба. Но нет крепостей, которых бы не взяли большевики, хотя бы и бывшие — они могут найти все, что угодно. Нашли же недавно останки московского князя Даниила Александровича, могила которого была утеряна еще в XIV веке, нашли «останки царской семьи». А тут что — слабо?

Все бы было хорошо, но варяги, служившие у русских князей, имели дурную привычку рассказывать о своих походах скальдам — норманнским сказителям.

В Норвежском государственном архиве среди других древних текстов сохранилась «Сага об Эймунде». Эта рукопись, по мнению специалистов, датируется 1150—1200 гг.

В 1833 г. «Королевское общество северных антикваров» издало в Копенгагене малым тиражом (всего 70 экземпляров) «Сагу об Эймунде» на древнеисландском языке и в латинском переводе. Эймунд — праправнук норвежского короля Харальда Прекрасноволосого и командир отряда варягов, состоявших на службе у Ярослава Мудрого. Естественно, сага заинтересовала русских историков, и профессор Петербургского

университета О.И. Сенковский переводит сагу на русский язык. Сага привела достопочтенного историка в ужас.

Сага представляет собой незатейливое повествование о походах норвежского конунга Эймунда. Он с дружиной был среди варягов, нанятых Ярославом для борьбы с отцом. Эймунд потребовал у Ярослава (в «Саге...» он фигурировал как Ярислейф) платить каждому конунгу по эйриру серебра (около 30 грамм), а кормчим на кораблях — еще по половине эйрира плюс бесплатное питание. Ярослав начал торговаться, заявил, что денег у него нет. Тогда Эймунд предложил платить бобрами и соболями. На том и порешили.

Сага об Эймунде расставляет все точки над «і». Ярослав из-за хлопот с женитьбой и набором наемников сумел выступить в поход из Новгорода лишь в конце лета 1016 г. Борис не ломал комедию с роспуском войска и ожиданием убийц, а, как и положено, встал на сторону старшего брата. Мало того, Борис нанимает отряды печенегов. Вполне возможно, что тут ему помогло его восточное происхождение (по матери).

Борис (в «Саге...» — Бурислейф)^[10] вместе со своей русской дружиной и печенегами идет навстречу войску Ярослава. В ноябре 1016 г. рати сошлись на берегу Днепра в районе города Любеча.

Попробуем сравнить содержание этих источников. «Повесть временных лет» и «Сага...» удивительно сходятся в деталях битвы у Любеча. Удивительно потому, что компиляция исключена, автор «Повести...» не знал о «Саге...», и наоборот. Есть только небольшое расхождение в дате сражения и принципиальное — в имени противники Ярослава. В «Повести...» это Святополк, а в «Саге...» — Борис-Бурислейф. Святополк в саге вообще не упомянут. Это и понятно, сага посвящена не гражданской войне на Руси, а действиям отдельного варяжского отряда, который не участвовал в битвах со Святополком.

Обратим внимание, согласно «Повести...» Святополк бежит в Польшу, по Новгородской летописи Святополк бежит к печенегам, и, наконец, «Сага...» утверждает, что Борис (Бурислейф) бежит к печенегам.

Единственным разумным объяснением этого противоречия является вариант, при котором Святополк не участвует в битве у Любеча, а бежал из Киева за помощью к своему тестю великому князю Болеславу, Борис же направился к своим друзьям печенегам. Через короткое время, опираясь на союзные войска, братья с запада и с востока атакуют Ярослава. Как видим, все братцы стоят друг друга: один привел варягов, другой — ляхов, третий — печенегов. Любопытно, что русские летописи представляют Святополка вездесущим — то он у поляков, то у печенегов. Что, он летал птицей через

войска Ярослава?

Что касается Глеба, то он по всей вероятности был на стороне Ярослава, но вскоре был убит своими подданными муромчанами. Из «Повести временных лет» известно, что еще при жизни Владимира Святого муромчане не пускали Глеба в город, а гражданская война совсем развязала им руки. В конце 1016 г. войско Ярослава заняло Киев.

Перипетии гражданской войны на Руси очень интересны, но выходят за рамки нашей темы. Поэтому я отсылаю интересующегося читателя к моей книге «Наша великая мифология. Четыре гражданские войны с XI по XX век» (Москва, 2008).

Мы же остановимся на эпизодах войны, связанных с белорусскими землями.

В 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (Бресту). При этом войско Ярослава прошло через земли древлян, князем которых был его брат Святослав, поставленный так еще Владимиром. Согласно «Повести временных лет», Святослав, узнав о гибели Бориса и Глеба, испугался Ярополка и бежал в Венгрию. Ярополк «Окаянный» послал за ним погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах. Замечу, о Святославе говорится скороговоркой, нет никаких причитаний, как о Борисе и Глебе.

Летописная версия о гибели Святослава более чем неубедительна. Древлянский князь имел сильную дружину и ряд крепостей, но, испугавшись слухов об убийстве братьев, в панике бежит в Венгрию... Между тем в это время Ярополк контролировал лишь район Киева. На него с ратью шел Ярослав, враждебный нейтралитет (как минимум) держали брат Мстислав Тмутараканьский и племянник Брячислав Полоцкий. Так что официальная версия русских и советских историков не имеет логического объяснения.

Если же принять свидетельство «Саги...» и других источников, что убийство Бориса произошло уже после похода войска Ярослава Мудрого, а не Святополка окаянного (I)^[11], то и бежать ему пришлось не от слуха о мифическом убийстве Бориса, а от войска Ярослава. Вполне логично, что свирепый братец послал за беглецом погоню, которая настигла его в Карпатах и прикончила.

Итак, пройдя Древлянские земли, Ярослав подошел к Берестью. Город к 1015 г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мерзебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было

связано с прибытием печенегов, ведомых Борисом Владимировичем.

Летом 1017 г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наемных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Бут. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньей в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава некий Буда начал насмехаться над польским князем, крича ему: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!»^[12]. По словам летописца, Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургского: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». То же говорят и русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Буды (Буду).

Сам Ярослав с четырьмя дружинниками убежал в Новгород. Там он решил бежать в Швецию. Но новгородцы во главе с посадником Константином сыном Добрыни «рассекли ладьи Ярослава, так говоря: “Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком”. Начали деньги собирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и отдали им деньги, и собрал Ярослав воев многих».

Между тем бегство Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «Добившись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

В начале августа 1018 г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и

наемники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города, и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почетной.

14 августа союзники вошли в город. У собора Святой Софии (тогда еще деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В «Повести временных лет» говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: “Сколько есть ляхов по городам, избивайте их”». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго уговаривать не пришлось. Почти синхронно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными драгоценностями. Знатные русские пленники — бояре Ярослава, жены и сестры — были отправлены в Польшу, видимо, еще раньше. Болеславу удалось сохранить за собой и Червенские города, приобретенные еще князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал чеканить собственную серебряную монету. А тем временем мудрый Ярослав счел себя холостым и послал сватов к шведскому королю Олафу I Шётконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с мудрым Ярославом.

Возникает резонный вопрос, с какой стати шведский король решил испортить жизнь дочери и отдать ее за нелюбимого человека? А ведь в 1015 г. Ярослав был всего лишь новгородским князем и бунтовщиком... Ларчик открывается просто: Ингигерд получила в качестве свадебного дара Альдейгъюборг (Ладогу). Причем получила не «в кормление», как это было в Московской Руси. Например, вдовая царица Мария Нагая с сыном получили «в кормление» город Углич. Ингигерд получил Ладогу в полное владение. После ее смерти Ладога должна была остаться за ее шведскими наместниками, что, кстати, так и случилось.

Новый тесть отправил Ярославу сильную дружину. Но Ярослав, по данным «Саги об Эймунде», считал своим основным противником не Святополка, а Бурислейфа, то есть Бориса. И с ним удалось покончить весной 1019 г.^[13] Войско Ярослава двинулось к Киеву. Навстречу ему шел, по русской летописи, Святополк, а по «Саге...» — Бурислейф (Борис). Последний провел несколько месяцев у печенегов и теперь вел печенежскую рать.

Эймунд правильно оценил ситуацию. Даже в случае поражения Борис через какое-то время вновь приведет печенегов. В такой ситуации Эймунд обратился к Ярислейфу: «Никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ярослав оказался действительно «мудрым» и хитро ответил: «Я никого не буду винить, если он (Борис) будет убит».

Эймунд, его родственник Рагнар и десять варягов переоделись в купеческое платье и двинулись навстречу войску печенегов. Эймунд нашел близ реки Альты на дороге удобную для лагеря полянку. В центре полянки был дуб. По приказу Эймунда варяги нагнули верхушку дуба и привязали к ней систему веревок, примитивную подъемную машину, замаскированную в ветвях. Как и предвидел Эймунд, печенеги остановились именно в этом месте. Под дубом был разбит большой княжеский шатер. В центре шатер поддерживал высокий шест, украшенный сверху золоченым шаром. Ночью шесть варягов остались стеречь лошадей, а остальные во главе с Эймундом направились к шатру. Печенеги были утомлены походом и изрядно выпили перед сном. Варяги беспрепятственно подошли к шатру, накинули на верхушку шеста петлю веревки, связанной с дубом. Веревка, удерживающая согнутую верхушку, была перерублена. Дерево распрямилось, сорвало шатер и отбросило его в сторону. Эймунд бросился к спящему князю, убил его копьем и быстро обезглавил. Прежде чем печенеги опомнились, варяги уже бежали к лошадям.

По прибытии в Киев Эймунд принес конунгу Ярислейфу голову Бурислейфа: «На! Вот тебе голова, государь! Можешь ли ты ее узнать? Прикажи же прилично похоронить брата».

Конунг Ярислейф отвечал: «Опрометчивое дело вы сделали, и на нас тяжко лежащее. Но вы же должны озаботиться и его погребением».

Эймунд решил вернуться за телом Бориса. Как он правильно рассчитал, печенеги ничего толком не поняли и были поражены смертью князя и исчезновением его головы. Ясно, что не обошлось без лукавого. Во всяком случае, они в панике бежали, оставив тело князя на поляне.

Варяги Эймунда обрядили тело князя, приложили к нему голову и похоронили.

После бегства печенежской рати Ярослав овладел Киевом. Святополку пришлось уносить ноги. «И во время бегства напал на него бес, и расслабил суставы его. Он не мог сидеть на коне и несли его на носилках. Принесли его к Берестью, убегая с ним. Он же говорил: “Бегите бегом со мною, гонятся за нами”. Отроки же его посылали посмотреть: “Не гонятся ли кто за ними?” И не было никого, кто бы гнался по их следам, и продолжали бежать с ним... Ему невыносимо было оставаться на одном

месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый божием гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там кончил бесчестно жизнь свою. Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти он принял муки окаянного... посланная ему богом смертельная рана безжалостно кинула его смерти, и по смерти он, связанный, терпит вечные муки. Стоит могила его на этом пустынном месте и до сего дня, и исходит из нее смрад жестокий»^[14].

Почти сразу после убийства Бориса Ярослав перестал платить жалованье отряду Эймунда. То ли жадность обуяла князя, то ли он хотел, чтобы нежелательные свидетели отправились домой или куда-нибудь в Византию. Но варяги — не шахтеры, и не учителя, они не выходили с транспарантами: «Требуем выдать в ноябре зарплату за январь». Эймунд пошел к Ярославу и сказал: «Раз ты не хочешь нам платить, мы сделаем то, чего тебе менее всего хочется — уйдем к Вартилаву конунгу, брату твоему. А теперь будь здоров, господин». Варяги сели на ладьи и поплыли к Полоцку, где им щедро заплатил князь Брячислав (Вартилава).

Внук Владимира Святого Брячислав Изяславич держал нейтралитет в войне Ярослава с братьями. Его больше всего устраивало взаимное истощение сторон. Сам же Брячислав зарился на стратегические волокна на пути «из варяг в греки» в районе Усвята и Витебска, а в перспективе метил и на Киевский престол.

Получив варяжскую дружину, Брячислав осмелел и в 1021 г. взял Новгород. Ярослав собрал войско и двинулся на племянника. Согласно русским летописям, в битве на реке Судомире^[14] полоцкая рать была наголову разбита, а Брячислав бежал в Полоцк. Вскоре Ярослав и Брячислав заключают мир. По его условиям Витебск и Усвят отходят к Брячиславу, как будто бы он победил на Судомире.

В «Саге об Эймунде» эти события изложены совсем по-другому. Битвы на Судомире не было вообще. Дружины Ярослава и Брячислава неделю стояли друг против друга, не начиная сечи. И тут опять решающую роль сыграл «спецназ» Эймунда. Группа варягов во главе с Эймундом ночью похитила жену Ярослава Ингигерд и доставила ее Брячиславу. После этого Ярославу пришлось заключить с племянником униженный мир. Какая прекрасная тема для беллетриста — ради любимой жены князь отдает два города. Но наша повесть строго документальная, и мы должны верить только фактам, а они заставляют предположить, что Ярослав предпочел бы видеть жену убитой, нежели взятой в заложники. Ингигерд не была русской княгиней-затворницей XIV—XV веков. Наоборот, она была воительницей и

дала бы много очков вперед какой-нибудь Жанне д'Арк.

Когда Эймунд уезжал от Ярослава к Брячиславу, Ингигерд пыталась убить конунга, и лишь случайность спасла его. Согласно саге, захват Ингигерд произошел ночью на дороге, по которой она куда-то скакала в сопровождении всего одного дружинника. В схватке под Ингигерд была ранена лошадь.

Мало того, в личном распоряжении Ингигерд с самого начала войны находился большой отряд варягов. В отличие от дружины Эймунда эти варяги вообще не подчинялись Ярославу. Нетрудно догадаться, что в такой ситуации у Ярослава просто не было выбора.

Заклучив мир с племянником (Брячиславом Полоцким), Ярослав Мудрый решил разобраться с еще одним своим братом — Мстиславом Тмутараканьским. До этого Мстислав не принимал участия в войнах Ярослава с братьями. То ли он не хотел ввязываться в их свары, то ли его отвлекали непрерывные войны с хазарами, касогами и другими кочевыми племенами.

Ход боевых действий оказался неудачным для Ярослава, и в 1025 г. он заключил мир с Мстиславом. Братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав — западную сторону с Киевом. «И начали жить мирно, в братолюбстве, перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в Земле», — говорит летописец.

В 1036 г. Ярославу неожиданно крупно повезло — на охоте погиб богатырь Мстислав. У Мстислава был единственный сын Евстафий, но тот умер еще в 1032 г. В связи с этим земли Мстислава мирно отошли к Ярославу. Ярослав правил долго и умер в 1054 г. Он много воевал, много строил, нажил много детей.

В 1022 г. войска Ярослава приходили к Берестью, занятому поляками, однако удалось ли им взять город, летопись умалчивает..

В 1025 г. Болеслав I Храбрый объявил себя королем. Через несколько недель после своей коронации он умер. В Польше начинается усобица между Болеславичами — новым королем Мешко II и его братом Оттоном. В польские дела немедленно вмешиваются соседи — немцы и чехи. В ходе войны Оттон бежал к князю Ярославу Мудрому. Жить ему было приказано в Киеве, а не при дворе князя в Новгороде. В Киеве Оттон провел около шести лет. Оттуда он вступил в сношения с германским императором Конрадом, строя козни против брата. Все это, естественно, происходило с санкции Ярослава.

В 1030 г. Ярослав захватывает польский городок Белзы (Белз) на реке

Жолокии, притоке Западного Буга (ныне на территории Львовской области). Согласно русской летописи, «в лето 6539 (1031 г.) Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские опять, и повоевали Лядскую землю; и многих ляхов привели и разделили их: Ярослав посадил своих по Руси^[15]; и пребывают они там и до сегодня».

В войске Ярослава находилось немало варягов, в том числе Эйдив Рёгнвальдссон и Харальд. Позднее исландский скальд Тьодольв Арнорссон воспел этот поход и подвиги наемников варягов: «Воины задали жестокий урок ляхам» (в стихотворном переводе О.А. Смирницкой: «Изведал лях лихо и страх»).

После похода 1031 г. Ярослав не вмешивался в польские дела, удовлетворившись присоединением к своим владениям «Червенских градов».

20 февраля 1054 г. умер Ярослав Мудрый. Два его сына, Илья и Владимир, скончались еще при жизни отца, еще пять сыновей — Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь, Вячеслав были уже в солидном возрасте. Наследовал отцу старший сын Изяслав. Ему же принадлежали Турово-Пинская земля и Новгород. Святослав, сидевший перед тем на Волыни, получил Чернигов, земли радимичей и вятичей, то есть всю Северную землю, Ростов, Суздаль, Белоозеро, верховья Волги и Тмутаракань. Всеволод получил Переяславль, Игорь — Волынь, а Вячеслав — Смоленск. Внук Ярослава, Ростислав Владимирович, сидел в «Червенских градах», в Галицкой земле. Теперь почти вся Русь принадлежала детям и многочисленным внукам Ярослава. Все остальные дети и внуки князя Владимира Святого умерли или были убиты.

Исключение представлял Судислав Владимирович, который долгие десятилетия провел в темнице, заключенный туда братом Ярославом. Изяслав перевел дядю из тюрьмы в монастырь, где тот и помер в 1063 г. Да еще в Полоцке сидел правнук Владимира князь Всеслав Брячиславич по прозвищу Чародей. В Полоцком княжестве власть стала наследственной — в 1044 г. умер Брячислав, и ему наследовал единственный сын Всеслав.

Ярославовы внуки начали усобицы еще в 1063—1064 гг. Но тут в их дела вмешался полоцкий Чародей, который в 1066 г. захватил Новгород. Тут дети и внуки Ярослава объединились и пошли ратью на обидчика. Им удалось взять штурмом город Минск, население которого было полностью перебито. Но в марте 1067 г. кровопролитная битва на реке Немиге закончилась вничью. Как сказано в «Слове о полку Игореве»:

У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костями русских сынов...

В июле 1067 г. Изяслав, Святослав и Всеволод послали звать Всеслава к себе на переговоры, поцеловавши крест, что не сделают ему зла. Всеслав почему-то поверил им, и не один, а с двумя сыновьями, без надлежащей охраны переплыл на челне Днепр. В ходе переговоров Изяслав приказал схватить Чародея с сыновьями. Вскоре их отправили в Киев и посадили в подземную тюрьму. Все прошло в лучших традициях Мудрого Ярослава. Однако полоцких князей спасло появление половецкой орды. Навстречу им вышли три брата Ярославича. В сражении на реке Альте русские потерпели полное поражение.

Поражение переполнило чашу терпения киевлян, которым давно приелось правление мудрого Ярослава и его деток. На киевском торгу собралось вече, которое потребовало у князя Изяслава Ярославовича раздать народу оружие для борьбы с половцами. Князь отказался. Тогда горожане осадили княжеский двор. Братьям Изяславу и Всеволоду Ярославичам ничего не оставалось, как бежать из Киева. Причем Изяслав боялся оставаться в пределах Руси и бежал в Польшу.

Киевляне освободили из тюрьмы полоцкого князя Всеслава Чародея и выбрали его князем киевским. Но усидеть на киевском престоле Всеславу удалось лишь 7 месяцев.

Весной 1069 г. к Киеву двинулось большое польское войско во главе с великим князем Болеславом II. Вел войско Изяслав Ярославович. Всеслав двинулся навстречу полякам, но у Белгорода, узнав о большом численном превосходстве врага, ушел со своей дружиной в Полоцк.

Киев был вынужден капитулировать перед поляками. В город вошел карательный отряд во главе с Мстиславом — сыном Изяслава Ярославовича. 70 горожан было казнено, несколько сотен — ослеплено. Изяслав вновь оказался на киевском престоле. Однако после этого очередная гражданская война на Руси не только не затихла, но разгорелась с новой силой.

Изяслав с дружиной и поляками двинулся к Полоцку и захватил его. Всеслав Чародей, как всегда, сумел скрыться. Изяслав посадил наместником в Полоцке своего сына Мстислава, а после его смерти другого сына — Святополка.

Полоцк вернулся под власть Киева всего на четыре года. В 1074 г.

Всеслав Чародей навсегда вернул себе Полоцкое княжество, а Святополк позорно бежал.

Тем временем Святослав и Всеволод Ярославичи начали войну за киевский престол со старшим братом Изяславом Ярославичем.

Как видим, Изяслав Ярославич, вернувшись в Киев, сидел на киевском престоле, как на горячих углях. В довершение всего в 1071 г. в Киеве объявились волхвы, открыто проповедовавшие о грядущих вселенских катаклизмах. В такой ситуации экстренно требуется какой-либо крутой пропагандистский трюк.

И вот в 1072 г. Изяслав организывает торжественное действо — перенесение останков князей Бориса и Глеба в специально построенный каменный храм в Вышгороде близ Киева. Естественно, что около могил начинают твориться чудесные знамения и исцеления больных. Борис и Глеб были объявлены святыми, а Святополк предан анафеме.

Любопытно, что в 1050 г., то есть еще при жизни Ярослава Мудрого, его внук, сын Изяслава, был назван Святополком. То есть в 1050 г. об истории Бориса и Глеба никто не помнил или не хотел вспоминать. Как мы помним, варяги убили Бориса тайно, и все они погибли или убыли на родину. За 50 лет в Киеве власть менялась насильственным путем раз двадцать, и у стариков в головах неизбежно перепутались многие события. Тем не менее даже из летописи видно, что канонизация прошла не совсем гладко. Так, при перезахоронении братьев глава русской церкви митрополит Георгий «бе бо нетверу верою к нима», то есть очень сильно сомневался, но «потом пал ниц». Первым внесли в храм Бориса в деревянном гробу, а вот с Глебом, которого несли в каменном гробу, вышла заминка. В летописи сказано: «...уже в дверях остановился гроб и не проходил. И повелели народу взывать: “Господи, помилуй”».

Мало того, митрополит Георгий вынул из каменного гроба правую руку Глеба и благословил ею стоявших рядом князей Изяслава и Всеволода Ярославичей. И только тогда гроб с телом Глеба прошел в церковь.

Интересно, зачем летописцу в краткое описание захоронения включать эту деталь? Может, он хотел эзоповым языком сказать, что у Глеба были серьезные основания не лежать рядом с Борисом?

Возможно, у кого-то возникнет вопрос, а как народ воспринял в 1072 г. такую фальсификацию? Ведь должны же были старики помнить события 54-летней давности? Ну что ж, спросите у пожилых киевлян, кто из них в 1974 г. помнил все перипетии Гражданской войны, когда Киев в 1918—1920 гг. переходил из рук в руки столько же часто, как в 1015—1019 гг. Тем более что в «Саге об Эймунде» несколько раз говорится, что убийства

Бориса никто не видел. Ну а кто помнил, того заставили молчать. Не зря же митрополит Георгий упорно не желал канонизировать Бориса.

Всеслав Чародей умер 14 апреля 1101 г. в Полоцке. Он оставил после себя шестерых сыновей: Романа, Глеба, Бориса (языческое имя Рогволод) ^[16], Давида, Ростислава и Святослава.

В ряде летописей под 1103 г. говорится о походе Давида Всеволодовича, князя минского, вместе с южнорусскими князьями на половцев. Поход был удачным, так как вернулись они «с полоном великим, и со славою, и с победою великою».

Союз Давида с южнорусскими князьями не нравился другим Всеславичам, поскольку Минская крепость была важным стратегическим пунктом на южных рубежах Полоцкой земли. Давид был изгнан из Минска, и там стал княжить Глеб Всеславич. Но уже в 1104 г. ему пришлось отражать нападение сторонников Давида. В летописи говорится: «Сего же лета исходяще посла Святополк Путятю на Менеск, а Володимер сына своего Ярополка, а Олек сам иде на Глеба, поемше Давида Всеславича: и не успеха ничтоже, и възвратицца опять». Как видим, великого князя Святополка в походе представлял воевода Путятя, Владимира Мономаха — его сын Ярополк, который княжил в Смоленске, а только Олег Святославич, князь новгородсеверский, участвовал сам.

В 1102 г. князь Борис отправился в поход на ятвягов, в котором полочане одержали победу. Именно тогда князь полоцкий основал Борисов, назвав его так в свою честь.

В 1106 г. все полоцкие князья совместно совершили поход на земгалов, которые вышли из повиновения и перестали платить дань. В летописи по сему поводу говорится: «...победита зимегалы Всеславич, всю братью и дружины убиша 9 тысящ», то есть, в отличие от похода 1102 г. на ятвягов, этот поход был неудачным. В результате князь Борис «лишился стола».

Вскоре после смерти Всеслава Чародея его сыну Глебу удастся сделать Минский удел фактически независимым княжеством. Замечу, что точная дата основания Минска неизвестна. Впервые он упоминается в Радзивилловой летописи под 1067 г.

Глеб Всеславич ведет постоянные войны с соседями, стремясь овладеть волоками у Днепра, Припяти и Немана. К 1113—1114 гг. он уже владел Друцком, Копысем и Оршей.

Дружинники Глеба Всеволодовича сжигали деревни соседей и уводили всех захваченных жителей в неволю. В лучшем случае их селили в Минском княжестве, а в худшем продавали в рабство «за море».

Великий князь киевский Владимир Мономах обличал деяния Глеба, а

киевский митрополит даже предал его анафеме. Но это не подействовало на Глеба. И тогда Владимир Мономах вместе с Давидом Черниговским и Олеговичами в 1116 г. взял Копыль и Оршу. Однако Глеб не утихомирился, и Мономах в 1119 г. поручил своему сыну Ярополку его наказать. В этом «крестовом походе» Ярополк участвовали многие князья, в том числе и литовский князь Живинбуд. Минчане потерпели сокрушительное поражение. Затем Ярополк двинулся на Друцк, где в основном обитали торговцы невольниками, взял крепость приступом, а сам город сровнял с землей. Жители Друцка были переселены на новое место в Переяславском княжестве. Пленного Глеба отвезли в Киев, где бросили в поруб, в котором он сидел когда-то со своим отцом Владиславом. Там он вскоре и умер и был погребен в Киево-Печерской лавре.

Киевский князь Владимир Мономах считал сыновей Всеволода Чародея своими вассалами. Однако полоцкие князья придерживались иного мнения и попытались вернуть себе Минск.

В 1025 г. умирает князь Владимир Всеволодович Мономах. Киевский престол занимает его сын Мстислав. Через два года Мстислав собрал своих братьев и сыновей и отправился в поход на Полоцк. В 1127 г. они овладели Полоцком, Логойском и Заславлем.

Полоцкое вече обвинило во всем Давида с сыновьями и пригласило на княжение князя Бориса.

В планы великого князя не входила затяжная война, да еще с неясными перспективами, поэтому он согласился с решением полоцкого вече и одобрил кандидатуру Бориса, тем самым завершив свою кампанию против Полоцка.

Но это не привело к полному подчинению полоцких князей. Через год Мстислав приказал им идти в поход на половцев, но получил ответ: «Ты с Боняком Шелудяком [половецким ханом — *А.Ш.*] здравствуйте оба и управляйтесь сами, а мы имеем дома что делать». Великий князь в ответ на это в 1129 г. «послал в Полоцк воевод своих». Главный удар он направил против князей. Мстислав приказал объявить всем городам и землям Полотчины, что не жители виноваты в преступлениях перед ним, и потому не будет допущено никаких разрушений, не будет и пролития крови, если население не заступится за своих князей.

Полочане вынуждены были пожертвовать своими князьями. Они отказались воевать против Мстислава и не воспрепятствовали князьям ехать в Киев на великокняжеский суд, где «Мстислав облича их перед князи». Однако это не означало, что полоцкое вече не дорожило княжеской династией. Внешне демонстрируя покорность, они отдали Киеву не всех

своих князей.

В Киев были увезены сыновья Всеслава Чародея Давид, Ростислав и Святослав и сыновья Бориса (Рогвольда) Всеславича Рогвольд и Бречислав Борисовичи. Всех их пленили вместе с женами и детьми.

В Киеве состоялся суд русских князей, постановивший отправить полоцких князей в Константинополь к византийскому императору Иоанну Комнину, шурина Мстислава Владимировича. Иоанн отправил полоцких князей в войско, воевавшее с сарацинами (арабами), где изгнанники «служили с похвалой».

В 1129 г. Мстислав прислал в Полоцк на княжение своего сына Изяслава, который до этого правил в Курске.

В 1132 г. в Полоцке началось восстание, Изяслав Мстиславич бежал, а полоцким князем стал Василько, сын сосланного в Константинополь Святослава Всеславича.

Я умышленно подробно рассказываю о сварах киевских и полоцких князей, дабы показать, что это были чисто династические распри, а не противостояние народов — русских и литвинов, как это преподносят сейчас либеральные сказочники.

После 1132 г. уособицы в Полоцкой земле продолжались. Так, много лет длилось противостояние Полоцкого и Минского княжеств. Их князья периодически обращались за помощью к киевским и смоленским князьям.

В 1167 г. полочане вместе с суздальцами и смолянами участвовали в боевых действиях против Новгорода. В летописи говорится, что смоляне и полочане отрезали Новгород от Киева: «...пути заяша и послы измаша Новгородкыя вседе и вести не дадуше Киеву».

В составе коалиции полочане участвовали в походах на Киев (между 1168 и 1171 гг. и в 1174 г.) и на Новгород (в 1169 г.). Причем то, что Андрей Боголюбский «полотьским князем пойти повеле всем», свидетельствует об определенной зависимости полочан от суздальского князя. Замечу, что в походе 1180 г. вместе с полочанами участвовали не только минчане, но и туровские, и пинские князья, то есть силы почти всей тогдашней Белой Руси.

В свою очередь в 1178 г. новгородцы, «вспомнив» старые обиды от полочан, пошли в поход против Полоцка. И только помощь смоленского князя Романа, предупредившего Мстислава Новгородского (своего брата), что если он пойдет на Полоцк, то будет иметь дело со Смоленском, спасло Полоцкую землю от неизбежных потерь и разрушений.

В 1186 г. Давид Ростиславич Смоленский двинулся походом на Полоцк. Его союзниками выступили новгородцы и полоцкие князья

Василько из Логойска и Всеслав из Друцка. «Стремясь не допустить разорения своих земель, полочане приняли решение: “...пойдем к ним на сум ежи и сотворим там с ними мир”. Они встретили своих противников с поклоном и почетом и “дали им многие дары”. Мир, конечно же, был заключен не только в результате этих действий, но и ценой территориально-политических уступок. В частности, Витебск снова перешел в руки смоленского князя.

Здесь следует учесть, что эти события происходили в то время, когда в Полоцке существовала своеобразная республика, возникшая после смерти Всеслава Васильковича в 1180 г. Ее возникновение летописец объясняет тем, что, дескать, Всеслав был очень уважаемым князем. И князя, и простые люди ценили его за разум, справедливость и доброту и даже называли его “Великим”. Когда же он умер, вече, убежденное в том, что другого такого князя найти невозможно, вместо князя выбрало 30 старшин, которые и руководили княжеством в течение 9 лет, вплоть до 1190 года. То есть бояре, видимо, недовольные тем, что князь защищал интересы и “меньших” людей, упразднили княжескую власть, создав аристократическую республику»^[15].

Влияние смоленских князей на внутреннюю и внешнюю политику Полоцка в начале XIII века существенно возросло. Из русских летописей следует, что в период с 1186 по 1199 г. князя в Полоцке не было в течение длительных промежутков времени. «Хроника Ливонии» упоминает о «короле полоцком Владимире» под 1184, 1206, 1208 и 1216 гг. (умер в 1216 г.), а под 1201, 1203, 1210, 1212 и 1222 гг. — о «короле полоцком» без имени. Судя по всему, речь идет, по крайней мере, о двух разных правителях. (Например, в известии под 1212 г. «король полоцкий» назван без имени около 10 раз в небольшом по размеру отрывке.)

О том же свидетельствуют противоречия во внешней политике Полоцка. Так, «король полоцкий Владимир» выступал ярким противником союза с латинянами из Риги (известия 1206, 1208 и 1216 гг.), а безымянный «король полоцкий» заключил с рижским епископом в 1210—1212 гг. мирный договор и союз для борьбы против литовцев. При этом прослеживается прямое участие смоленских князей в заключении договора: для разработки текста договора в Ригу был послан «разумный и богатый человек из Смоленска» купец Лудольф, а посредником на переговорах рижского епископа с полоцким князем выступил князь Владимир Мстиславич — двоюродный брат смоленского князя Мстислава Романовича (1197—1214).

Отношения с Литвой также указывают на правление в Полоцке начала

XIII века по крайней мере двух правителей. Если «король полоцкий Владимир» находился с Литвой в союзнических отношениях (известия 1206 и 1216 гг.), то безымянный полоцкий правитель (или правители) в 1201 г. ходил «с войском на Литву», а в 1212 г., как уже говорилось, заключил союз против Литвы с рижским епископом.

После смерти Владимира линия борьбы с Литвой была продолжена. В 1217 г. удачный поход на Литву (через земли Полоцкого княжества) совершили смоленские князья. Анализ направлений внешней политики Полоцка позволяет утверждать, что если «король Владимир» был практически независимым от Смоленска правителем, то полоцкие князья 1210—1212 гг. и 1217 г. проводили просмоленскую политику. Наконец, в 1222 г. смоленские князья захватили Полоцк и, по крайней мере, до середины 1230-х гг. сохраняли в нем свою власть. В 1222—1224 гг. и 1229 г. заключаются новые договоры с Ригой. История заключения последнего свидетельствует, что Полоцк был полностью отстранен от разработки соглашения, хотя и фигурирует в нем.

Следует заметить, что вече в конце XII века продолжало играть большую роль не только в Полоцке, но и в Смоленске. Так, в 1186 г. у князя Давида Ростиславича возник конфликт с вечем. Дело дошло до кровопролития, причем, по свидетельству летописца, «погибло много лучших людей». Подробности конфликта, увы, до нас не дошли.

О контроле Полоцкого княжества над низовьем Западной Двины следует сказать отдельно. С созданием Древнерусского государства все течение Западной Двины переходит под контроль киевских князей. В «Повести временных лет» сказано: «И се суть инии языце, иже дань дают Руси: Чудь (эсты)... Ямь (емь — финны), Литва (Аукштайте), Зимегола (Земгалия), Корсь (литовское племя на Нижнем Немане), Нерома (Жемайте), Либь (Ливы)»^{16}.

После смерти киевского князя Владимира Святого бассейн Западной Двины в ее среднем и нижнем течении попадает под власть его внука полоцкого князя Брячислава Изяславича.

При князе Всеславе, сыне Брячислава Изяславича, на Западной Двине в городках Герцике, Кукейнойсе и других находятся полоцкие гарнизоны. В жизнь же местного населения — семигаллов и ливов — русские не вмешиваются, за исключением сбора небольшой дани.

В 1158 г. к устью Западной Двины, где обитали племена ливов, платившие дань полоцким князьям, был прибит бурей корабль бременских купцов. Ливы, согласно бытовавшему в те времена «береговому праву», попытались захватить корабль, но были отбиты немцами. После этого

началась торговля. Обмен оказался столь выгодным для бременцев, что они стали постоянно ездить с товарами к устью Двины. Торговля была выгодна и ливским вождям, и они разрешили купцам построить в устье Двины укрепленную торговую факторию Уксуль (Икшкиль), а затем и вторую факторию Далеп.

О постройке факторий и о выгодной торговле с ливами вскоре узнал и бременский архиепископ. Упустить такую выгоду архиепископ никак не мог, но на всякий случай обратился за санкцией на вторжение в земли ливов к римскому папе. Надо ли говорить, что папа Александр III согласился с мнением архиепископа и велел направить в Ливонию миссионеров.

Вскоре миссионеры с отрядом воинов прибыли в Уксуль. Возглавлял их монах-августинец Мейнгард. Монах был хитер, и прежде чем начать проповеди среди ливов, отправился за разрешением к полоцкому «королю» Владимиру^[17]. Монах прибыл в Полоцк вместе с бременскими купцами и был тих и кроток. Князь, не мудрствуя лукаво, дал разрешение на «проповедь слова Божьего». Кроме того, монах обещал «королю» помощь германских рыцарей в борьбе с набегами литвы. Владимир дал согласие. Оправдывая ошибку князя, следует сказать, что только столетие прошло с момента разделения православной и католической церквей (в 1054 г.), в Полоцке могли и не знать нюансы взаимоотношений константинопольского патриарха и римского папы. Да и полоцкие князья отличались от киевских веротерпимостью. Историки не располагают данными о каких-либо преследованиях язычества в Полоцком княжестве и на его вассальных территориях.

Мейнгард начал вести проповеди среди ливов. А чтобы проповедовать, нужны церкви. Немцы построили их на самых крутых холмах. А чтобы защитить церкви, вокруг них возвели каменные стены с многочисленными башнями. Так появились каменные крепости Уксуль, Гольм и другие. Все шло хорошо, да ливы не изъявляли особого желания креститься. Мало того, уже крещеные туземцы стали перекрещиваться обратно — погружаться в воды Двины, дабы смыть с себя крещение и отослать его обратно в Германию. А поскольку ливы платили дань полоцкому князю, то платить еще десятину в пользу папы римского им явно не улыбалось.

Мейнгард попытался применить силу, но у ливов был многократный перевес. Тогда Мейнгард по традиции обратился к папе с просьбой организовать хотя бы небольшой крестовый поход и заставить ливов платить. В 1186 г. бременский архиепископ рукоположил Мейнгарда епископом вновь основанного «Икшкильского епископства в Руси» (!). Но в

1196 г. Мейнгард умер, так и не дождавшись крестоносцев. На его место из Бремена оперативно прислали нового епископа Бартольда.

По прибытии Бартольд велел собрать ливских старейшин и объявил им, что надо креститься и платить, а то, мол, братва крестоносная из-за моря прибудет. Когда Бартольд удалился, вожди начали думать, что делать. Разгорелся жаркий спор. Одни предлагали Бартольда сжечь вместе с его храмом, другие без лишних церемоний хотели утопить епископа в Двине.

Пока шли дебаты, какая-то добрая душа побежала к епископу, а тот, естественно, кинулся на корабль и убыл в Германию.

Бартольд написал папе слезное послание о своем печальном положении. Папа объявил отпущение грехов всем, кто отправится в крестовый поход против ливов, и вокруг Бартольда собрался значительный отряд крестоносцев, с которыми он и отправился назад в Ливонию. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачем он привел с собой войско? Бартольд ответил, что войско пришло для наказания отступников, на что ливы сказали ему: «Отпусти войско домой и ступай с миром на свое епископство: кто крестился, тех ты можешь принудить оставаться христианами, других убеждай словами, а не палками». В ответ конные крестоносцы построились «свиньей» и двинулись на толпу ливов. Впереди скакал с копьем сам епископ. В сражении Бартольд был убит, но крестоносцам удалось одержать победу.

Немцы предали огню и мечу окрестные земли. Ливы были вынуждены креститься, и их обложили большой данью. Но, как только основные силы крестоносцев убыли в Германию, ливы начали отмываться от крещения в Двине. Расставленные у дорог массивные деревянные распятия клали на плоты и отправляли вниз по течению в Балтийское море. Всем католическим священникам и рыцарям было приказано отдать награбленное и без багажа садиться на корабли. Купцов и их имущество ливы не тронули.

Но через несколько месяцев в устье Двины появилось 23 корабля с рыцарями-крестоносцами. Вместе с ними прибыл и новый епископ Альберт фон Буксгевден. Последний оказался довольно гибким и умным политиком. Для начала он позвал местную знать на большой пир. Внезапно по приказу епископа вожди ливов были схвачены. Их освободили лишь после нового принудительного крещения. Кроме того, в заложники было взято 30 сыновей знати, которых отправили в Германию.

Альберт заменил ливам зерновую десятину небольшим натуральным оброком. Вместе с тем епископ понял, что удержать край в повиновении с помощью набегов крестоносцев невозможно. Нужно было стать твердой

ногою на новом месте, строить города и замки.

В 1200 г. епископ Альберт основал при устье Двины город Ригу. Через год он перенес в новый город свою резиденцию. После этого и само епископство стало именоваться Рижским. Но мало было основать город, его надо было заселить, и Альберт сам ездил в Германию набирать колонистов. Но одного города, населенного немцами, было недостаточно. Население его не могло придаваться мирным занятиям, так как должно было вести непрерывную борьбу с ливами, следовательно, нужно было военное сословие, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться с коренным населением. Для этого Альберт стал вызывать рыцарей из Германии и давать им замки в ленное владение. Но рыцари ехали крайне неохотно. Тогда Альберт решил основать орден «воинствующей братии» по образцу военных орденов в Палестине. Папа Иннокентий III одобрил эту идею, и в 1202 г. был основан орден рыцарей Меча, получивший устав Храмового ордена. Рыцари ордена носили белый плащ с красным мечом и крестом, вместо которого позже стали нашивать звезду. Первым магистром ордена был Винно фон Рорбах.

Первое время отношения между орденом и рижским епископом были хорошие, но через несколько лет они испортились, и фон Рорбах перенес свою резиденцию из Риги в крепость Венден.

Полоцкие князья вовремя не осознали угрозы, которую им и другим русским княжествам несут немцы. Лишь в 1203 г. полоцкий князь Владимир с дружиной внезапно осадил Укскуль. Немцы выплатили ему большой выкуп, и Владимир пошел осаждать крепость Гольм. Однако там немцы отразили штурм с помощью метательных машин, бросавших на осаждающих тяжелые камни и бревна. Владимир был вынужден увести свою дружину в Полоцк.

В 1206 г. полоцкий «король» Владимир осадил замок Гольм. «Русские же, не знавшие арбалетов, но привычные к стрельбе из луков, бились много дней и ранили многих на стенах; собрав большой костер из бревен, они старались поджечь укрепления, но старания эти были тщетны, а при сборе дров многие из них пали, сраженные арбалетчиками. Поэтому король послал гонцов к жителям Торейды, к летам и к окрестным язычникам, чтобы все они выступили в поход против рижан. Люди из Торейды тотчас же с радостью собрались к королю, и тем, кто пришел, было поручено единственное: собрать дрова для поджога замка. А так как доспехов у них не было, то, пока они собирали, многие из них были убиты неожиданными выстрелами. Леты же и сами не пришли, и гонцов не прислали. Сделали русские и небольшую метательную машину, по образцу тевтонских, но, не

зная, как метать камни, они ранили многих своих, попадая в тыл. Тевтоны из-за своей малочисленности — их было всего двадцать человек — опасались предательства со стороны ливов, которых было много с ними в замке, днем и ночью оставались на стенах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри, и от врагов снаружи. Ливы же вместе с королем ежедневно искали способа как бы, захватив их хитростью, передать в руки русским, и если бы не сократились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма при их малочисленности могли бы защищаться...»^[17].

Лишь когда разведчики донесли «королю», что в море у Риги замечена эскадра кораблей, он приказал снять осаду Гольма.

Любопытно, что о деятельности полоцкого «короля» Владимира мы знаем исключительно из германских рифмованных хроник, которые упоминают о нем на протяжении 32 лет. В русских же летописях и родословных о князе Владимире нет ни слова. Это связано с тем, что полоцкая династия Брячиславичей была обособлена от остальных князей Рюриковичей, и те периодически пытались захватить Полоцк. А позже, к концу XIII века, Полоцкое княжество попало под власть литовских князей, которых мало интересовали архивы их предшественников. Мало того, литовские князья утверждали, что Полоцк был их исконной вотчиной и, скорей всего, старые летописи были сожжены по их приказу.

Следует заметить, что в германских рифмованных хрониках XII—XIII веков под термином «христиане» понимаются исключительно немцы, противниками же «христиан» являются язычники и русские. Русских пока еще не называют даже схизматиками.

В 1207 г. кукейносский князь Вячеслав Борисович (Вячко)^[18], вассал полоцкого князя, попросил помощь у Рижского епископа в борьбе с набегами воинственных литовцев. По германской версии, князь предложил епископу половину земли, если тот «защитит его от варваров». А пока шли переговоры, немецкий рыцарь Даниил фон Леневарден внезапно напал на Кукейнос и захватил его, а князя Вячеслава заковал в кандалы.

Епископ сумел уговорить Даниила отпустить князя. Вячеслава привезли в Ригу, там епископ подарил ему дорогие одежды и несколько коней. Затем князя отпустили в Кукейнос, но не одного, а с немецким гарнизоном.

Вячеслав сумел по достоинству оценить «заботу» немцев. Улучив момент, когда большая часть немцев была занята на строительстве укреплений Кукейноса, княжеская дружина напала на них. Лишь трем немцам удалось бежать в Ригу. Вячеслав послал гонцов в Полоцк. «Король»

Владимир начал собирать войско, но задержался. Епископ Альберт опередил его и с отрядом рыцарей подошел к Кукейносу.

Согласно германской хронике, при штурме Кукейноса было убито 500 русских дружинников, а сам Вячеслав с двумястами дружинниками бежал в Юрьев. Как писал С.М. Соловьев: «...окруженные туземцами в глубине дремучих лесов своих искали спасения от мстительности пришельцев, но не всем удалось найти его: немцы преследовали их по лесам и болотам и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертью»^{18}.

В 1209 г. епископ Альберт решил захватить город Герсик (Герцике), где правил русский князь Всеволод, женатый на дочери могущественного литовского князя. Всеволод, по мнению немцев, оказывал поддержку литовцам, совершавшим набеги на район Риги.

О разгроме Герсика нам известно из Ливонской хроники: «Собрав войско со всех областей Ливонии и Леттии, он [епископ Альберт. — А.Ш.] вместе с рижанами, пилигримами и всем своим народом пошел вверх по Двине к Кукейносу...

Русские, увидев издали подходящее войско, бросились к воротам города навстречу им, но когда тевтонцы напали на них с оружием в руках и некоторых убили, то не смогли сопротивляться и бежали. Преследуя их, тевтоны ворвались в ворота, но из уважения к христианству убивали лишь немногих, больше брали в плен или позволяли спастись бегством. После взятия города женщин и детей пощадили и многих пленили. Король, переправившись в лодке через Двину, бежал со многими другими, но королева была схвачена и представлена епископу с ее девушками, женщинами и всем имуществом. В тот же день все войско оставалось в городе; собрали по всем закоулкам большую добычу, захватили одежду, серебро, пурпур и много скота, а из церквей — колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра и все это увезли с собой, вознося хвалу Господу за то, что так неожиданно он даровал им победу над врагами и позволил без потерь войти в город.

На другой день, разграбив все, приготовились к возвращению, а город подожгли. Глядя на пожар с другой стороны Двины, король с тяжкими вздохами и причитаниями восклицал: “О, Герцике, милый город! О, наследие отцов моих! О, нежданная гибель моего народа! Горе мне! Зачем я родился, чтобы видеть пожар моего города и уничтожение моего народа!”

После этого епископ и все войско, разделив между собой добычу, с королевой и всеми пленными возвратились в свою землю, а королю было предложено прийти в Ригу, если только он еще хочет заключить мир и получить пленных обратно. Явившись, тот просил простить его поступки,

называл епископа отцом, а всех латинян братьями во Христе, и умолял забыть бывшее зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных»^[19].

В итоге Всеволоду вернули жену, но заставили его стать вассалом епископа.

Война между крестоносцами и полоцким «королем» шла с переменным успехом. В 1210 г. рижские немцы были вынуждены заключить «вечный мир» с Владимиром. Полный текст договора до нас не дошел, но в рифмованной хронике говорится, что рижский епископ платил «королю» ежегодную дань. Надо полагать, что в договоре были выгодные для русских условия прохода торговых караванов по Западной Двине.

Весной 1216 г. эсты из приморских областей и острова Эзель (Сааремаа) прислали послов к полоцкому «королю» с предложением захватить Ригу и устье Западной Двины. «Король» собрал большое войско, но, поднимаясь на корабль, Владимир внезапно упал и умер. Поход был отменен.

Судя по всему, после смерти Владимира в Полоцком княжестве началась ожесточенная борьба за власть. А в 1223 г. Полоцк на некоторое время был захвачен смоленскими князьями. Все это позволило крестоносцам закрепиться в нижнем течении Западной Двины. Таким образом, этот выход к морю оказался закрытым для Руси на целых пять столетий.

Несколько слов надо сказать о культурном развитии Полоцкой земли. Так, еще Всеслав Чародей приказал заложить большой каменный храм Св. Софии, дабы сравнять Полоцк с Киевом и Новгородом. Храм был создан половецким зодчим Иоанном. В Софийском соборе вверху, на хорах, молились князь с семьей и придворными, а все остальные — внизу. В Св. Софии принимали послов, объявляли войну и подписывали мир, хранили княжью казну и основанную Изяславом библиотеку, скрепляли печатью столичного города торговые соглашения. Недаром на ней было написано: «Печать Полоцкая і святой Софы».

В начале XII века в Бельчицах (близ Полоцка) мастером Иоанном был построен Борисоглебский монастырь, а около 1159 г. на берегу Полоты возвели знаменитую Спасскую церковь Евфросиниевского монастыря, хорошо сохранившуюся до наших дней. Она также была возведена мастером Иоанном. Спасская церковь вобрала в себя характерные черты местной школы зодчества. Стены и столбы внутри помещения были расписаны прекрасными фресками. Для этой церкви по заказу Евфросинии Полоцкой мастер-ювелир Лазарь Богша создал в 1161 г. на престольный крест, обложенный золотыми и серебряными пластинами с миниатюрными

изображениями христианских святых, выполненными многоцветной перегородочной эмалью.

В XII веке каменные храмы были построены в Гродно, Волковыске, Новогрудке, Турове. В Витебске неизвестные мастера, используя оригинальную технику кладки, возвели прекрасную Добровещенскую церковь. Основание каменной церкви уникальной конструкции открыто археологами в Минском детинце. Ее строительство по каким-то причинам не было завершено. До наших дней сохранилась Борисоглебская (или Коложская) церковь в Гродно, сооруженная в 1180 г. Снаружи она украшена вставками из цветного полированного камня и керамическими плитками, покрытыми зеленой и коричневой глазурью.

В Каменце между 1276 и 1288 гг. зодчим Алексой по приказу волынского князя Владимира Васильковича была построена оборонительная башня — знаменитая Каменецкая вежа (Белая Вежа) — памятник военного зодчества Беларуси. Это был опорный форпост на западных рубежах княжества. Башня размещалась внутри кольцевого вала и доминировала над деревянными укреплениями. Высота 5-ярусной башни около 30 м, толщина стен 2,5 м. Внешний диаметр 16 м. Башня сложена из брусчатого кирпича. Похожие вежи были возведены в Бресте, Гродно, Новогрудке и Турове.

Мало кому известно, что древний белорусский город Берестье (позже Брест-Литовский) был раскопан советскими археологами лишь в 1968—1981 гг. Он оказался на территории Волынского укрепления Брестской крепости.

Точно установить дату основания Берестья не удалось, но есть основания предполагать, что это случилось в VIII—IX веках. Берестье (Брест) был впервые упомянут в хронике Титмара Мерзебургского, умершего в 1018 г. Как уже говорилось, Ярослав Мудрый в 1017 г. пытался захватить Берестье, где находился гарнизон Святополка.

Во второй половине XIII века Берестьем владел волынский князь Владимир Василькович, прозванный Философом. Он «зрубил Берестье», то есть восстановил валы и деревянные укрепления города, пострадавшие от нападения ятвягов. В центре была поставлена большая каменная башня, близкая по конструкции с Каменецкой, и поставлена каменная церковь Святого Петра.

В 1977 г. на месте раскопок в Берестье появились строители. Берестье было укрыто стеклянной кровлей павильона размером 60х40 метров.

Основу Берестья составляет археологический раскоп, словно открывающий фантастическую «дыру» во времени. Внизу, на глубине

четырех метров, взору предстают 28 бревенчатых жилых и хозяйственных строений, стоящих на улицах, выстланных деревянными же настилами. Это квартал легендарного Берестья, в котором, по убеждению исследователей, проживал небогатый ремесленный люд.

Большинство домов находятся именно там, где они стояли 800 лет назад. Только один дом располагался вне пределов нынешнего музея. После раскопок он был бережно перенесен учеными под крышу павильона.

Глава 3.

Как Белая Русь стала Литовской

Белая Русь не пострадала от Батыева нашествия. Практически не пострадало и соседнее Смоленское княжество. Ни Полоцк, ни Смоленск не платили дани Орде. Однако у Белой Руси оказался другой враг — Литва.

Литовские племена относятся к индоевропейской группе и пришли на территорию, в основном совпадающую с нынешней Литвой, где-то в III тысячелетии до нашей эры. Сразу поставим точки над «i»: сведений о Литве до середины XIII века ничтожно мало. Так, первое письменное упоминание о Литве содержится в немецкой хронике (анналах Кведлинбурга) под 1009 г.

По мнению литовских историков, слово «Литва» пришло в русский, польский и другие славянские языки непосредственно из литовского языка. Они считают, что слово происходит от названия небольшой речки Летаука, а первоначальная Литва — это небольшой район между реками Нерис, Вилия и Неман.

Литовцы же вообще не имели своей письменности. В XIII веке переписку литовских князей с немцами и поляками вели по латыни немцы (пленные или католические миссионеры). В начале XIV века государственным языком Великого княжества Литовского становится русский, и вся документация ведется по-русски кириллицей, и лишь в конце XVI века появляется собственно литовская письменность, то есть литовские слова, написанные латиницей.

На русские земли нападали как литовские князья, так и небольшие группы латрункулей, то есть профессиональных разбойников. Русские князья действовали достаточно пассивно и походы в Литву совершали в основном для того, чтобы вернуть награбленное. Впрочем, не исключено, что ряд пограничных литовских племен платили дань русским.

В начале XIII века крестоносцы предприняли первые походы против Литвы. Столкновения с крестоносцами приносили литовцам иногда и выгоду — они улучшали свое вооружение и изменяли тактику боя. Произошло укрупнение племенных образований и возникло несколько межплеменных союзов. Тем не менее в летописях с 1240 по 1292 г. упоминается 33 имени литовских князей, принадлежавших к девяти поколениям.

Позже, в XV веке, в литовских летописях появляются сведения, что-де литовские князья произошли от Палеймона, родного брата... римского императора Нерона. Сей мифический братец отправился из Рима на север, там родил трех сыновей Барка, Куноса и Спера, и вот от Куноса-де и пошли литовские князья. Понятно, что иных сведений о существовании «римлянина» Палеймона, нет. Есть и куда более реальная версия о происхождении, по крайней мере, части литовских князей от сыновей полоцкого князя Ростислава Рогволодовича^[19]. Существует и еще много легенд, но от пересказа их я воздержусь, дабы не утомлять читателя. Однако ничего достоверного о происхождении литовских князей сказать нельзя.

В 20-х гг. XIII века на русские княжества нападают уже значительные силы литовцев. Вот, к примеру, запись в летописи за 1229 г.: Литва «опустошила страну по озеру Селигеру и реке Поле, новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полон». В 1234 г. «литовцы явились внезапно перед Русою и захватили посад до самого торгу. Но жители и засада [гарнизон. — А.Ш.] успели вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на литву, выгнали ее из посада и продолжали бой на поле. Литовцы отступили. Князь Ярослав, узнавши об этом, двинулся на врагов с конницею и пехотою, которая ехала в насадах по реке Ловати. Но у Муравьины князь должен был отпустить пехоту назад, потому что у ней не достало хлеба, а сам продолжал путь с одною конницею. В Торопецкой волости на Дубровне встретил он литовцев и разбил их. Победенные потеряли 300 лошадей, весь товар [добычу. — А.Ш.] и побежали в лес, сбросавши оружие, щиты, совни, а некоторые тут и костью пали». Новгородцы в этом бою потеряли 10 человек убитыми.

Летом 1235 г. у Могильного местечка при впадении реки Дитвы в Неман^[20] произошла битва литовцев с объединенными силами мелких западных русских князей — Дмитрия князя Друцкого, Льва Даниловича князя Волынского и Святослава Всеволодовича князя Стародубского. В ходе битвы литовский князь Рингольд наголову разгромил русских.

Допекла Литва и псковичей. В конце концов, их терпение лопнуло, и они отправили отряд на помощь крестоносцам, шедшим на Литву. Немецко-русскому войску удалось разгромить ряд районов Литвы, но на обратном пути у Сауле^[21] они попали в засаду, организованную тем же Рингольдом. В битве на стороне литовцев участвовали и земгалы — племя, жившее на территории современной Южной Литвы. Разгром был полный. Погиб гроссмейстер ордена Меченосцев Фольквин фон Винтерштеттен,

граф Данненберг, барон фон Газельдорп и еще 48 знатных рыцарей. Согласно псковской летописи, домой вернулся лишь каждый десятый русский воин.

В 1239 г. князь Александр Невский вступает в брак с Александрой, дочерью половецкого князя Брючеслава Васильковича, сына витебского князя Василько Брючеславича. Забегая вперед, скажу, что Полоцком Брючеслав правил как минимум до 1246 г., а в 1264 г. в летописи упоминался уже полоцкий князь Изяслав, сын Брючеслава.

Есть версия, что где-то в 50-х гг. XIII века Полоцком короткое время владел литовский князь Товтивил.

В 40-х гг. XIII века среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1242 г. недалеко от города Лида он разгромил большой отряд татар. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников, Товтивила и Едивида, на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Товтивила и Едивида.

Миндовг отправил послов к Даниилу с требованием выдать беглецов. Но Даниил категорически отказался не столько из родственных чувств, сколько из желания вмешаться в литовские дела. Посоветовавшись с братом Василько, он послал сказать польским князьям: «Время теперь христианам идти на поганых, потому что у них встали усобицы». Поляки на словах пообещали Даниилу союзничество, но войск не дали. Тогда Романовичи стали искать других союзников для борьбы с Миндовгом и отправили князя Выкынта в Жмудь к ятвягам и в Ригу к немцам. Выкынту удалось за хорошую плату уговорить ятвягов подняться на Миндовга, немцы также пообещали помощь и велели сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братьи».

Братья Романовичи, посчитав собранные силы достаточными, выступили в поход. Даниил послал Василька на Волко-выск, своего сына — на Слоним, а сам пошел к Здитову. Поход был успешным, и русские полки с богатой добычей и полоном возвратились домой.

Затем галицко-полоцкое войско под началом Товтивила вторглось в удел Миндовга. С другой стороны Миндовга должны были атаковать немцы, но Орден не торопился, и Товтивилу пришлось лично приехать в Ригу, принять христианство, и только тогда рыцари начали готовиться к

войне.

Миндовг сообразил, что войну на два фронта, с Даниилом и с Орденом, он не осилит. Тогда он тайно послал к магистру Ордена Андрею фон Штукланду богатые дары и велел передать: «Если убьешь или выгонишь Товтивила, то еще больше получишь». Магистр дары принял, но передал Миндовгу, что, несмотря на свое расположение к нему, Орден не может оказать ему помощь, пока тот не примет христианства. Миндовг, не долго думая, крестился. Папа римский Иннокентий IV был в восторге. Он принял литовского князя под покровительство святого Петра, отписал ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископства. И действительно, кульмский епископ возложил королевскую корону на голову Миндовга.

Но Миндовг принял христианство только для вида, надеясь при первом же удобном случае возвратиться в прежнюю веру. В летописи говорится: «Крещение его было льстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам — сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Как бы то ни было, но Миндовг сделал Орден из врага союзником, и теперь уже князь Товтивил вынужден был бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкынту, он собрал войско из ятвягов, жмуди и русского отряда, присланного Даниилом, и выступил против Миндовга, на помощь которому подошли немцы. В 1252 г. эта война не ознаменовалась никакими решительными действиями. На следующий год вмешался князь Даниил, он опустошил Новогрудскую область, а Василько с племянником Романом Данииловичем взяли Городен.

Но в конце 1255 г. Миндовг и Даниил заключают мир. Посредником и миротворцем стал сын Миндовга Воишелк. Личность эта была весьма одиозная, поэтому не грех и сказать о нем пару слов. Наивный рассказ летописца наводит ужас: «Воишелк стал княжить в Новгороде [Новогрудке], будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал всякий день по три, по четыре человека. В который день не убивал никого, был печален, а как убьет кого, так и развеселится». Вдруг пронеслась весть, что Воишелк — христианин. Мало того, он оставляет княжеский престол и постригается в монахи под именем Давида.

Вот этот-то раскаявшийся Воишелк и явился к королю Даниилу, чтобы быть посредником между ним и своим отцом Миндовгом. Условия были

предложены крайне выгодные: младший сын Даниила Шварн получал руку дочери Миндовга, а старший, Роман, получал Новогрудок, Слоним, Волковыск и другие города, хотя и с обязательством признавать над собой власть Миндовга. Даниил не мог не согласиться, и мир был заключен. Воишелк хотел пробраться в Афонский монастырь, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через Венгрию. Но смуты и волнения, охватившие тогда весь Балканский полуостров, заставили Воишелка возвратиться назад из Болгарии. Впоследствии на реке Неман между Литвой и Новогрудком он основал свой монастырь.

Таким образом, южным русским князьям Мономаховичам удалось снова утвердиться в волостях, занятых было литовскими князьями. В середине XIII века полоцкие князья Изяславичи уступили свои волости Литве. Последним полоцким князем был Брючислав, его имя встречается в русской летописи в 1239 г. по случаю брака его дочери и князя Александра Невского. А в 1262 г. в летописи уже фигурирует полоцкий князь литвин Товтивил — сын сестры Миндовга.

Однако мир между Даниилом и Миндовгом просуществовал только пять лет. В 1260 г. Воишелк и Товтивил за что-то схватили молодого князя Романа Данииловича. На выручку ему в Литву вторглись король Даниил и его брат Василько. Чем кончилось дело, как освободили Романа — неизвестно. Известно только, что в 1262 г. Миндовг, желая отомстить Васильку, который вместе с татарами нападал на его земли, послал на Волынь две рати. Пограбив вволю, литовские воины с богатой добычей двинулись в обратный путь. Одна рать остановилась у озера вблизи города Небл, тут-то их и нагнал Василько. По словам летописца, русские дружинники не оставили в живых ни одного человека: одних порубили мечами, других загнали в озеро, где те и потонули.

В 1261 г. король Миндовг в очередной раз поссорился с Орденом. Для начала он приказал схватить всех христиан в Литве, причем часть их при этом была убита. Видимо, пострадали только католики, поскольку православных немецкие хронисты не считали христианами. В том же году Миндовг вступил в союз с Александром Невским, которого немецкие хронисты величали королем. Однако по ряду причин синхронного совместного удара по Ордену не получилось. Русские и литовцы действовали порознь и в разное время. Тем не менее литовцы осадили Венден. А русские под командованием князя Дмитрия, сына Александра Невского, сожгли орденский город Дорпат (он же Дерпт, бывший русский город Юрьев), но не смогли взять замок.

В 1262 г. произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не

перевернувшее историю Литвы, России и Польши, — у великого князя литовского Миндовга умерла жена. Миндовг согласно языческим обычаям решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то что она была уже замужем за налыцанским князем Довмонтом. Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», — и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзерену. Он вступил в сговор с племянником Миндовга от его сестры жмудским князем Тренятой. В 1263 г. Миндовг отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Довмонт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать. Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовга и убили князя вместе с двумя его сыновьями.

Тренята по уговору с Довмонтом стал княжить в Литве вместо Миндовга, оставив за собой и жмудскую вотчину. Он послал сказать своему брату полоцкому князю Товтивилу: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но, деля Миндовгово добро, братья рассорились, да так, что оба думали, как бы убить друг друга. Боярин Товтивила Прококий Полочанин донес Треняте о замыслах своего князя, тот опередил брата, убил его и стал княжить один. Но княжить Треняте пришлось недолго. Четверо конюших Миндовга решили отомстить убийце своего князя и убили Треняту, когда тот шел в баню.

О смерти Миндовга Давид-Воишелк узнал в монастыре на Святой горе. Он испугался и бежал из Литвы в Пинск, а оттуда обратился за помощью к Шварну Данииловичу — мужу своей сестры. Объединенная русско-литовская дружина изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Воишелка погибает дравшийся на стороне Довмонта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежит вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт становится грозой ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил рыцарей в 1298 г., а в следующем году умер.

После смерти Тимофейдовмонт был причислен псковичами к лику святых. В его житии сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве переходит к Воишелку, причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Воишелк вновь прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом.

В 1264 г. умирает король Даниил. Королем становится его сын Лев, который управлял княжеством («королевствовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Василько по-прежнему княжил на Волыни.

В Литве же сложилась любопытная ситуация. Воишелк в 1268 г. вновь вспомнил, что он монах Давид, и поселился в угровском Даниловом монастыре, а всю власть в своих владениях отдал зятю Шварну. Тот, опасаясь, видимо, возобновления внутренних волнений в Литве, просил Воишелка покняжить еще совместно, но тот решительно отказался: «Много согрешил я перед богом и перед людьми. Ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском монастыре, Воишелк говорил: «Вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько, буду ими утешаться». Но утешаться монаху Давиду пришлось всего год: в 1269 г. Шварн умер. Детей у него не осталось, и литовские вельможи срочно вызвали Воишелка-Давида из монастыря. Князь победил монаха, и Воишелк вновь стал княжить в Литве, да еще так, что ухитрился поссориться с братом Шварна королем Львом Данииловичем.

Дело шло к войне, но тут вмешался старый Василько Романович, князь волынский, и пригласил обоих к себе для примирения. Воишелк и Лев приехали к Василько во Владимир Волынский, где старый советник князя Даниила немец Маркольд позвал всех троих князей к себе на обед. За обедом князья примирились, повеселились от души, хорошо поели и изрядно выпили. К ночи старый князь Василько поехал к себе домой, а Воишелк — в Михайловский монастырь, где он остановился. Но дело этим не кончилось. Среди ночи к Воишелку приехал Лев и предложил продолжить веселье: «Кум! Попьем-ка еще!» Попили еще, по пьянке рассорились, дошло до драки с поножовщиной, и Лев убил Воишелка.

После этого Лев предложил себя в кандидаты на литовский престол. Однако там о нем и слышать не хотели. Вскоре литовские вельможи выбрали себе князя из этнических литовцев. Так провалилась первая попытка мирного объединения Литвы с Русью.

В 1279 г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226— 1279 гг.) — князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Черный, князь

мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279—1288).

Король Лев Даниилович не уgomонился после неудачи в Литве и решил предложить свою кандидатуру на краковский престол, но, по выражению летописца, «бояре сильные не дали ему земли». Тогда Лев в порядке компенсации решил завладеть несколькими приграничными польскими городами и стал просить татарского хана Ногай помочь ему войсками. Ногай людей дал, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения. К нему присоединился родной брат Мстислав, князь Луцкий, и двоюродный брат Владимир Васильевич, князь Волынский. О двух последних летописец говорит, что пошли они «неволей татарскою».

К Кракову Лев шел, по словам летописца, «с гордостью великою, но возвратился с великим бесчестием», поскольку при Гошличе, в двух милях от Сандомира, был разбит поляками наголову. А в 1281 г. Лешко Черный вторгся в Галицкую область, взял город Перевореск (Пршеворск), сжег его, а всех жителей перебил. Другой польский отряд численностью двести человек вошел в волынские земли у Берестья. Поляки разорили с десятков сел и пошли назад. Но жители Берестья во главе с воеводой Титом, всего около семидесяти человек, напали на поляков, убили восемьдесят человек, остальных взяли в плен и возвратили все награбленное.

В 1315 г. власть в Литве захватил князь Гедимин. Происхождение его неизвестно. Согласно позднейшей официальной литовской версии, Гедимин, как и Миндовг, происходил от Палемона, брата римского императора Нерона. Мол, этот братец отправился в I веке нашей эры на север и основал там Литовское государство. По русским же летописям и хроникам Тевтонского ордена Гедимин служил конюхом у князя Витенеса (Витеня), а затем вошел в сговор с молодой женой князя, дочерью бортника из Жемайти, убил его и овладел престолом. По Тверской летописи, Гедимин служил «слободчиком» у великого князя тверского Александра Михайловича и был послан им на Неман по каким-то делам, но там обогатился и стал называть себя великим князем литовским. Еще по одной версии, Гедимин был потомком Давида, сына уже упомянутого нами полоцкого князя Ростислава Рогволодовича.

В 1320 г. Гедимин предпринял поход на Владимир Волынский, где с 1316 г. княжил Андрей. Город упорно защищался, но после гибели князя Андрея его бояре согласились на капитуляцию. Замечу, что в войске Гедимины этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими — полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедимин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье.

После Пасхи 1321 г. Гедимин, собрав литовские, жемайтийские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедимины было встречено дружинами короля Льва Юрьевича и его «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени русские войска потерпели страшное поражение, король Лев и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

После сражения Гедимин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего присягнули Гедимину.

Гедимин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедимину двинулся Крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедимин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И услышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедимину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедимину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедимину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедимином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедимину, и на том присягнули».

Захват Гедимином Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но в любом случае Гедимину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 г. упоминает о киевском князе Федоре, который вместе с татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, провожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340 г., и от его имени правили галицкие бояре.

В начале XIV века в Витебске правил князь Ярослав Васильевич, сын

витебского же князя Василия (Изяслава). В 1318 г. Ярослав выдал свою дочь за литовского князя Ольгерда, сына Гедимина. Через два года Ярослав умер, и Витебский удел перешел к Ольгерду.

Еще раньше, в 1307 г., Полоцк был захвачен литовским князем Витенем, который посадил там своего брата Воина. В 1325—1334 гг. войска Ливонского ордена неоднократно осаждали Полоцк, а по некоторым данным даже овладели им на короткий срок.

В 1345—1346 гг. новым полоцким князем стал Вингольт (православное имя Андрей), старший сын Ольгерда (православное имя Александр) от Марии, княжны Витебской. Уже тогда Андрею пришла мысль объединить в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ) все русские земли. Он принимал активное участие в экспедициях своего отца.

Так, в 1359 г. Андрей предпринял поход на Ржеву, захватил город и посадил там своего наместника. В 1368 г. Андрей предпринял набег на тверские волости: Хорвач и Родню, которые принадлежали тверскому великому князю Василию Михайловичу.

В 1368 г. и в 1370 г. Андрей принимал участие в походах отца на Москву. В 1373 г., согласно Симеоновской летописи, Андрей вместе со своим дядей Кейстутом совершил набег на Переяславскую волость Московского княжества. Симеоновская летопись приводит любопытные факты: «...подвел втаю рать Литовьскую на град Переяславль,...и иные князи мнози, а с ними воя многи, и Литва и Ляхи, и Жемоть...» Данное упоминание показывает, что наряду с литовцами и русскими на стороне литовско-русского князя воевали также поляки, с которыми у многих князей Литовско-Русского государства, включая, естественно, Андрея, существовали связи.

Замечу, что какое-то время Андрей был еще и служилым псковским князем.

В мае 1377 г. в Вильно скончался восьмидесятилетний великий князь Ольгерд. И сразу же возник острый политический кризис.

Ольгерд назначил своим преемником в Вильно, то есть великим князем, своего младшего сына Ягайло (православное имя Яков, его матерью была тверская княжна Ульяна). Однако это решение великого князя не одобряли другие его сыновья, которые сразу же после похорон отца демонстративно разъехались по своим уделам. Старший сын Ольгерда полоцкий князь Андрей, претендовавший на престол, при этом даже не попрощался с родственниками.

В том же 1377 г. между Ягайло, короновавшимся на великое княжение в рыцарском зале Виленского замка, и Андреем разгорелась открытая

борьба за виленский престол. Андрея поддерживали его братья — дети от первой жены Ольгерда Марии Ярославны — киевский князь Владимир, брянский князь Дмитрий, а также сын от второй жены Ульяны Александровны князь новгородсеверский Корибут (православное имя Дмитрий).

Ягайло же поддерживали братья Саиргайло (в православии Иван) и Свидригайло (Лев), а также его дядя по отцу Кейстут с сыном Витовтом.

Коалиция Андрея Ольгердовича потерпела поражение, и в 1377 г. он с дружиной уходит в хорошо знакомый Псков.

В следующем году Андрей Ольгердович опять же с дружиной поступает на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу.

Московский князь решил воспользоваться смутой в Литве, и в 1379 г. Андрей Ольгердович вместе с серпуховским князем Владимиром Андреевичем и московским воеводой Дмитрием Михайловичем Волынским двинулись на Литву, взяли города Трубчевск и Стародуб, разграбили многие городки и села и возвратились с большой добычей.

Сын Ольгерда Дмитрий, князь трубчевский, не сопротивлялся московским полкам. Он покинул город вместе с семьей и боярами, поехал в Москву и стал служить великому князю московскому, как выразился летописец, «урядился в ряд и крепость взял». Дмитрий Иванович принял его хорошо и дал в удел город Переяславль со всеми пошлинами.

Усобица между Ягайло и Андреем Ольгердовичами почти не сказалась на жизни Литовского княжества. Но через некоторое время началась куда более сильная усобица между Ягайло и Витовтом.

В Полоцке после изгнания Андрея Ольгердовича княжил сын Кейстута Андрей по прозвищу Горбатый. Ягайлу и его фавориту Войдылло хотелось отнять эту волость у Кейстутовича и отдать ее родному брату Ягайло Скиригайлу (1352—1394).

Скиригайло (Скиргайло) был сыном Марии Александровны Тверской. Но, как и отец, он наряду с православными обрядами не брезговал и языческими. В литовской глубинке это лишь прибавляло ему популярности. Но в Полоцке выполнение языческих обрядов кончилось для Скиригайло печально. Разъяренная толпа горожан привязала князя задом наперед к старой кляче и под свист и улюлюканье погнала ее к городским воротам. В Придвинье еще и сейчас жива поговорка: «Поехал, как Скиригайло с Полоцка». Наука пошла Скиригайло на пользу: вернувшись через несколько лет в Полоцк как великокняжеский наместник, он крестился, принял православное имя Иван и вел себя как примерный христианин.

Великий князь литовский Ягайло выслал в Псков против Андрея Кейстutowича войско, к литовцам присоединились и немцы. Но полочане объявили, что скорее сдадутся немцам, чем Скиригайло, и отразили все приступы литовцев.

Князь Кейстут, узнав о полоцких событиях, пожаловался своему сыну Витовту на Ягайло: «За Войдылла отдал мою племянницу, уговорился с немцами на мое лихо, а вот теперь с кем мы воевали? С немцами? А он с ними заодно добывает Полоцка». Витовт ответил, что не верит он в такое коварство Ягайло, и выехал в Дрогичин, а оттуда — в Гродно. Но старик Кейстут не разделял сомнений сына и решил для собственной безопасности опередить Ягайло. Он неожиданно явился с большой ратью под стенами Вильно, занял город, взял в плен Ягайло со всем семейством, захватил все грамоты, в том числе и последний договор Ягайло с немцами. Ягайло был вынужден обещать никогда не воевать против Кейстута, и тогда его отпустили в Витебск.

На некоторое время великим князем литовским стал Кейстут, но вскоре Ягайло удалось обманом захватить Кейстута и Витовта, и через пять дней старый дядя был удушен в тюрьме. А тяжелобольного Витовта и его жену Анну Ягайло вывез в Крево, где держал под крепкой стражей. Витовт вскоре поправился, но посчитал нужным еще попритворяться хворым. Жена ежедневно навещала его вместе с двумя служанками.

Наконец она получила от Ягайло разрешение только для одной себя ехать в Моравию. В ночь перед отъездом Анна пришла проститься с мужем и задержалась у него дольше обычного: в это время Витовт переодевался в платье одной из служанок, Елены, которая осталась вместо него. Витовт же спокойно вышел с женой из тюрьмы, нашел лошадей, высланных из Волковыска от тамошнего тиуна, и вскоре был уже в Слониме, оттуда поехал в Берестье и на пятый день был уже в Полоцке. Елена, не вставая с постели, так хорошо изображала больного князя, что только на третий день Ягайло доложили о его бегстве, и разгневанный князь велел убить служанку.

В 1380 г. дружины Андрея Полоцкого и Дмитрия (Корибута) Северского (Брянского) на Куликовом поле сражались вместе с московскими воинами в Передовом полку. Численность «литовской» кованной рати по некоторым данным составляла до 10 тыс. человек. Это явно преувеличение, да и этнических литовцев там были единицы.

В «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева говорится, что рязанский князь Олег «спешил войти в переговоры с Мамаем и с Ягайлом литовским. Говорят, будто Олег и Ягайло рассуждали так: “Как

скоро князь Димитрий услышит о нашествии Мамаю и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места или в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами, с его согласия, разделим Московское княжество на две части — одну к Вильне, а другую к Рязани, и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего»^[20]. Ягайло-де собрал большое войско и двинулся на помощь хану, но опоздал: Дмитрий Донской уже разбил Мамаю. Приблизительно так писали и в советских школьных и вузовских учебниках по истории.

На самом же деле у советских историков не было достоверных данных о походе и намерениях Ягайло. Литовский князь действительно шел к Дону, но не через находившуюся под его властью Северскую землю, а через владения союзников Дмитрия Донского — черниговских князей. Естественно, что через враждебные земли литовское войско шло с боями.

Видимо, Ягайло и не торопился соединиться с Мамаем, ему было гораздо важнее использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего влияния в землях бассейна верхней Оки. В «Летописной повести» говорится, что литовцы «не поспеша... на срок за малым, за едино днище или менши», то есть находились на расстоянии одного дневного перехода от места сражения. А по «Сказанию о Мамаевом побоище» выходит, что Ягайло дошел до Одоева, находившегося в 140 км от Дона, и, узнав о выступлении войска Дмитрия Донского к Дону, «пребысть ту оттоле неподвижным».

Однако если говорить честно, то сейчас никто не знает, где конкретно произошла знаменитая Куликовская битва. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 г. под редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток (от верховья реки Сне-жедь до Дона) и на 20—25 км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Внимательный читатель спросит, а как же быть с памятником русским воинам, стоящим на Куликовом поле? Все очень просто. В июне 1820 г. тульский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году». А дальше все, как у нас положено: велело начальство, и нашли место битвы. Вон, был социальный заказ, и кости Николая II нашли, было бы указание.

На мой взгляд, нельзя полностью исключить желание Ягайло

соединиться с Мамаем для разгрома московской рати. Однако вероятность этого крайне мала. Видимо, Ягайло просто решил подстраховаться. А вдруг Дмитрий заплатит большую дань Мамаю, помирится с ханом, а затем хан один, а то и вместе с Дмитрием отправится грабить Литовскую землю. Так много раз бывало у золотоордынцев и будет у крымских татар.

Этот вариант еще более вероятен, если вспомнить, что поход Мамаея в 1380 г. был не карательным, как, например, «Дюденева рать» или «Неврюева рать», а чисто грабительским. В Орде была большая усобица, и один из претендентов на ханский престол^[22], и, надо сказать, незаконный, поскольку Мамай не был Чингизидом, решил подкормить свою рать. Татарская орда должна была сходить «за зипунами» в Москву, а затем вновь участвовать в борьбе за золотоордынский престол.

Особый интерес представляет короткое, но эффективное княжение литовца Остея в... Москве. Дело было так. После поражения на Куликовом поле Мамай был убит в Крыму, а ханом Золотой Орды стал его давний соперник Тохтамыш.

Узнав о захвате власти в Орде ханом Тохтамышем, Дмитрий Донской отправил послов с большой данью. Никаких разговоров о том, что можно дань не платить, в Москве не велось. Таким образом, если бы Мамай победил Тохтамыша, то ему не нужно было бы идти на Куликово поле, Дмитрий Иванович сам бы привез дань на блюдечке с голубой каемочкой.

Но после Куликова поля Тохтамыш понял, что у русских произошел определенный психологический перелом. Исправить ситуацию мог только поход-реванш. Хан знал, что русские купцы, торговавшие с татарами, плавающими по Волге, часто являлись шпионами русских князей. Поэтому в 1382 г. Тохтамыш велел внезапно схватить всех русских купцов на Средней Волге, а товары их разграбить. Замечу, случай беспрецедентный, обычно золотоордынские ханы покровительствовали купцам, особенно на Волге.

Все же в Орде нашлись «доброхоты», предупредившие Дмитрия Донского о походе Тохтамыша на Русь. Таким образом, Дмитрий имел достаточно времени для сбора войска, тем не менее великий князь поехал «собирать полки». Обратим внимание на его маршрут: Переяславль — Ростов — Кострома. По мнению одних историков, Дмитрий остановился в Костроме, другие же считают, что двинулся на север, к Вологде.

Извините, но это не тактический маневр, это бегство. Если бы князь думал о сопротивлении татарам, он мог либо отсидеться в Москве, в недавно построенном каменном Кремле, либо стать с войском в 30—100 верстах от Москвы, к примеру, в Можайске, Волоколамске, Дмитрове и др.

Если бы Тохтамыш осадил Москву, Дмитрий мог бы не допустить движения отдельных татарских отрядов на запад и на север, а главное, угрожал бы осаждающим, в любой момент мог прийти на помощь Москве, например, при штурме ее татарами. Зачем собирать войско в Костроме или в Вологде? Да пока эти рати дойдут до Москвы, татары десять раз успеют уйти в степи. При этом в летописях нет сведений о том, что хоть кого-то там собрал великий князь.

Итак, великий князь бежал, в Москве началась паника. Не хочу фантазировать и процитирую «Повесть о нашествии Тохтамыша», созданную на базе летописных сводов 1408 г.

«А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече — позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех вратах градских, сверху камнями швыряли, а внизу на земле с рогатинами, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и лишь насилу упрощенные, позже выпустили их, да и то ограбив^[23].

Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в буру великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель»^[21].

Между тем Тохтамыш перешел Оку, захватил Серпухов и сжег его. В «Повести...» утверждается, что «Олег [Рязанский. — А.Ш.] обвел царя вокруг своей земли и указал ему все броды на реке Оке»^[22].

Передовые татарские отряды подошли к Москве 23 августа 1382 г. Согласно «Повести...»: «И подойдя к городу в небольшом числе, начали, крича, выпрашивать, говоря: “Есть ли здесь князь Дмитрий?” Они же из города с заборол отвечали: “Нет”. Тогда татары, отступив немного, поехали

вокруг города, разглядывая и рассматривая подступы, и рвы, и ворота, и заборол, и стрельницы. И потом остановились, взирая на город.

А тем временем внутри города добрые люди молились богу день и ночь, предаваясь посту и молитве, ожидая смерти, готовились с покаянием, с причастием и слезами. Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меды хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: “Не страшимся прихода поганых татар, в таком крепком граде находясь, стены его каменные и ворота железные. Не смогут ведь они долго стоять под городом нашим, двойным страхом одержимые: из города — воинов, а извне — соединившихся князей наших нападения убоятся”. И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, бесстыдным образом оскорбляли их, и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы, обращаясь к ним, — думая, что это и есть вся сила татарская. Татары же, стоя напротив стены, обнаженными саблями махали, как бы рубили, делая знаки издалека.

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы великие, немало уstraшились. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборол, уязвленные стрелами, падали, ибо больший урон приносили татарские стрелы, чем стрелы горожан, ведь были у татар стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад быстро и без промаха стреляли. А некоторые из них, изготовив лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили, и лили кипятком на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с заборол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из тюфяков, а другие стреляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, суконник по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и, угадав момент, пустил стрелу, которой и пронзил

его сердце жестокое, и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон.

Как же обманули Остея и всех горожан, находившихся в осаде? После того как простоял царь три дня, на четвертый, наутро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И подойдя к городу и приблизившись с осторожностью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: “Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслужили смерти, ибо не на вас он войной пришел, но на Дмитрия, ратуя, ополчился. Вы же достойны помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите”. Также и князья Нижнего Новгорода говорили: “Верьте нам, мы, ваши князья христианские, вам в том клянемся”. Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: “Не всякому духу веруйте”. И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них был убит князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, и игуменов, хотя и были они в ризах, и с крестами, и черных людей...

Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на зоборолах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили — лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и нигде от острия меча укрыться! Лишились всего и

князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных укрылись, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли»^{23}.

Все русские и советские историки при изложении событий 1382 г. брали за основу «Повесть о нашествии Тохтамыша», ну и прибавляли понемногу отсебятины.

А вот казанский профессор З.З. Мифтахов, опираясь на болгарские летописи, изложил совсем другую историю. С некоторым упрощением, дело было так. Тохтамыш подошел к Москве, но затем отошел, а осаждать город отправил болгарский отряд под началом князя Буртаса, сына погибшего на Куликовом поле Сардара Гарафа. (Мифтахов пишет о трех тысячах болгар при трех пушках с пушечных дел мастером Раилем.)

Князь Остей видел уход основной татарской рати и решил пойти на вылазку, чтобы уничтожить болгар. Из двух московских ворот вылетела тысяча литовских всадников^{24} и четыре тысячи русских.

В ходе битвы князь Остей погиб, а литовцы и русские начали беспорядочный отход. В воротах началась давка. «Тем временем мастер “Раиль, подтащив пушки прямо ко рву, несколько раз выстрелил из них по бегущим в Москву обезумевшим толпам и по башне над воротами” [«Свод болгарских летописей». С. 220]. После непродолжительного боя Буртас захватил ворота»^{24}.

Бой за ворота шел с переменным успехом. И в этот момент к стенам Москвы подошли основные силы Тохтамыша. Татары ворвались в город и учинили резню.

Я предоставляю читателю самому выбрать наиболее достоверную версию событий 23—26 августа 1382 г. Думаю, большинство по укоренившейся традиции предпочтет версию «Повести...». Но я, грешный, более склонен верить болгарской летописи. Дело в том, что и русские, и литовские князья прекрасно знали обычаи татар. От них часто удавалось откупиться, но при этом ворота городов им никогда не открывали.

Кстати, видимо, дружина Остея и доставила в Москву первые пушки (тюфяки) и вела по татарам огонь с московских башен.

А сейчас вернемся в Великое княжество Литовское. В октябре 1381 г. на Вильно, где находился великий князь Ягайло, напал его дядя трокский (тракайский) князь Кейстут. Ягайло и его мать были схвачены, а Кейстут объявил себя великим князем литовским.

Ягайло и Витовт «правду дали... великому князю Кейстуту, что

никогда против него не выступят и всегда в его воле будут».

Глава 4.

Как Великое княжество Литовское стало частью Речи Посполитой

В 1370 г. умер польский король Казимир III. Он был бездетен, и на нем на польском престоле пресеклась династия Пястов, правившая с X века. Правда, в Моравии вассальные князья — потомки Пястов, правили до 1526 г., а в Силезии — до 1675 г. После этого Пясты все вымерли. В XVII—XVIII веках же Пястами назывались польские короли или претенденты на престол, которые были просто этническими поляками, а вовсе не прямыми потомками древних Пястов.

Казимир III назначил наследником сына своей дочери Людовика, короля Венгрии, который по отцу принадлежал к Анжуйской династии. Оттуда и его прозвища — Людовик Венгерский и Людовик Анжуйский.

Итак, в 1370 г. Людовик стал одновременно и польским, и венгерским королем. Все двенадцать лет своего правления Людовик постоянно жил в Венгрии и мало уделял внимания Польше.

В 1374 г. Людовик издал так называемый «Кошицкий привилей», освобождавший панов и шляхту от всех государственных повинностей за исключением военной повинности в пределах страны и небольшой денежной платы. Он обратил бенефиции польского дворянства в наследственные владения. Кроме того, в этом привилее король обязался назначать на должности в областях только представителей местной знати.

Кошицкий привилей представлял собой первый привилей, выданный польскому дворянству — панам и шляхте — как сословию. До этого времени существовали лишь привилегии типа иммунитетов, выдававшиеся отдельным лицам. Время правления Людовика Венгерского отличалось крайним своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениям феодальной анархии.

Кошицкий привилей свел уплату податей шляхтой и панами к чистой формальности, тем самым значительно уменьшив постоянные доходы короля и поставив финансы государства в зависимость от панов и шляхты. Для разрешения новых податей шляхта стала собираться на местные съезды — сеймики, которые скоро стали органами власти шляхты на местах.

В 1382 г. умер Людовик Венгерский. Он не имел сыновей и поэтому

назначил наследником польского престола мужа своей старшей дочери Марии Сигизмунда — маркграфа бранденбургского, сына чешского короля и немецкого императора Карла IV. Но польские вельможи решили присягнуть второй дочери Людовика, одиннадцатилетней Ядвиге, и самим выбрать ей мужа.

Но самое забавное, что Ядвига была уже... замужем. Ее обвенчали в 7 лет с десятилетним австрийским герцогом Вильгельмом. Но сразу после церемонии детишкам объявили, чтобы они шли по домам, а выполнять супружеские обязанности Ядвига должна была начать с 12 лет.

Ряд польских магнатов нашли Ядвиге нового мужа — мазовецкого князя Семовита, прямого потомка Пястов. Немедленно началась кровавая усобица между сторонниками Сигизмунда и Семовита.

В ходе войны оба претендента успели разонравиться польским магнатам, и было решено сделать Ядвигу королевой и подыскать ей еще одного жениха. В 1385 г. к Ядвиге прибыли литовские послы и предложили ей в мужья князя Ягайло. Послы обещали, что жених и все его родственники, вельможи и народ примут католичество, все польские пленные, захваченные литовцами в предыдущих войнах, будут отпущены без выкупа, Ягайло поможет вернуть Польше все потерянные земли, привезет в Польшу некоторые отцовские и дедовы сокровища, заплатит некую сумму Вильгельму австрийскому за отказ от жены.

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали великий князь литовский Ягайло и его братья Скиригайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался *gusin* (русин), то есть так же, как ляхи в X—XIII веках называли русских.

Весной 1386 г. совершилось бракосочетание Ягайло с Ядвигой, имевшее огромное значение для судеб государств Восточной Европы. Согласно условиям унии, Ягайло отрекся от православия, а имя Ягайло переименовал на имя Владислав. Ему последовали родные братья Ольгердовичи, в который раз сменил веру и двоюродный братец Витовт, приехавший на свадьбу. Так Ядвига вышла замуж за Ягайло, не разведясь с Вильгельмом, что, впрочем, не помешало в 1399 г. папе Иоанну Павлу II

объявить королеву Ядвигу блаженной.

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгородсеверский князь Дмитрий-Корибут. Примечательно, что новгородсеверские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 г. поручились за Волынского князя Олехна.

Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 г. почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С.М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти». Так, к примеру, в столице Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно, население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру население Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал привилей литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой привилей, который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство — от юрисдикции светского суда.

Тем не менее большинство православных и язычников в Литве сохранило свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиригайло.

При Ягайло в Литве появились первые «православные мученики», ставшие жертвами католического фанатизма. Видимо, и православные периодически давали отпор. Так, известно, что Андрей Ольгердович, княживший в Пскове, двинулся в Литву и вторично овладел Полоцком. При этом Андрей заявил, что Ягайло, приняв католичество, не имеет более права владеть православными областями. Андрей объединился с немецкими рыцарями, которые опустошили литовские владения больше, чем на сто верст. Война эта кончилась тем, что другой брат Ягайло, Скиригайло, взял Полоцк, захватил в плен Андрея, а его сына убил.

Следствием унии стала и ликвидация удельных княжеств на русских землях, находившихся в вассальной зависимости от великого князя московского.

В 1387 г. у удельного князя острожского Федора Даниловича по приказу Ягайло изымается Луцкая земля и передается во владение «до королевской воли» (то есть во временное владение) Витовту. Старостой же Луцка, то есть соправителем Витовта, Ягайло назначает поляка — сандомирского каштеляна^[25] Креслава из Курозвенков. В 1390 г. князь Федор Любартович по воле короля теряет последнюю волость своего Волынского княжества — Владимир Волынский с окрестностями. Так волынские земли перешли в непосредственную зависимость от Польского королевства. Весной 1393 г., потерпев поражение в сражении под Докудовом с войском Витовта и Скиригайло, лишается своего удела новгородсеверский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Наместником же в Новгородсеверское княжество король назначает утратившего свой волынский удел князя Федора Любартовича.

Весной 1393 г. Витовт во главе польского королевского войска вторгся в Подолию и занял замки Брацлава, Каменца, Смотрича, Скалы и Чернева. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил Брацлавщину от короля в вассальное владение. Западная Подолия с центром в Каменце стала еще более зависима от Польши, издавна претендовавшей на эти земли. В 1395 г. грамоту короля Ягайло на владение Западной Подолией «на полном княжеском праве» получил краковский воевода Спытко Мельштинский.

15 июля 1410 г. войска польского короля Владислава II (Ягайло) и великого князя литовского Витовта нанесли сокрушительное поражение Тевтонскому ордену. При этом войска Витовта в подавляющем

большинстве состояли из уроженцев Малой, Белой, Червленной и Великой Руси. Казалось бы, вот символ боевого братства славян, победивших своих исконных врагов тевтонов. Так, командующий русской армией в 1914—1915 гг. великий князь Николай Николаевич выступил с воззванием к полякам, где говорилось: «Не заржавел меч, разбивший врага под Грюнвальдом!» Увы, лавры Грюнвальда почти сразу превратились в яблоко раздора между «братьями славянами».

Битва за Грюнвальд описана в ряде моих книг, и в том числе в книге «Русские и украинцы. Братья по вере и крови» (Москва: Вече, 2013). Здесь я приведу белорусский взгляд, изложенный в официальном учебном пособии П.Г. Чигирина:

«Армия Витовта состояла из 40 хоругвей (более чем по 500 воинов в каждой). Половина хоругвей была укомплектована белорусами. В их числе были полоцкая, витебская, мстиславльская, оршанская, могилевская, слущкая, минская, пинская, лидская, новогрудская, волковысская, гродненская, кричевская, быховская, друцкая и др. Выступили также три смоленских полка. Своих воинов прислал Новгород Великий. Литва была представлена несколькими хоругвями, жемайтским воинам Витовт поручил охрану западных рубежей своих земель. В войске Витовта было также 5 тысяч татарских конников. Из Польши прибыло 50 хоругвей, в том числе 5 — из украинских земель. (Правда, многие их польских хоругвей насчитывали по 200—300 воинов.) На помощь полякам пришли наемники из Чехии во главе с Яном Жижкой. Военные действия готовились совместно и Витовтом и Ягайло. Однако в походе и в битве они были самостоятельными и равноправными: король руководил своим войском, великий князь — своим.

3 июля 1410 г. 40-тысячная польско-белорусско-литовско-татарская армия союзников выступила на Мариенбург. 9 июля войска вошли во владения ордена. 14 июля возле деревень Грюнвальд и Таненберг крестоносцы преградили путь объединенному войску. Польские войска короля Ягайло заняли левый фланг, белорусско-литовские войска Витовта — правый...

Политическое значение победы над Грюнвальдом, которая сказала на судьбе не одного европейского народа, трудно переоценить. Двухвековая агрессия немецких рыцарей на востоке была остановлена. Соотношение сил изменилось в пользу славянских стран Центральной и Восточной Европы. ВКЛ получило не только почти сто лет мирного времени, но и могло проводить более независимую от Польши политику. Грюнвальдская победа еще раз убедила Европу, что на востоке ее существует могучее

государство, способное дать отпор натиску как с востока, так и с запада. Великое княжество Литовское становилось в один ряд с великими европейскими странами, возрос его международный авторитет. Происходили соответствующие изменения в самосознании белорусов. Эта победа значительно ускорила этническую консолидацию белорусских земель, подняла боевой дух и национальное достоинство наших предков. Если на битву шли полочане, новогрудцы, смоляне, то возвращался оттуда белорусский народ»^[25].

Как видим, смоляне — тоже «белорусский народ».

Поначалу уния с Польшей мало что изменила в жизни населения (от бояр до черного люда) в Малой и Белой Руси.

Ряд литовских князей после Кревской унии с Польшей 1385 г. приняли католичество. Но тут следует сказать, что веру литовские князья меняли исключительно чтобы добиться тех или иных политических выгод. Что же касается удельных князей Гедиминовичей, сидевших по русским городам, то они практически все были православными. В XIV—XV веках в русской Литве появляются лишь отдельные католики.

Несколько иная ситуация сложилась в Червонной Руси на Волыни, захваченной поляками. В 1340 г. польский король Казимир Великий, воспользовавшись смертью правившего с 1336 г. Червонной Русью князя Болеслава Мазовецкого (родственника последнего галицкого Рюриковича Юрия II), занял своими войсками эту русскую область и приобщил ее к короне польской. Казимир пожаловал Червонной Руси полное самоуправление, удержал в ней все прежние законы и учреждения, весь выработанный здесь веками общественный строй и полную свободу исповедания по обряду восточной церкви.

В Густинской летописи под 6848 г. (1340 г.) говорится, что жители Львова сдались Казимиру Великому, «варуючи себе, абы в старожитной вере никто им николи ничего не чинил, еже Казимер обеща им... А потом сей Казимер крол, собрав сейм, на нем же рускую землю на поветы и воеводства раздели, и шляхту рускую единою волністю з полскими волностями совокупи и утверди»^[26].

Важно отметить, что и тогда, вплоть до Сигизмунда III, инициатива гонений на православных всегда исходила из Рима и его агентов в Польше и Великом княжестве Литовском, а польские короли и великие князья литовские вынуждены были лишь подчиняться. Властители прекрасно понимали, что разжигая межконфессиональную рознь и оскорбляя значительную часть своих подданных, они подрывают свое могущество.

Папа Бенедикт XII, узнав от самого Казимира Великого о подчинении Руси и о том, что король клятвенно обещал русскому населению во всем защищать его и хранить при его обрядах, правах и обычаях, 29 июня 1341 г. пишет краковскому епископу, чтобы тот освободил Казимира от данной им клятвы и тем самым дал ему возможность действовать свободно по отношению к православному населению Галицкой Руси.

В Городельском акте 1400 г., подтверждающем соединение польских и литовских земель, содержится дискриминация православных бояр и панов по сравнению с католиками. Однако русские историки несколько преувеличивают это. Так, православным панам не будут предоставляться гербы. Далее говорится, что в должности воевод и наместников «не будут выбираемы те, которые не исповедывают католической веры и не подчиняются святой римской церкви». Тут уже ограничение очень серьезное, если бы речь не шла только о двух городах Великого княжества Литовского — Вильно и Троки. Спору нет, города столичные и должности там престижные. Но в целом на Литовской Руси Городельский акт никак не отразился. Тем более что властями сей акт неоднократно нарушался. Причем, подчеркиваю, речь шла о Русской Литве.

А вот Казимир 2 мая 1447 г., вскоре после принятия польской короны, дал (в Вильно) привилей «литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам». Этот привилей замечателен тем, что им предоставлялись «прелатом, княжатам, рытерем, шляхтичам, боярам, местичом» Литовско-русского государства все те права, вольности и «твердости», какие имеют «прелата, княжата, рытери, шляхтичи, бояре, местичи коруны Полское», то есть население литовско-русских земель уравнивалось в правах и положении своем с населением коронных земель.

В начале 1499 г. киевский митрополит Иосиф предоставил великому князю литовскому Александру «свиток прав великого князя Ярослава Володимировича», то есть церковный устав Ярослава Мудрого. В этом уставе говорилось о невмешательстве светских лиц и властей в суды духовные и в церковные дела и доходы, так как «вси тые дела духовные в моц митрополита Киевского» и подведомственных ему епископов.

В городах, где введено было Магдебургское право (в Великом княжестве Литовском), православные мещане не отличались юридически от своих собратьев — католиков: жалованные грамоты короля городам на получение этого права требовали, чтобы половина радцев, избираемых мещанами, исповедовала латинство, другая — православие; один бургомистр — католик, другой — православный. Грамоты Полоцку (в 1510

г.), Минску, Новогрудку (в 1511 г.), Бресту (тоже в 1511 г.) и другие подтверждают это.

Итак, в XV — первой половине XVI века Великое княжество Литовское было полунезависимым государством, связанным с Польшей личной унией. В ВКЛ говорили по-русски, главной конфессией была Православная церковь. Естественно, что паны и католическая церковь стремились полонизировать ВКЛ.

В январе 1569 г. польский король Сигизмунд II Август созвал в городе Люблине польско-литовский сейм для принятия новой унии. В ходе дебатов противники слияния с Польшей литовский протестант князь Криштов Радзивилл^[26] и православный русский князь Константин Острожский со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддерживаемые мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией их земель. В конце концов, «диссиденты» вернулись. 1 июля 1569 г. была подписана Люблинская уния. Согласно акту Люблинской унии Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство — Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иноземными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская — в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Согласно 9-му параграфу унии, король обещал должности в присоединенных землях предоставлять только местным уроженцам, имеющим там свою оседлость. «Обещаем не уменьшать должностей и урядов в этой Подляшской земле, и если что из них сделается вакантным, то будем предоставлять и давать шляхтичам — местным уроженцам, имеющим здесь недвижимое имение»^[27].

24 июня 1594 г. в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью. Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 г. акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и магнатов, отказалось принять унию.

29 мая 1596 г. Сигизмунд III издал манифест для своих православных подданных о совершившемся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковию под послушание одному духовному пастырю».

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам.

Вскоре после Люблинской унии в Польше и Литве возникли десятки иезуитских школ. Молодое поколение подверглось жесткой идеологической обработке. В ответ православные иерархи не смогли создать школы, привлекательной для детей шляхты, не говоря уж о магнатах. С конца XVI века началось массовое окатоличивание и ополячивание русской дворянской молодежи. Зачастую православные родители не видели в этом ничего плохого: чтение итальянских и французских книг, западная мода, западные танцы — почему бы и нет? Страшные последствия полонизации западных и южных русских земель начнут сказываться лишь через несколько лет.

В ходе первого (1772 г.) и второго (1793 г.) разделов Речи Посполитой к Российской империи были присоединены правобережная Малороссия и вся Белоруссия. Подробности трех разделов Польши выходят за рамки книги, а желающих я отправляю к моим монографиям «Давний спор славян: Россия, Польша, Литва», «Польша. Непримируемое соседство» и др. Тут же я замечу, что Россия не получила ни пяди земель, где жили этнические поляки, а лишь территории, которые входили в состав Древнерусского государства и были заселены православными людьми. Другой вопрос, что часть из них, как мы уже знаем, в XVII—XVIII веках были частично обращены в униатство.

В 1793 г., подписывая указ о присоединении белорусских земель к Российской империи, великая императрица сказала: «Отторгнутые возвратах!»

И тут Екатерина II с большим удивлением обнаружила там хлопков — православных и униатов, говорящих на диалектах русского языка, и дворян — исключительно поляков-католиков. А куда же делись тысячи русских дворян? Может, поляки поголовно всех вырезали?

И вдруг в начале 90-х гг. XX века националистические белорусские историки обнаруживают «белорусскую шляхту» в XVII—XIX веках!

Разумеется, это делают не все белорусские историки. Так, доктор философских наук Лев Естафьевич Криштапович пишет: «Специфика формирования белорусской народности на протяжении длительного исторического развития выразилась в том, что к середине XVII века белорусский народ состоял лишь из низшего сословия — крестьян и мещан — и потерял высшее сословие — шляхту»^[28].

Увы, дело не только в перемене веры.

Однако татаро-монгольское нашествие, а также культурная и экономическая блокада Руси, осуществленная на севере — шведами, на западе — поляками, а на юге — татарами, а позже — турками, существенно замедлила развитие науки и искусства в Московском государстве. Замечу, что немалую роль в этой блокаде сыграл и Рим. До нас дошло множество папских булл (посланий) к шведам, ганзейцам и полякам с призывами не пропускать из западных стран к схизматикам товары, книги, мастеров и ученых.

Конец XV и XVI века в Западной Европе — время Великих географических открытий, эпоха Возрождения в искусстве и резкий скачок в науке и технике. Все западные новшества свободно попадали в Речь Посполитую и с огромным трудом — в Московию.

Еще в 1400 г. в Кракове был открыт университет (академия). При короле Стефане Батории просвещение в Речи Посполитой оказывается в руках иезуитов. Отцы-иезуиты в 1570 г. открывают в Вильно коллегию (школу), которая в 1578 г. королевским указом была преобразована в университет (академию) и уравнена в правах с Краковским университетом.

Замечу, что против этого преобразования категорически выступали высшие должностные лица Великого княжества Литовского — канцлер Николай Радзивилл Рыжий (кальвинист) и вице-канцлер Евстафий Волович (православный). Они-то прекрасно понимали, что цели иезуитов — не просвещение польского юношества, а насаждение католической реакции.

В 1579 г. иезуиты основали коллегию в Полоцке, а в 1582 г. — в Риге.

Иезуиты «всецело захватили воспитание юношества в свои руки. Им давали своих детей не только католики, но и разнoverцы, в том числе и православные, а они делали их горячими приверженцами латинства, преданными и послушными своими слугами. Под влиянием иезуитов знатные диссидентские и православные фамилии начали быстро переходить в лоно католической церкви. Как легко и быстро в первой половине XVI века польско-литовские паны принимали реформацию, так теперь легко они обращались к Риму и оставляли свои протестантские воззрения. Католическая реакция росла все больше и больше; католичество

усиливалось и торжествовало над своими врагами»^{29}.

Православному священнику Беднову вторит еврейский историк Илья Левит: «Но с конца XVI века православное дворянство стало исчезать, особенно быстро этот процесс пошел в первой половине XVII века. Это явление связывают с деятельностью иезуитов. С конца XVI века знаменитый орден начинает активно действовать в Речи Посполитой. Целью иезуитов было вернуть в католичество протестантов (их в то время развелось довольно много) и распространить свет католической веры на православных. Для этого они, за редким исключением, не употребляли насилия... Их главным оружием стали школы (как и в других странах). В православных районах иезуиты основали десятки школ, а в Вильнюсе даже университет. Школы их имели два достоинства. Во-первых, они были бесплатными. Получая щедрое пожертвование во всем мире, орден мог не брать регулярной платы за учебу. (Родители, если хотели, могли приносить добровольные дары деньгами или продуктами.) Для небогатой шляхты это было важно. Во-вторых, иезуитские школы по тому времени были бесспорно хороши, что признавал даже враг иезуитов и большой знаток тогдашней педагогики Ян Амос Каменский. Из этих школ люди выходили прилично образованными. Особенно ценилось знание латыни. Это тогда был признак культурного человека, как, скажем, в XIX веке — знание французского языка»^{30}.

А вот мнение поляка Фаддея Булгарина: «Почти вся Литва и лучшее Литовское шляхетство было православного греческого исповедания; но когда не только православных, но даже униатов отдалили от занятия всех важных мест в государстве, и стали принимать в католическую веру знатную православную шляхту — пожалованием старост, ленных и амфитеугических имений, и когда в присутственные места, в школы и в дворянские дела вообще ввели польский язык, все литовское шляхетство мало-помалу перешло к католицизму. При Сигизмунде III и наша фамилия перешла в католическую веру, и получила несколько имений под различными титулами...

Итак, первая и главная, а лучше сказать, единственная радикальная причина упадка Польши была власть иезуитов, истребивших истинное просвещение и укоренивших в умах нетерпимость. Вторая причина, следствие первой, была слабое правление избирательных королей (после Ягеллонова рода), а особенно последних королей Сасонского дома»^{31}.

В коллегиях или университетах юные русские шляхтичи оказывались в окружении толпы сверстников, в совершенстве овладевших польским

языком, познакомились с родней однокашников-католиков.

Юные польки были куда более раскованы и фривольны, чем православные шляхтянки. В итоге повсеместно заключались смешанные браки, причем венчание обязательно проводилось по католическому обряду, и жениху приходилось переходить в латинскую веру.

Главное, что иезуитские коллегии и университеты прививали презрение к православным людям — как к хлопам, так и к дворянам и попам. Во врата коллегии входили православные юноши, а выходили католики, считавшие всех православных невежественными схизматиками.

«Речь Посполитая» буквально переводится как «власть народа», то есть республика. Какой же народ правил в сей республике?

«В Польше искони веков толковали о вольности и равенстве, которыми наделе не пользовался никто, только богатые паны были совершенно независимы от всех властей, но это была не вольность, а своеволие. Даже порядочная и достаточная шляхта должна была придерживаться какой-нибудь партии, т.е. быть под властью какого-нибудь беспокойного магната, а мелкая шляхта, буйная и непросвещенная, находилась всегда в полной зависимости у каждого, кто кормил и поил ее, и даже поступала в самые низкие должности у панов и богатой шляхты, и терпеливо переносила побои, — с тем условием, чтобы быть битым не на голой земле, а на ковре, презирая, однако ж, из глупой гордости, занятие торговлей и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию. Поселяне были вообще угнетены, а в Литве и Белороссии положение их было гораздо хуже негров»^{32} — таков ответ шляхтича Булгарина.

Я уточню — «вольности» были привилегией лишь магнатов. Что мог позволить себе богатый пан? Всё! Да, да, я вовсе не преувеличиваю. Пан, разумеется, католик, мог делать все, что угодно. Например, русский боярин и при Иване Грозном не мог убить своего холопа, а в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года за это ему светили суровые статьи. А вот пан мог крестьянина повесить, посадить на кол, подвесить на крюке за ребро, короче, делать все, на что у него хватит фантазии.

Вот деловой документ — донесение царю белгородского воеводы: «Их [казаков. — А.Ш.] крестьянскую веру нарушают и церкви божие разрушаются, и их побивают и жен их и детей, забирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазуху, зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строение разоряли и пограбили»^{33}.

Патологическая жестокость польских панов нисколько не мешала им твердить на весь мир о варварстве московитов.

В России смертная казнь была отменена в 1741 г. императрицей Елизаветой Петровной. Екатерина II ввела смертную казнь, но число казней можно пересчитать по пальцам. А вот квалифицированной казни с 1741 г. в «варварской» России не было ни одной.

Замечу, что в Европе виновных в столь зверских убийствах, какие творили просвещенные паны, уже в XIX веке до суда отправляли на психологическую экспертизу. Ну а сейчас, в XXI веке, паны-садисты — герои польского эпоса.

А теперь перейдем к прочим «шляхетским вольностям». Так, любой пан со времен королей Пястов и до 1815 г. мог сформировать частную армию. Численность ее зависела исключительно от содержимого кошелька одного пана. Пан мог вооружить ее артиллерией, как полевой, так и осадной. Мог устроить оружейный завод в своем поместье. Паны строили крепости, иной раз даже приглашая для этой цели французских инженеров, которые считались тогда лучшими в мире фортификаторами.

Секс был не последним аргументом в совращении русского дворянства. Ведь в сексуальном отношении нравы православных русских в XIV—XVI веках, как в Московском государстве, так и в ВКЛ, были более чем суровы. Хотите, называйте это целомудрием, хотите — ханжеством или сексофобией, суть от этого не меняется.

У православных в XIV—XVI веках жены не имели права участвовать в пирах и званых обедах. Ну а у поляков женщины еще в XIV веке пользовались большой свободой.

«В XVIII в. при дворе последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа, а также при многочисленных дворах аристократии обычаи обрели далеко идущую свободу. Ролле отмечает, что, например, при дворе киевского воеводы “продолжался непрерывный банкет, на котором не было недостатка в женщинах... тот, кто хотел, играл в идиллию — уходил в отдаленные комнаты, освещенные алебастровыми лампами, бросающими полусвет... Расставленные в них апельсиновые и лимонные деревья, беседки, оплетенные плющом, удобные сиденья, хотя и выполненные в миниатюре, создавали удобную обстановку для воркующей пары”.

Женщины появлялись в прозрачных, легких одеждах. Нарядные и остроумные, а вместе с тем злые, вмешивающиеся в политику, они легко завязывали романы с дипломатами соседних государств. Возмущенный Китович восклицал: “До сих пор польские дамы не вмешивались в общественные дела, сегодня они подражают французским женщинам... Женщины становятся депутатами сейма... целые сессии просиживают на крыльце... делают знаки своим доверенным лицам с помощью губ или

мимики, ведут себя, как им хочется”. Широкое распространение получили измены, разводы, сексуальные оргии.

В этот период, — пишет Василевский, — супружеская верность рассматривалась как оскорбление хорошего тона, девственность как аномалия, голубая гетера как норма. Волна разводов докатилась до мелких аристократов, шляхты, низших слоев. Мода все больше обнажала бюст, колени, не соблюдалась даже видимость скромности. Свобода нравов царила в среде аристократии и связанных с ней кругах шляхты»^[34].

Уже в XVI веке в Польше дамы по французской моде появляются в декольте, из Франции, Германии и Италии поступает эротическая литература и порнографические гравюры.

Понятно, что это не может не привлекать молодых православных русских шляхтичей и особенно шляхтянок. Результат тот же: переход в католичество, смешанные браки и постепенная полная полонизация знатных семейств.

Вот несколько характерных примеров. Начнем с самого знаменитого и богатого польского рода — князей Чарторыхских^[27]. Их в XVIII веке именовали просто Фамилией, подразумевая, что Чарторыхские фактически правят Речью Посполитой.

Они происходили из рода Рюриковичей — боковая ветвь волынских князей. Есть неподтвержденные сведения, что они породнились с Гедиминовичами. Фамилию они получили от родового владения — старого русского города Чарторыхска на берегу реки Стырь на Волыни. Впервые город упомянут в летописи под 1100 г., тогда он был передан князю Давыду Игоревичу. Сейчас это село Старый Чарторыхск.

До 1622 г.^[28] все князья Чарторыхские были православными. А в 1622 г. князь Юрий Иванович перешел в католичество и стал «оказывать сильно покровительство иезуитам». Вместе с ним перешел в католичество и его сын воевода волынский Николай-Юрий. Второй сын Юрия Андрей стал монахом Адрианом в ордене бернардинцев. Наконец, сын Николая Казимеж-Фрориан стал архиепископом гродненским, а с 1673 г. — примасом Польши.

Как видим, с переходом в католичество у Чарторыхских русские имена менялись на польские. Внуки русского князя Юрия Ивановича говорили только по-польски и считали себя поляками.

А теперь перейдем к еще одному знаменитому польскому аристократическому роду — Вишневецким. Род свой они ведут от Дмитрия (Корибута)^[29], князя Новгородсеверского, сына великого князя литовского

Ольгерда. Правнук Корибута Солтан построил замок Вишневец. После смерти бездетного Солтана замок перешел к его племяннику Михаилу Васильевичу, который и стал первым князем Вишневецким. Все князья Вишневецкие были православными. Православными — мало сказать, их в ВКЛ и Московском государстве величали «ревнителями православия».

А внук первого князя Вишневецкого староста Черкасский и Каневский Михаил Александрович стал предводителем запорожцев. С некоторой натяжкой его можно назвать «батькой войска запорожского». Именно он построил крепость на острове Малая Хортица.

В 1556 г. Дмитрий Вишневецкий предложил передать Ивану Грозному королевские земли — Черкассы, Канев и другие города. Но царь, увлеченный идеей Ливонской войны, не желал ссориться с Польшей и потому предложил лишь самому Дмитрию с дружиной перейти на службу Москве. На «подъем» Вишневецкому выдали огромную по тем временам сумму — 10 тысяч рублей. В Москве Вишневецкому царь дал «на кормление» город Белев и несколько сел под Москвой. Так Иван потерял «Богдана Хмельницкого» и приобрел хорошего кондотьера.

Однако через несколько месяцев князь Дмитрий покидает русскую службу и основывает новую Сечь на острове Монастырском (сейчас в черте города Днепропетровска).

В 1564 г. князь Дмитрий был взят в плен турками и повешен на крюке за ребро в Стамбуле.

А вот племянник «казака Байды» воевода русский Константин Константинович первым в роду Вишневецких в 1595 г. перешел в католичество.

Другой знаменитый представитель рода Вишневецких — Иеремия-Михаил — в 1631 г. в возрасте 19 лет, после учебы у иезуитов перешел в католичество, за что был проклят своей матерью. Иеремия или, как его звали казаки, Ярёма, стал палачом украинского народа в ходе войны с Богданом Хмельницким.

Замечу, что Ярёма командовал не королевской, а собственной частной армией.

Сын же Ярёмы Михаил-Томсен (1640—1673) в 1669 г. был избран королем Речи Посполитой.

А теперь перейдем к еще более знаменитому польскому аристократическому роду — князьям Острожским.

Острожские — потомки русских галицких и волынских князей, получили прозвище по городу Острогу. Князь Константин Константинович Острожский приютил бежавшего из Москвы первопечатника Ивана

Федорова, напечатавшего в Остроге в 1581 г. Острожскую библию. В конце XVI века князьям Острожским принадлежало 24 города, 10 местечек и более 100 сел и деревень. Острожские решительно поддерживали православную церковь в борьбе с униатами.

Увы, сын Константина Константиновича Иван (1554—1620) после учебы в иезуитской коллегии первым в роду принял католичество и стал называться Янушем.

Дочь Януша Анна-Алоиза основала в Остроге иезуитскую коллегию и, изгнав из своих имений 40 православных священников, отдала ксендзам их приходы, а затем вышла замуж за графа Яна Ходкевича — знаменитого польского полководца. Замечу, что русско-литовские дворяне Ходкевичи несколько столетий были православными, но, в отличие от других русских дворянских родов, во второй половине XVI века перешли в кальвинизм, а уже в начале XVII века — в католичество. Сам Ян Ходкевич получил образование в иезуитской коллегии в Вильно и тоже стал католиком.

Князья Друцкие были Рюриковичами — потомками короля Даниила Галицкого и, соответственно, православными. Так, князь Павел Григорьевич Друцкий-Любецкий в 1617 г. основал в городе Луцке (Западная Украина) православное братство, а его родной брат Иван стал католиком Яном. Сын же Ян Григорьевича, тоже Ян, подался в монахи ордена иезуитов.

Князь Андрей Курбский в ВКЛ активно боролся против засилья католиков, но, увы, его потомки после смерти отца перешли в католичество.

В первой четверти XVII века католичество принимают представители знатных русских родов — князья: Януш Заславский, Петр Збаражский, Самуил и Карл Корецкие, Симон Сангушко и т.д. Напомню, что и тысячи простых православных шляхтичей «добровольно-принудительно» перешли в католичество.

Сейчас род Тышковичей считается белорусской шляхтой. Так, два Тышковица даже попали в энциклопедический словарь «Асветнікі зямлі Беларускай» (Минск, 2001). Сохранилась грамота ВКЛ Свидригайло дарования основоположнику рода наместнику Каленину Мишковиче (1437 г.). Прозвище же род получил от имени его сына Тышки. Разумеется, и Калении, и Тышка были православными.

Их потомок Юрий Тышкевич выступал в 1599 г. против Брестской унии. Но его сыновья приняли католичество.

Другой потомок Тышки Федор также выступал против Унии. В 1601 г. он подписался под обязательством шляхты защищать с оружием в руках Люблинское православное братство. Увы, через 2 года Федор перешел в

униатство, а его сын Януш стал ревностным католиком и служил Тушинскому вору.

К середине XVII века род Тышкевичей стал седьмым по богатству в католической Европе. Надо ли говорить, что Тышкевичи считали себя поляками. Ну а ныне белорусские историки переделывают их имена на белорусский лад.

Исчезновение боярства и дворянства стали национальной трагедией Белоруссии. Хлоп и пан имели разную веру, язык и культуру и не могли не стать антагонистами. Это отразилось в белорусских сказках, в которых неизменно присутствуют два ненавистных для православного народа персонажа — пан и ксендз. Такое же негативное отношение к ним и в белорусских исторических песнях.

«...Понайшла нечиста сила,
Руску веру поглумила:
Батьки в церкви не служили,
А ксендзы имшу вопили.

...

Помолимся и заплачем,
Шоб его святая сила
Поконала Радзивиля!»

В то же время образ русского царя в белорусских песнях всегда положительный. Законный государь-заступник величается «белым царем».

Билайрускай царь всим царям ацец,
Ион дзяржиць веру хрысціянскую,
Хрысціянскую, багамольную,
Кали будзе время апаследняя —
Вси цари-карали к яму приклонютца.

Эти примеры народного предания убедительнее всех исторических документов свидетельствуют об истинном отношении предков православных белорусов к Речи Посполитой, Великому княжеству Литовскому и к их правящей польско-католической верхушке.

Глава 5.

Белорусская руина — мифы и реалии

«В 1995 г. в минском издательстве “Навука і тэхніка” вышла в свет книга Г. Сагановича “Невядомая вайна 1654—1667 гг.”, посвященная событиям слабоизученной в историографии Тринадцатилетней войне между Речью Посполитой и Россией. Для человека, неискушенного в вопросах методологии исторического исследования, данный труд, с подборкой источников, соответствующей идеологическим взглядам автора, может показаться верхом объективизма. Для Белоруссии эта книга стала своего рода знаковой. Белорусские националисты получили некое научно обоснованное доказательство (автор, как-никак, имеет научную степень кандидата исторических наук!) природной ненависти “Московии” к белорусам в 1654—1667 гг. Некоторые белорусские журнальные и газетные статьи, интернет-форумы наперебой пестрят обвинениями “москалей” в геноциде и в этнических чистках на территории Белоруссии, входившей тогда в состав Великого княжества Литовского.

В работе Г. Сагановича часто цитируются документы, в которых ярко показаны действия “оккупантов”: убийства, насилие, грабежи, угон в рабство братских православных граждан. От главы к главе читатель как бы подготавливается к важному и страшному откровению — к статистике демографических потерь Великого княжества Литовского: 1 500 000 человек, или 53% населения! Такие цифры любого эмоционального читателя заставят воскликнуть: “Нам все врал!” Данные цифры уже давно взяты на вооружение белорусскими националистами в качестве очередного обвинения в “азиатской жестокости москалей”. За последнее время они выдают такие опусы, перемешанные откровенным бредом и пафосными завываниями, что оставить без внимания подобные высказывания никак нельзя. Так, недавно публицист-компилятор А.Е. Тарас выпустил книгу “Войны Московской Руси с ВКЛ и Речью Посполитой в XIV—XVII веках” (Москва, АСТ, 2006), в которой опять-таки повторяются выводы Сагановича, но еще более эмоционально окрашенные. В этой ситуации меня волнует не то, что эта книга представляет собой набор компиляций и ляпов, а то, что этот русофобский перл издан не в Белоруссии, а в солидном московском издательстве “АСТ”, да еще немалым тиражом»^[35].

Я умышленно привел длинную цитату, дабы не быть обвиненным в

необъективности.

Давайте спокойно разберемся, верно ли обвиняют царя Алексея Михайловича в геноциде белорусского народа, выразившегося в уничтожении больше половины населения региона?

Саганович рассматривает потери ВКЛ с 1648 по 1667 г. Так кто же тогда воевал и убивал в Белоруссии?

В 1648 г. на Украине началась освободительная война под предводительством Богдана Хмельницкого. Целью войны было освобождение всей Руси, находившейся в то время под властью Речи Посполитой. Вот что Хмельницкий говорил 6 августа 1657 г. по сему поводу на Великой Раде Войска Запорожского незадолго до своей смерти: «Братья, время и болезнь торопят меня. Не буду повторять вам того, что хорошо знаете, — беды и несчастья, которые вытерпел русский народ под польской шляхтой, и страдания нашей православной церкви, преследуемой папешниками... Жалею, братья, что не мог закончить все войны так, как этого бы мне хотелось. Тешил себя надеждой, что навсегда обеспечу вам свободу и независимость, освобожу все русские земли».

По разным причинам царские и советские историки пытались доказать, что Богдан Хмельницкий и казачество хотели освободить от польского гнета только Украину. На самом же деле речь шла о всех районах Речи Посполитой, населенных русскими православными людьми и ранее входивших в состав русских княжеств, управляемых князьями Рюриковичами.

В 1648 г. почти вся Белоруссия оказалась охваченной восстанием против поляков.

«Важно подчеркнуть, что казацкое движение имело общерусский характер, и среди запорожцев было немало выходцев с Белой Руси, в том числе и среди старшины. Одним из таких был уроженец Быхова (ныне Могилевская обл.) полковник Войска Запорожского, сподвижник Богдана Хмельницкого Филон Гаркуша.

В 1648 году он во главе отряда казаков пришел на Белую Русь, где к нему присоединились повстанцы из числа местных крестьян и горожан. Навстречу Гаркуше выступило польско-литовское войско под началом стражника Великого княжества Литовского (высокий военный чин) Г. Мирского. Ожесточенный бой произошел возле местечка Горваль (ныне деревня в Гомельской обл.), в ходе которого поляки были разгромлены. В декабре 1648 года Гаркуша осаждал крепость Быхов. В 1651 году Филон Гаркуша с отрядом в 15 тысяч человек вел боевые действия в районе реки Припять, затем по распоряжению Богдана Хмельницкого с отрядом казаков

по Днепру прибыл в Киев. В апреле — марте 1654 года был послом Богдана Хмельницкого в Москве. Еще одним крупным казацким отрядом командовал уроженец Слуцка русский православный шляхтич Иван Соколовский.

Идеи, которые несло запорожское казачество на Белую Русь — православие, воля и народоправство, — находили самый широкий отклик у местного русского населения, которое не только вступало в казацкие отряды, но и начинало устраивать свою жизнь на казацкий манер. Так, на Слутчине была образована собственная Сечь, при этом Слуцкий казацкий круг провозгласил Соколовского гетманом Костёрским (от костер, сполох, т.е. восстание), который на подначальной территории принялся осуществлять казацкие преобразования. Из Слуцкой Сечи изгонялись владетельные паны, землю и скарб которых распределяли среди малоимущих.

На подавление Слуцкой казацкой республики тогдашний владетель Слуцкого княжества Януш Радзивилл направил многочисленное, вооруженное артиллерией наемное войско. Слуцким казакам пришлось отступать, прикрывая исход на Малую Русь большого количества крестьянских и мещанских семей с обозами.

3 сентября 1648 года у переправы через реку Случь, у дер. Погост (ныне Солигорский район), произошло сражение казаков с карательными войсками Радзивилла. В ходе жестокой битвы погибло более двух тысяч казаков, в том числе гетман Иван Соколовский и войсковой писарь Турчинович. И все же оставшимся в живых казакам вместе с обозами беженцев удалось прорваться сквозь войска Радзивилла и уйти на Малую Русь.

Борьба казаков и присоединившихся к ним показавшихся западнорусских крестьян и горожан с карательными польско-литовскими шляхетскими войсками носила крайне ожесточенный характер. Многие города (Гомель, Братин, Лоев и другие) с радостью встречали повстанцев. При этом мещане Пинска, Мозыря, Бобруйска, Бреста и других белорусских городов вместе с казацкими отрядами мужественно защищались от карательных шляхетских войск, действиями которых руководили польско-литовские магнаты Радзивиллы.

Шляхетские войска действовали в отношении повстанцев с чрезвычайным зверством и жестокостью. Вот только некоторые свидетельства этого. При взятии Пинска радзивилловскими наемниками и шляхтой было убито более 3-х тысяч горожан, а сам город был сожжен. В Бресте были расстреляны и порублены несколько тысяч горожан. 11 ноября

1648 года был сожжен город Чериков и убиты 1500 его жителей. В январе 1649 года по личному приказу Януша Радзивилла был дотла сожжен Туров, а население перебито. Такая же трагическая участь постигла Мозырь и Бобруйск.

События в Бобруйске (в то время население города было около 6 тысяч человек) развивались следующим образом. В октябре 1648 года в городе произошло восстание горожан против власти Речи Посполитой, произвола шляхты, засилья католической церкви и ростовщиков-евреев. В ходе восстания был razoren недавно построенный католический костел, бобруйский староста утоплен в Березине, а оказавшая вооруженное сопротивление шляхта перебита. На помощь восставшим мещанам в город прибыл отряд казаков во главе с атаманом Михненкой. На подавление бобруйского восстания из крепости Быхов был направлен крупный отряд наемных войск под командованием «хорунжего литовского» Паца, который был разбит 18 декабря казаками и повстанцами под стенами города. Сам же хорунжий был взят в плен»^[36].

«Брестские шляхтичи 5 сентября 1648 г. в войсковом обозе неподалеку от Бреста расстреляли игумена брестского Симеоновского монастыря Афанасия Филипповича, заподозренного в связях с казаками. Кроме Филипповича, шляхтичи казнили еще одного священника и 15 мещан, тоже обвиненных в подготовке восстания. Полагая, что жители Бреста достаточно уstraшены, предводители ополчения двинули хоругви к Кобрину. Они намеревались, подавив восстания в окрестностях Бреста, оказать помощь пинской шляхте.

Когда к Бресту подошли посланные Хмельницким казаки, жители города подняли восстание и присоединились к ним. Ополчение брестских шляхтичей в боях с казацко-крестьянскими отрядами несло большие потери. Около Виснич повстанцы уничтожили крупный отряд шляхтичей во главе с брестским каштеляном Казимиром Тышкевичем. Окружив Кобрин, казаки и крестьяне разгромили находившуюся там кавалерийскую хоругвь стольника Великого княжества Викентия Корвин-Гонсевского и захватили большие трофеи: конное снаряжение, обоз и лошадей»^[37].

Напуганное панство собралось в Вильно на «чрезвычайное совещание». Там было решено собрать большое войско для очистки Белоруссии и Украины от повстанцев. Командование принял виленский воевода великий гетман литовский Януш Радзивилл.

В начале лета 1649 г. Радзивилл захватил укрепленный город Чечерск (ныне в Гомельская области), где устроил жестокую расправу над

чечерскими казаками. Вот что писал очевидец: «Выбрав полтораста человек, отсекали правые руки по запястья, а 50 человек-де на колья посажали, а достольных-де казаков и их жон и детей порубили всех». Затем войска Радзивилла захватили Лоев, где также все казаки и их семьи были «казнены смертию». После этого войско Радзивилла попыталось закрепиться на левом берегу Днепра и двинулось на Гомель, «но казаки-де их, ляхов, что пришли с литовского повету, на сую сторону Днепра не пропустили».

После заключения в августе 1649 г. между Богданом Хмельницким и королем Речи Посполитой Яном Казимиром Зборовского договора казацко-повстанческое движение на Белой Руси временно стало затихать. И хотя малороссийские казацкие загоны в связи с перемирием были отозваны с Белой Руси, а вдоль левого берега Припяти расставлены заградительные отряды войск Радзивилла, отряды собственно белорусских казаков, состоявшие преимущественно из западнорусских крестьян и мещан, не сложили оружия и по домам не расходились.

Так, киевский воевода Адам Кисель, проезжавший через Белую Русь в октябре 1649 г., писал коронному канцлеру Ежи Оссолинскому: «Плебс продолжает оставаться в отрядах и домой панов не пускает». В апреле 1650 г. Кисель сообщал королю, что народ крайне возмущен и не желает возвращаться под власть панов и в большом количестве уходит на Малую Русь и в Русское государство.

Но уже в мае 1651 г. повстанцы на юге Белоруссии вновь активизировались. Несколько казацких загонов двинулись в окрестности Кричева, Мстиславля, Лоева и других городов. Черниговский полковник Мартын Небаба направил к Гомелю крупный отряд казаков (до 7 тысяч) во главе с полковниками Забелой и Окшей.

Зная враждебное отношение горожан к королевским наемникам и шляхте и желая обезопасить себя от «неожиданностей», комендант гарнизона при подходе казаков к городу приказал перебить всех жителей Гомеля, что и было сделано. Вот что писал об этом «умиротворении» гомельчан королю Яну Казимиру гетман литовский Януш Радзивилл в письме от 9 июня 1651 г.: «Развернув во всех направлениях враждебные действия, неприятель подошел к Гомелю и окопался возле города. На следующий день с утра были слышны крики и стрельба. Штурм был отбит. Среди мещан обнаружилась измена. Семеро из них спустились со стены к неприятелю. Поэтому наши всех мещан вырезали».

Осада Гомеля продолжалась до июля, было предпринято несколько штурмов, но взять город на этот раз казакам не удалось. 9 июля по приказу

Небабы казацкие загоны отошли от города.

А 6 июля 1651 г. возле деревни Репки недалеко от Лоева состоялось сражение между казацко-повстанческим войском под предводительством Мартына Небабы и армией Януша Радзивилла. Уступавшая по численности и качеству вооружения казацкая армия потерпела поражение, а сам Небаба погиб в бою.

Еще более тяжелым стало положение казаков и хлопов в Белой Руси после неудачного для Богдана Хмельницкого сражения под Берестечком на Волыни (28 июня— 10 июля 1651 г.) и заключения Белоцерковского соглашения от 18 сентября 1651 г. В соответствии с его статьями все казацкие отряды были выведены с Белой Руси, что позволило войскам Януша Радзивилла и «частным армиям местных феодалов подавить все очаги крестьянско-мещанских выступлений. Однако затишье было временным, так как массовые казни не могли искоренить ненависть западнорусского народа к распоясавшемуся панству, независимо от его происхождения.

Понятно, что я здесь говорю лишь об отдельных эпизодах гражданской войны в Белоруссии 1648—1653 гг. Полное ее описание превратится в огромный том. Нас же интересует вопрос, а где в это время были русские войска? Да у себя дома! А сагановичи и тарасы валят на них многие десятки, если не сотни тысяч убитых за эти шесть военных лет людей.

Сейчас националисты в Киеве и Минске предпочитают забывать, что с 1618 г. Москва строго придерживалась политики невмешательства в дела Малой Руси. Все просьбы гетманов, атаманов и церковных иерархов принять Малую Русь под высокую руку московского царя отвергались или в лучшем случае оставались без ответа.

Большие проблемы постоянно возникали у русских пограничных воевод с потоками беженцев. Десятки тысяч крестьян, спасаясь от бесчинств панов, пересекали русскую границу.

В 1648 г. почти одновременно киевский воевода Адам Кисель и гетман Богдан Хмельницкий обратились с просьбой к царю Алексею вмешаться в междоусобную войну в Речи Посполитой. Кисель, естественно, просил поддержать королевские войска, а Богдан — мятежных казаков и просился на царскую службу.

В конце апреля 1649 г. казаки Хмельницкого учинили погром в Киеве. Как писал С.М. Соловьев: «На улицах началась потеха: начали разбивать католические монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монахов и ксендзов волочили по улицам, за шляхтою гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватали их и побивали.

Набравши на челны 113 человек ксендзов, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретивши под смертною казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать шляхту в своем доме, и вот испуганные мещане погнались несчастных из домов своих на верную смерть; тела убитых оставались собакам. Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками, и вложили книжки в руки. Три дня гуляли казаки и отправили на тот свет 300 душ: спаслись только те шляхтичи, которые успели скрыться в православных монастырях»^[38].

Одновременно Хмельницкий послал в Москву Чигиринского полковника Вешняка с грамотой к царю. «Нас, слуг своих, — писал Богдан, — до милости царского своего величества прими и благослови рати своей наступать на врагов наших, а мы в божий час отсюда на них пойдем. Вашему царскому величеству низко бьем челом: от милости своей не отдаляй нас, а мы бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцем был».

Царь Алексей отвечал очень осторожно, что вечного dokonчания с поляками нарушить нельзя, «а если королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское освободит, то мы тебя и все войско пожалуем, под нашу высокую руку принять велим».

В июле 1649 г. порубежные воеводы получили из Москвы инструкцию, в которой содержалось предписание не давать Польше ни единого повода для претензий. Казаков из Малороссии принимать на царскую службу только женатых с семьями, а холостых отправлять на Дон. Но и семейных казаков не держать в пограничных с Польшей городах, чтобы избежать конфликта с Речью Посполитой, а отправлять их в городки на южные границы для защиты от крымских татар.

Как видим, царь Алексей Михайлович делал все, чтобы избежать войны с Польшей. Гетман прекрасно понимал, что воевать в одиночку с Речью Посполитой означало заведомо обречь себя на поражение. Поскольку Москва по-прежнему отказывалась принимать Малороссию в свое подданство, Хмельницкий отправил послов к турецкому султану. И вот в 1651 г. Махмед IV признал Малороссию и запорожцев своими вассалами, пожаловав им тот же статус, которые имели Крым, Молдавия и Валахия.

Спору нет, Богдан страдал запоями, и, судя по фамилии, алкоголизм у него был наследственный, он был склонен к резким поступкам, но в этом случае гетман решил лишь попутать Москву. И, надо сказать, его замысел полностью оправдался. Алексей Михайлович и его бояре поверили, что

гетман решил податься к туркам, и начали форсировать мероприятия по возможному соединению Украины с Россией.

В своей большой монографии современные украинские историки Ю. Мирошниченко и С. Удовик отмечают: «История достижения царской протекции Б. Хмельницким изобилует детективными сюжетами и достойна отдельного описания. Здесь есть все: и шантаж, и многослойная дипломатия, и недюжинная изобретательность»^[39].

Мало кто знает, что и белорусская шляхта, и казаки также просились в Московию. Так, в 1651 г. в Москву прибыл шляхтич А. Кржыжановский с просьбой к царю принять Белоруссию в «государскую оборону». В Посольском приказе он говорил, что как только русское войско появится на белорусской земле, «то белорусцы-де, сколько их есть, все б те поры встанут на ляхов заодно. А чаят-де тех белорусцов зберетца со 100 000 человек».

После начала боевых действий в 1654 г. шляхтич из Вильно сообщал, что «здешние города угрожают явно возмущением, а другие наперерыв сдаются на имя царское...», «Мужики молят бога, чтобы пришла Москва», «Мужики нам враждебны, везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем Москва; это зло будет и дальше распространяться; надобно опасаться чего-нибудь вроде козацкой войны». В другом письме из Вильно отмечалось: «Неприятель этот здесь, в этих краях, берет большой перевес. Куда бы ни пришел он, везде собираются к нему мужики толпами, и уже, как мне известно, десять уездов, где собиралось наиболее податей, обращено в ничто...» В донесениях говорилось, что крестьяне «бунтуются... и тешатся все из тое войны и говорят, что селяне заодно с Москвою».

И вот осенью 1653 г. в Москве был созван Земской собор. На Соборе решили удовлетворить просьбу Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского и принять православный украинский народ «под высокую руку» русского царя. 1 октября при закрытии Собора царь Алексей торжественно заявил, что Россия будет вести войну с Польшей, если последняя будет удерживать Малороссию силой.

9 октября из Москвы на Украину выехало великое русское посольство в составе ближнего боярина Василия Бутурлина, окольничего Ивана Алферова, начальника московских стрельцов Артамона Матвеева и думного дьяка Лариона Лопухина. При посольстве были стольники, дворяне, стряпчие, толмачи и охрана из двухсот стрельцов.

31 декабря посольство прибыло в Переяслав. А незадолго до этого Хмельницкий разослал по всем казацким полкам универсал с указанием

прибыть в Переяслав на великую раду представителям казачества, горожан, духовенства и других слоев населения. Все выборные должны были прибыть в начале января 1654 г.

Вечером 7 января 1654 г. (по старому стилю) у Богдана Хмельницкого с полковниками, судьями и есаулами состоялась тайная рада, и все собравшиеся единодушно «под государеву высокую руку поклонились». После тайной рады в тот же день была назначена и явная.

Исход выборов был предreshен заранее: толпа закричала: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!»

Началась русско-польская война. Напомню, что она велась не только за освобождение Украины от поляков, но и за возвращение стратегически важного русского города Смоленска, захваченного поляками в 1614 г. И весной основные силы русской армии во главе с самим Тишайшим царем были двинуты именно на Смоленск.

Первую приятную весть царь Алексей получил по дороге из Царева-Займища в Вязьме 4 июня. Ему дали знать, что едва отряд вяземских охочих людей показался перед Дорогобужем, как поляки побежали оттуда в Смоленск, а посадские люди сдали Дорогобуж без боя. 11 июня на дороге из Вязьмы в Дорогобуж царь получил весть о сдаче его войскам Невеля. 14 июня в Дорогобуж пришла весть о сдаче Белой. 26 июня передовой полк имел первую стычку с поляками на реке Колодне под Смоленском, а уже 28 июня царь сам прибыл под Смоленск и встал в Богдановой околице. На следующий день пришла весть о сдаче Полоцка, 2 июля — о сдаче Рославля. 5 июля царь расположился станом на Девичьей горе в двух верстах от Смоленска. 20 июля Алексею доложили о сдаче Мстиславля.

Царь Алексей желал присоединить к Москве не только потерянный в Смутное время Смоленск, но и все русские земли, захваченные в XIV—XV веках Литвой, и требовал от воевод не обижать своих новых подданных. Так, православной шляхте из Полоцка и других земель был предложен выбор: поступать на русскую службу и ехать к царю под Смоленск за жалованьем, а тем, кто по-прежнему считал себя королевским подданным, было разрешено беспрепятственно ехать в этническую Польшу.^[30]

Как сказано в летописи: «22 июля выехал на государево имя могилевский шляхтич Поклонский и жалован в полковники; ему поручено было уговаривать земляков, чтоб поддавались государю и служили ему против поляков, для чего велено было тому же Поклонскому всяких служивых людей прибирать к себе в полк и обнадеживать их государским жалованьем. Уговаривать могилевцев к сдаче отправлен был вместе с

Поклонским московский дворянин Воейков с отрядом ратных людей. На дороге прислали к ним чаусовцы с просьбою принять их под государеву руку, и Поклонский набрал из них 800 человек пехоты».

24 июля русские войска овладели малыми крепостями Дисной и Друей, которые поляки сдали без боя. Войско литовского гетмана Януша Радзивилла оставило Оршу и отошло на запад. 2 августа город был занят русскими. 20 августа князь Трубецкой настиг войско Радзивилла на речке Шкловке в 15 верстах от города Борисова. Поляки и литовцы были вдребезги разбиты, 282 человека взяты в плен, среди них оказались двенадцать полковников. Трофеями русских стали гетманские знамя и бунчук, а также другие знамена и литавры. Сам Радзивилл, раненный, едва ушел с несколькими своими людьми.

Конный отряд московских дворян под началом Воейкова и казацкий отряд Ивана Золотаренко 20 августа взяли Гомель. А еще через четыре дня без боя сдался Могилев. Воейков отписал Алексею Михайловичу, что православных могилевцев он привел к присяге, а католиков, которые хотят служить царю, приводить к присяге не смеет, потому что они не христиане.

«Жи́ды были побиты в Могилеве, но мещане сложили эту вину на казаков Поклонского. Государь исполнил челобитье могилевцев, чтоб жить им под магдебургским правом, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтоб не выселять их в другие города; дворы их были освобождены от военного постоя, позволено было выбирать из черни шаферов для заведывания приходами и расходами городскими; обещано не допускать ляхов ни в какие должности в городе; казаки не могли жить в Могилеве, разве по делам службы; жи́ды также не допускались в город на житье; школе быть по образцу киевских училищ»^[40].

Подобные же грамоты были даны и другим покоровшимся городам.

29 августа пришла весть от Золотаренко о взятии им Чечерска, Нового Быхова и Пропойска.

10 сентября 1654 г. по требованию населения и гарнизона польские воеводы сдали Смоленск. Алексей Михайлович предложил шляхам и мещанам города выбор — уехать в Речь Посполитую или присягнуть русскому царю.

С декабря 1654 г. по март 1655 г. русские войска заняли всю Белоруссию, а в марте — июле 1655 г. — собственно Литву.

Царь указал воеводам Белоруссии предварительно посылать в город «листы» с предложением сдаваться, и лишь в случае отказа города сдать воеводы имели право начинать штурм. Жители многих городов — Белой, Дорогобужа, Полоцка, Копыси, Невля, Диены, Друи и др. — практически

без сопротивления сдались царским войскам: «добили челом и город здали». Царь Алексей Михайлович особо обращал внимание воевод на гуманное отношение к населению: «А ратным людям приказали б есте накрепко, чтоб они белорусцов крестьянские веры, которые против нас не будут, и их жон, и детей не побивали и в полон не имали, и никакова дурна над ними не делали, и животов их не грабили». Воеводам наказывалось прибирать «белорусцев», которые захотят служить государю: «...и вы о тех белорусцев нашим государевым жалованьем обнадежили и велели их приводить к вере, что им быть под нашею... рукою навеки неотступно, и нам служить, над польскими и над литовскими людьми промышляли, с нашими ратными людьми сопча за один».

Подобные указы царь дал и казакам. Отправляя к русским войскам отряд Ивана Золоторенка, Хмельницкий писал царю: «...тому ж полковнику нежинскому приказали есми, чтоб во всем, по велению твоего царского величества, исправлялся и никакие людям не чинил обиды, идучи с полком твоего царского величества запорожским». Увы, запорожцы плевать хотели на оные указы.

Жесткие царские указы 1654—1667 гг. «сел не жечь» под угрозой смертной казни часто попадают в архиве главного военного ведомства XVII века — Разрядного приказа, в столбцах Московского и Новгородского столов. Так, в одном из дел Новгородского стола о войне за период 1655—1656 гг. имеется такой приказ «начальным людям»: «А как нынешних ратных людей с нынешние службы отпустите и в город пошлете, и вы б нашим ратным и пешим людям сказали и наказ учинили крепкой по смертною казнию, чтоб они, идучи дорогою Курляндские земли и Диноборгского уезду оне не воевали и задору с ними никаких не делали, также от полоцкого, витебского, дисенского и иных уездах, которые под нашею государскою рукою, учинились оберегать, чтоб тех городов уездным всяким людям от ратных людей обид и утеснения никакова не было».

К 10 декабря 1655 г. русская армия завоевала в общей сложности 68 городов, и еще 26 городов (литовских) присоединились к России по договору. Подводя итоги всей кампании 1654 и 1655 гг., царь 30 декабря 1655 г. издал манифест о присоединении Великого княжества Литовского к России и после этого вернулся в Москву.

Но в июле 1655 г. семнадцатитысячная шведская армия вышла из Померании на Познань и Калиш. Король Ян Казимир бросил Варшаву и отошел к Кракову. 6 сентября шведы настигли королевскую армию и разбили ее при Чернове. Варшава и Краков были заняты шведскими войсками. Литовский гетман Януш Радзивилл перешел на сторону

шведского короля Карла X Густава. Кстати, Радзивилл был протестант. На севере Польши держался только город Данциг, да и то из-за поддержки голландской эскадры.

Еще до начала боевых действий Карл X отправил к царю посла Розенлинда с грамотой, где объяснялись причины, побудившие Швецию начать войну, и предлагался военный союз против Речи Посполитой. В июле 1655 г. Розенлинд был принят Алексеем Михайловичем в Смоленске.

Вступление Швеции в войну с точки зрения здравого смысла было большой удачей для Русского государства. Спору нет, русская армия заняла значительные территории Речи Посполитой, но ее военную мощь сокрушить не удалось. Неужели в Москве надеялись, что соседние государства одобряют захват Россией большей части Речи Посполитой? Шведы должны были радоваться выходу русской армии к Риге, а турки — появлению русских на Волыни вблизи вассальной Молдавии? Единственным союзником царя против Польши, Швеции, турецкого султана и крымского хана был Богдан Хмельницкий, преследовавший совсем другие цели, нежели царь, да еще к 1655 г. ставший хроническим алкоголиком.

Поэтому раздел Речи Посполитой, предложенный Карлом X, был идеальным вариантом для России, даже если бы большая часть бывших польских земель досталась шведам. В любом случае России потребовалось не менее 20—40 лет, чтобы переварить даже небольшие территории, побывавшие под властью Речи Посполитой. А вот шведы бы гарантированно подавились польским пирогом, благо, польское панство — еще та публика!

Но молодого Алексея занесло. Он уже считал себя не меньше Александра Македонского. При этом царя жестко опекал пятидесятилетний патриарх Никон. Он-то должен был помнить, как поляки накостыляли Шеину под Смоленском. Но переполненный гордыней патриарх уже видел себя духовным владыкой всей Польши, а вместо того, чтобы одернуть зарвавшегося «тишайшего», буквально подзуживал его на новые захваты.

17 мая 1656 г. под звон московских колоколов царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Русский корпус под началом Петра Потемкина двинулся для занятия берегов Финского залива. На помощь Потемкину был направлен большой отряд донских казаков. При отправке казаков патриарха Никона занесло — он благословил казаков не более не менее, как идти морем к Стокгольму и захватить его.

А между тем в Польше тяжело заболел король Ян Казимир. Ряд

польских магнатов, объединившихся вокруг Винцента Гонсевского (сына гетмана Александра Гонсевского, умершего в 1636 г.), предлагали возвести на польский трон царя Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея Алексеевича. Царь был явно не против такого варианта.

16 сентября 1668 г. король Ян Казимир отрекся от престола и укатил в Париж, где сделался аббатом. Однако сторонники Винцента Гонсевского потерпели поражение, и 19 июня 1660 г. на польский престол был избран Михаил Вишневецкий, сын Иеремии (Ярёмы) Вишневецкого, залившего кровью всю Украину.

Я лишь вкратце показал общий ход войны. А что же творилось в Белоруссии?

С приходом русских вновь появилось белорусское казачество. «Датой рождения белорусского казачества следует считать 22 июля 1654 г., когда православный шляхтич Константин Юрьевич Поклонский вместе со своими спутниками (4 шляхтича и 4 мещанина) и их слугами прибыли к царю. Алексей Михайлович принял его милостиво, пожаловал 40 соболей и 50 рублей, а также чин полковника и разрешение организовать полк, в который набирать “шляхту и всяких служащих людей”»^[41].

Поклонский считал, что в Белоруссии должно быть создано свое самостоятельное белорусское казачество, подчиненное не Хмельницкому, а через него, Поклонского, непосредственно царю.

Первый крупный успех Поклонский имел в городе Чаусы, добровольно перешедшем к русским 6 августа. После присяги Поклонский «тех чаусовцев и сельских крестьян переписав и собрав войска пеших 800 человек». Через несколько дней в его полку уже было около «1000 пеших с бердышами и рогатинами и с пищалями, да конных со сто человек».

После сдачи 24 августа Могилева весь Могилевский уезд был передан Поклонскому. Это значительно подняло авторитет полковника у местного населения и превратило уезд в сферу его влияния.

Командный состав для своего полка комплектовался из шляхты, иногда даже польской. Так, одним из сотников был шляхтич Якобинский, принявший православие.

На основании царской грамоты Поклонскому, данной 28 декабря 1654 г., и других актов полк был организован на казацкий манер. Кроме полковника существовала еще полковая старшина: полковой судья, полковой есаул, полковой знаменосец, полковой священник. Полк делился на сотни.

Полк принимал участие во всех военных операциях. По приказанию царя он был послан под Борисов и Минск с задачей не пропускать польские

войска за Березину, однако был оттеснен оттуда прорвавшимися к Могилеву поляками.

Зимой 1654 г. началось контрнаступление войск Радзивилла, Поклонский стал усиленно добиваться новых пожалований себе и своим командирам. Правительство скупое ответило на эти просьбы, чем вызвало разочарование шляхтичей. Об этом стало известно Радзивиллу, и он начал посылать «прелестные» письма. Правда, позже, в январе 1655 г., когда положение на фронте ухудшилось, царь удовлетворил просьбы Поклонского, но уже было поздно. 3 февраля войска Радзивилла подошли к Могилеву, а в ночь с 5 на 6 февраля Поклонский изменил своему народу и русскому правительству и с частью мещан, шляхты и несколькими казаками своего полка перешел на сторону поляков, чем помог Радзивиллу изнутри овладеть внешней частью Могилева — Большим городом. Защитники Могилева отступили в цитадель, так называемый Малый город, и здесь отражали нападение поляков до 1 мая 1655 г.

Опуская подробности войны русских со шведами и поляками, я лишь скажу, что 21 июня 1661 г. на мызе Кярун (в русских источниках — Кардис) был заключен Кардисский мирный договор, по которому Россия уступала Швеции все свои завоевания в Прибалтике. Граница между Россией и Швецией была установлена по Чудскому озеру и реке Нарове. Россия по-прежнему оставалась отрезанной от Балтийского моря.

28 мая (8 июня) 1666 г. в Андрусово было подписано перемирие. Что же касается мирного договора, то по этому поводу у сторон шли жаркие дебаты. Царь Алексей приказал главе русской делегации окольничему Афанасию Ордын-Нащокину пообещать наиболее неуступчивым польским комиссарам по 20 тысяч рублей. Забавно, что взятка самому польскому королю была в два раза меньше — 10 тысяч рублей.

Деньги были высланы из Москвы немедленно, и 20 (30) января 1667 г. было подписано перемирие сроком на 13 лет и 6 месяцев. В историю это перемирие вошло как Андрусовский мир.

Согласно условиям мира, Польша получала Витебск и Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резицы, Мариенбург и всю Ливонию, а также всю правобережную Украину. К России отходили воеводство Смоленское со всеми уездами и городами, повет Стародубский, воеводство Черниговское и вся Украина с путивльской стороны по Днепр. Причем остававшимся там католикам разрешалось беспрепятственно отправлять свое богослужение у себя в домах, а шляхта, мещане, татары и жиды имели право продать свои имения и уйти на польскую сторону.

Киев с окрестностью в одну милю до 5 апреля 1669 г. оставался у

русских, а затем передавался полякам.

Южная граница России и Польши должна была идти по линии от Днепра (у Киева) на восток до южных границ Путивльского округа, то есть по линии Киев — Прилуки — Ромны — Недригайлов — Белополье и до стыка с нынешней границей России.

Левобережье к югу от этой линии и до современного Запорожья было объявлено территорией запорожских казаков. Сами же запорожские казаки должны были находиться «под послушанием обоих государей» и быть готовыми служить против неприятелей и королевских, и польских. Но оба государя должны были запретить запорожцам, как и вообще всем черкесам, выходить в Черное море и нарушать мир с турками.

На войне как на войне, и московские войска, естественно, грабили и убивали мирное население, но уже вышесказанного хватает, чтобы понять, что вины царских воевод в опустошении Белоруссии в 1648—1667 гг. не более 10%. Ну а все остальное падает на армии Речи Посполитой и Швеции. Само собой, не трудно представить, как весело там погуляло украинское казачество, особенно запорожцы.

Между прочим, то, что в это время происходило в Малороссии, украинские публицисты уже в конце XVII века называли Руиной. Однако даже самые ретивые «оранжевые» историки не рискуют обвинять Алексея Михайловича в «геноциде украинского народа». Дело в том, что на Украине царские воеводы появились в 1655 г. и периодически уходили восвояси на несколько месяцев или даже лет. А творцами Руины были в первую очередь два десятка украинских магнатов. Иной раз по четыре гетмана дрались между собой, призывая на помощь ляхов, крымских татар и турок.

Огромные потери понесла и Белая Русь от «междусобойчиков» тутейшей шляхты. Шляхта толпами присягала на верность государю и целовала крест, ища у царя защиты от своих хлопов и соседей-панов. В дошедшую до наших дней «Крестоприводную книгу шляхты» (список присягнувших русскому государю) занесено 2058 имен должностных лиц и шляхты восточных и западных поветов ВКЛ, целовавших крест и приносивших присягу на верность царю на Святом Евангелии.

Война России с Речью Посполитой не носила этнического характера, в противном случае документы не свидетельствовали бы о столь глубоком расколе в литовском обществе. ВКЛ разделилось на непримиримые лагеря сторонников Яна Казимира, Алексея Михайловича и Карла X.

Так мелкая шляхта во главе с Винцентом Ордой признала великим князем литовским московского царя. Другая группировка, возглавляемая крупными магнатами Янушем и Богуславом Радзивиллами, Гонсевским,

подписала в Кейданах в 1655 г. договор о расторжении унии с Польшей и соединении ВКЛ со Швецией. Наконец, третья «партия» осталась верна королю Яну Казимиру. Белорусская шляхта к 1648 г. полонизировалась и жила «по понятиям» так же, как и польские паны. В 1648—1667 гг. шляхтичи вели войну всех против всех. Иные паны раз по десять переходили с одной стороны на другую. Хорошей иллюстрацией «белорусский руины» служит роман Генриха Сенкевича «Потоп», действия которого происходят именно в ВКЛ.

Но не следует забывать о самой крупной за все XVII столетие эпидемии чумы. Посчитать количество умерших от чумы в период войны крайне сложно — в ходе боевых действий такая статистика не велась. Поэтому для примерной оценки посмотрим, какие потери от чумы были в самой России, в условиях мирного времени. Писцовые и переписные книги отмечают колоссальные потери населения, вызванные этим бедствием. К примеру, в Чудовом, Вознесенском и Ивановском монастырях от эпидемии скончалось от 70% до 87% насельников! В самой Москве количество умерших на «боярских дворах» доходило до 95%. Так, у Б. Морозова умерло 343 человека, осталось 19, а у А.Н. Трубецкого умерло 270, осталось 8.

Что же тогда говорить о Великом княжестве Литовском, где чума прошла сквозь города и поветы волнами с востока на запад и с запада на восток, последствия от которой были ничем не лучше, чем в соседней Московии? Кроме того, эпидемию сопровождал ужасный голод. «Господь Бог допустил в воеводстве Минском, в различных местах и в моем доме огромное количество полевых мышей, так что хлеб, сначала на полях, а потом в копнах, амбарах и гумнах, ужасно портили. За сим попусцием Божиим, тотчас наступил голод, который продолжался до уборки хлеба 1657 года, люди ели кошек, собак, всякую падаль, напоследок резали людей и тела их ели, не давали покоя в гробе человеческим трупам; это все я, ничтожный человек, видел собственными глазами», — писал в те годы шляхтич Ян Цедровский.

На дорогах стояли кордоны, не пропускавшие в города ВКЛ посторонних, чтобы хоть как-то попытаться воспрепятствовать распространению чумы. Но тщетно. Мор в равной степени косил и ратников, и жителей, не разбирая ни национальности, ни вероисповедания. В ВКЛ мор прекратился только в январе 1658 г. Ян Цедровский записал в своей записной книжке: «На силу уничтожилось поветрие, которое началось 1653 г. в октябре, в это время зверь достаточно поживился телами людей». (Подр. см.: Записная книга Яна Цедровского, собственноручно

писанная, памятник исторический XVII века, найденный кзензом Иосифом Малышевиичем, магистром богословия, почетным корреспондентом Императорской Публичной библиотеки // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 23. 1855. С. 13—33)»^{42}.

Правда, сейчас находятся минские «правдолюбцы», утверждающие, что чума была «биологическим оружием» царя Алексея. Ну, тогда можно и Украину обвинить в распространении чумы, ведь в черкасском городе Гадяче, например, в это время были сожжены две женщины, признавшие на пытках в том, что они ведьмы и напустили моровое поветрие.

Царь Алексей освободил от поляков Смоленск и Левобережье Днепра, но Правобережье и Белоруссия остались в составе Речи Посполитой. Дело Тишайшего царя завершила Екатерина Великая. Ну а польская и ополячившаяся тутэйшая шляхта по-прежнему вершили беспредел в Белоруссии.

В 1700 г. началась Великая Северная война, и опять паны в Белоруссии по десять и более раз бегали с одной стороны на другую, заливая кровью многострадальную Белоруссию — начался очередной Потоп.

Глава 6.

Война 1812 года. Была ли она отечественной?

23 ноября 2012 г. в Белорусском Государственном университете прошла международная конференция «Война 1812 года и Беларусь» (термин «Отечественная война 1812 года» отменен), на которой прозвучало, что «война 1812 года не являлась народной», на территории Беларуси не было партизан, русские войска применяли здесь «тактику выжженной земли», белорусы массами воевали за Наполеона, с радостью встречали французскую армию как освободительницу от русской оккупации и т.д. и т.п.

24 ноября, в день переправы французов через Березину, состоялись торжественные мероприятия с возложением венков памятному знаку наполеоновским солдатам. В мероприятиях приняли участие представители МИД Франции, Совета министров и местных властей Беларуси, общественных организаций и почетные гости, включая даже какого-то потомка Наполеона Бонапарта. А тремя неделями ранее, 2 ноября, посол Франции в Минске Мишель Ренери официально заявил, что солдаты Наполеона гибли в России «за мир и идею новой Европы, в которой сегодня мы живем».

Нет, я не шучу!

И это не отдельный эпизод. С 1991 г. раздаются речи профессоров и общественных деятелей о том, что-де Великая армия Наполеона несла идеи свободы, равенства и братства, а «белорусы оказались по разные стороны баррикад».

Подобные высказывания, естественно, заказные. Цель их — помешать дальнейшему сближению Республики Беларусь и РФ. Однако тут есть и историческая подоплека. Как уже говорилось, с конца XVI по середину XVII века князья, бояре и дворяне Малой Руси были полностью ополячены. Ко времени вхождения Белоруссии в состав Российской империи местные дворяне имели мало общего с крестьянством. Разная культура, разный язык, разная вера и т.д.

Для историка ситуация осложняется тем, что польские дворяне, как в этнической Польше, так и в Белоруссии считали народом... только самих себя. Само название Речь Посполитая переводится как «Республика»,

«власть народа». Трудно найти в истории государство, где народ имел бы большую полноту власти, нежели в Речи Посполитой. Но, повторяю, народом были только паны. И столь же трудно найти более бесправных крестьян, чем в Речи Посполитой. В XVIII веке ни в России, ни в Западной Европе дворянин не мог повесить или посадить на кол крестьянина. А в Польше это было в порядке вещей. Русские войска, вступив в Белоруссию и на Правобережье, первым делом спиливали виселицы в панских имениях.

Екатерина II, присоединив Белоруссию и Правобережную Украину, по отношению к польским помещикам (а иных там и не было) повела политику примирения и ассимиляции, надеясь на то, что паны воспримут русскую культуру, возникнут смешанные браки польской и русской аристократии, чему она лично способствовала. Ну а Павел I и Александр I вообще были полонофилами. В итоге власть панов над белорусскими и украинскими крестьянами была сохранена в неприкосновенности. В управленческих структурах низшего и среднего звена преобладали поляки. Начальное, среднее и высшее образование велось в основном на польском языке и польскими преподавателями. Несмотря на воссоединение Белоруссии с Россией, там были законсервированы порядки Речи Посполитой.

Так что белорусов по разные стороны линии огня в 1812 г. не было. Подавляющее число людей — жителей Белоруссии, считавших себя русскими или белорусами, восприняли французов как заклятых врагов. А вот польские дворяне, имевшие поместья в Белоруссии, в подавляющем большинстве были на стороне Наполеона.

Сейчас ряд белорусских историков искусственно записывают в белорусы польских дворян, живших в Белоруссии. Увы, они всегда считали себя природными поляками. Никто из польских дворян ни в 1812-м, ни в 1831-м, ни в 1863 г. никогда и не думал о создании независимого Белорусского государства или хотя бы Белорусской автономии в составе Российской империи. Мечтою польских панов всегда было воссоздание Речи Посполитой в границах 1772 г., а еще лучше — в границах Великого княжества Литовского времен князя Витовта — «от можа до можа».

Посмотрите еще раз фильм «Катынь» Анджея Вайды. Давайте отвлекусь от вопроса, кто и как убил польских офицеров. Интересно другое: почему никто не обратил внимания на то, что две серии действия фильма происходят на территории довоенной Польши по обе стороны от новой советской границы. Там — Вермахт, тут — Красная армия. И везде — страдающие поляки. Надписи везде по-польски. Советский автомобиль с репродуктором ездит по городу и ведет передачу на польском языке. Для

кого? Да там поляков-то и до войны «кот наплакал» было, а сколько разбежалось?

Итак, по Вайде, в Западных Белоруссии и Украине в 1939 г. проживали исключительно поляки. Ни одного белоруса, ни одного украинца. Все эти территории — польские Восточные Кресы. До сих пор подавляющее большинство поляков считают Кресы своими землями, отторгнутыми москалями. Другой вопрос, что польские политики и деятели культуры слово «Сходни Кресы» автоматически забывают при пересечении белорусской, украинской или российской границы.

Мне менее всего хочется изображать русского царя Александра I «белым и пушистым», а Наполеона — «врагом рода человеческого». В 1798 г. Павел I ввязался в войну с революционной Францией, не имея достаточных оснований и даже общей границы с ней. Забегая вперед, скажу, что союзники, в первую очередь Англия и Австрия, с одной стороны, натравливали Россию на Францию, а с другой стороны, делали все, что б лишить русских плодов их побед. В конце концов, Павел I понял это и вступил в союз с Наполеоном, после чего немедленно был убит заговорщиками, подстрекаемыми и финансируемыми британским послом Витвортом.

В 1804—1807 гг. Александр I затеял две войны с Францией, закончившихся страшными поражениями при Аустерлице и Фридланде. Да и в начале 1812 г. царь во многом провоцировал Наполеона — нарушал континентальную блокаду, вмешивался в германские дела и т.д. Надо ли объяснять, что российскому крестьянину, да и помещику не было никакого дела до ганноверского курфюрста и других германских мини-государств. Зато туда лезла свора немцев, заполонившая дворец, министерства и армейские штабы.

И тем не менее Наполеон оказался агрессором. Польские же паны, включая белорусских помещиков, для императора были лишь инструментом проведения своей внешней политики. Сам Наполеон неоднократно выражал презрение как к польским вождям, тому же Костюшко, так и к панству в целом.

Одной из причин блестящих побед Наполеона и его популярности во Франции была самоокупаемость его войн. Уже в ходе Итальянского похода французские части состояли на «самоснабжении». В ходе Итальянского похода Бонапарт и его генералы стали мультимиллионерами, а деньги, награбленные в Италии, сыграли не последнюю роль в перевороте 18 брюмера 1799 г.

Но если в Италии генерал Бонапарт способствовал разрушению

феодализма и насаждал революционные порядки, то в 1812 г. император Наполеон в Белоруссии и в западных губерниях России и не думал проводить какие-либо реформы. Тут ему нужны были деньги, продовольствие, рекруты, лошади и, естественно, женщины, начиная от пани Валевской и кончая маркитантками для французских солдат.

1 июля 1812 г. Наполеон подписал указ о создании ВКЛ в составе Виленского, Гродненского, Минского и Белостокского департаментов.

В Вильно было создано временное правительство ВКЛ. Это был неплохой тактический ход Наполеона. Одним махом он улучшал снабжение Великой армии и пугал Александра I. Однако Наполеон так и не решился восстановить Речь Посполитую в полном объеме. В итоге этническая «Польша дала только 75 000 пехоты и конницы, ВКЛ — 11 000, Минская и Виленская губернии собрали по 3000 рекрутов, Гродненская — 2500, Белостокская область — 1500. Из них было сформировано 9 полков — 4 конных и 6 пехотных»^[43].

Польская шляхта добровольно вступала в ряды французской армии. В рекруты крестьян загоняли насильно. Наполеон ввел в Белоруссии норматив: один рекрут с 25 крестьян, одна лошадь — с 25 душ (крестьяне и мещане). Огромный ущерб экономики белорусских земель нанес массовый вброс французскими войсками фальшивых российских ассигнаций. После войны в течение 5 лет российские власти изъяли 5,6 млн. фальшивых рублей.

«В Минске в 1811 г. насчитывалось 11 200 жителей, а в конце 1812 г. — только 3480. В Витебске в начале 1812 г. было 7800 жителей мужского пола, а в 1813 г. — только 2415. В результате войны почти наполовину сократились поголовье скота и посевные площади»^[44].

Общий убыток Гродненской губернии официально составил более 32 500 тыс. рублей. Погибло более 4 тыс. человек, было уничтожено 650 домов, убыли многие тысячи лошадей, волов, коров, овец, свиней и т.д., движимого имущества забрано войсками на сумму свыше 7 200 тыс. рублей серебром, «податных душ» стало меньше на 37 699 человек.

Ответом населения Белоруссии французам стало массовое партизанское движение. В Белоруссии хорошо известна деревня Жарцы — 22 двора в 16 верстах от Могилева. Там в партизаны ушло все мужское население, включая подростков. Причем с французами воевали не только партизанские отряды, но и просто местные жители, пользовавшиеся любым удобным моментом. Известен случай, как два французских солдата из корпуса маршала Даву отстали от колонны, шедшей к Могилеву. Два

прохожих мужика взялись их проводить. Показали знаками — короче, мол, догнать через лес. Там их и забили насмерть палками.

На белорусской земле действовали и армейские партизаны. Так, отряд партизан Дениса Давыдова в октябре 1812 г. подошел к Гродно. Французы и австрийцы, наслышавшись страшилок о Давыдове, сдали город без боя.

Как говорил классик: «История — не тротуар Невского проспекта». И в ходе французской оккупации происходили самые разные казусы. Так, в ряде мест, в том числе в Могилеве, оккупационные власти ввели в действие французский семейный кодекс. В частности, был разрешен развод и временный брак на 2—3—5 лет.

Уже в июле 1812 г. в Белоруссии появились многочисленные шайки мародеров из Великой армии — французы, немцы, итальянцы и др. В сентябре — октябре их число достигло 50 тысяч! Чаще всего белорусские крестьяне истребляли мародеров, но и нередко были случаи, когда крестьяне объединялись с мародерами и совместно грабили и жгли имения польских помещиков.

В ночь на 12 (24) июня французские войска форсировали Неман. Накануне Наполеон обратился к армии с воззванием: «Воины! Вторая Польская война начинается. Первая кончилась при Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и вечную войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои. Она объявляет, что даст отчет в поведении своем, когда французы возвратятся за Рейн, предав на ея произвол союзников наших. Россия увлекается роком; да совершится судьба ея!»^[45].

Любопытно, что первая стычка с французами произошла 16 (28) июня, то есть спустя четыре дня после форсирования ими Немана, да и то имела место у деревни Девельтово на северном вспомогательном направлении, в 15 км западнее Ковно.

Наиболее известное боестолкновение произошло у деревни Салтановка 11 июля у дороги Могилев — Быхов.

В то время как 1-я армия находилась в лагере под Дриссой, 2-я армия, после попыток прорваться к Минску, 26 июня сосредоточилась в Несвиже. Багратион, убедившись, что значительные силы Наполеона уже захватили Минск и развивают наступление в направлении Орши и Могилева, принял решение опередить противника выходом через Бобруйск в Могилев. Однако, когда войска 2-й армии 10 июля сосредоточились в районе Старый Быхов — Дашковка, обнаружилось, что французские войска (до 60 тыс. человек) под командованием Даву двумя днями раньше захватили Могилев.

Из Могилева навстречу русским Даву выслал 28-тысячный отряд при

56 орудиях, который занял выгодную для обороны позицию на рубеже Фатово — Салтановка. С фронта позиция прикрывалась глубоким, с заболоченной поймой, ручьем. Левый фланг французов примыкал к Днепру, а правый упирался в густой лес, что в значительной мере затрудняло обходной маневр.

В деревянных домах Салтановки и Фатова были установлены бойницы для стрелков. Артиллерия французов располагалась на высотах небольшими батареями (4—8 орудий), прикрывая своим огнем главным образом дороги, ведущие к Могилеву. В сочетании с заграждениями в виде лесных завалов огонь артиллерии противника делал позицию весьма прочной.

Не имея сведений о группировке и силах французских войск, Багратион решил атаковать их и занять Могилев. Для этой цели был выделен отряд под командованием генерала Раевского в составе 7-го пехотного корпуса, четырех кавалерийских и трех казачьих полков общей численностью 11 тыс. человек пехоты и 4 тыс. человек конницы. Артиллерия отряда состояла из двух артиллерийских бригад, на вооружении которых находилось 72 орудия. Следовательно, если противник на позиции под Салтановкой имел почти двойное превосходство по пехоте и коннице, то в отношении артиллерии перевес был на стороне русских войск.

Утром 11 июля русские войска подошли к Салтановке. Раевский решил главный удар нанести в направлении Салтановки силами 12-й пехотной дивизии и вспомогательный — 26-й пехотной дивизией в обход правого фланга противника — на Фатово. Для поддержки атаки две артиллерийские роты заняли позиции на опушке леса перед Салтановкой, оборудовав здесь две 12-орудийные батареи. Удаление артиллерийских батарей от расположения пехоты и французской артиллерии составляло 300—350 м, что давало возможность вести прицельный огонь не только ядрами и гранатами, но и картечью.

Передовые части 26-й дивизии при подходе к Фатову сбили охранение французов и отбросили его за ручей. Часть артиллерии заняла позиции на высоте 400 м южнее Фатова. Когда главные силы дивизии были еще на подходе, французы попытались обойти русские войска справа. Командир дивизии генерал Паскевич выдвинул на правый фланг своей дивизии 4 орудия. Отходившие русские войска навели французов на эту батарею, и она с дистанции 200 м внезапно открыла беглый картечный огонь по их плотным колоннам. Ряды французов смешались. Этим воспользовалась пехота, которая отбросила противника к Фатову.

После отражения атаки для прикрытия правого фланга дивизии была установлена 12-орудийная батарея. Теперь на высоте южнее Фатова уже находилось три батареи на 20 орудий. Остальные 16 орудий артиллерийской бригады были сосредоточены в качестве артиллерийского резерва южнее Салтановки. Вскоре артиллерийская батарея, установленная на удалении 400 м от противника, открыла огонь по боевым порядкам французской пехоты и артиллерии. Стрельба велась гранатами и картечью с наиболее выгодного для действия этими видами снарядов расстояния. Сосредоточенный огонь велся сначала по одной части войск, а затем переносился на другие. Действия русской артиллерии были настолько эффективными, что противник вынужден был отвести пехоту из зоны картечного огня и усилить свою артиллерию. С обеих сторон велся интенсивный артиллерийский огонь.

Тем временем Раевский приказал атаковать противника силами 12-й дивизии в направлении Салтановки. Однако атака укрепленной позиции, занятой превосходящими силами французов, не увенчалась успехом. Багратион, прибыв в район Салтановки и убедившись в превосходстве сил противника, приказал под прикрытием огня артиллерии и отрядов конницы отойти к Дашковке. Одновременно было отдано распоряжение о наведении моста через Днепр в районе Нового Быхова для переправы армии и следования через Мстиславль к Смоленску в обход Могилева.

При выходе из боя отличились артиллеристы 26-й дивизии, которая совершала отход в более сложных условиях.

Во второй половине дня резервные кавалерийские полки и пехотные батальоны 26-й дивизии заняли оборону на северной опушке рожи в 1 км от Фатова. Батареи 3, 4 и 5 были сведены в одну 20-орудийную батарею, установленную у дороги в 500 м от деревни. Как только эта батарея открыла интенсивный огонь по батареям и живой силе противника, части дивизии начали отход. Когда все полки отошли на поляну в 2 км от Фатова, а с батареей остались только два пехотных батальона, начала перемещаться артиллерия, снимаясь по два орудия с каждого фланга батареи. Первые два орудия заняли огневую позицию вместе с резервными подразделениями. Остальные, вместе с последними двумя батальонами, под прикрытием резерва пехоты и этих двух орудий отошли на новую позицию батареи в район основных сил дивизии.

Только теперь противник разгадал маневр русских войск и предпринял атаку, которая, однако, была отбита резервными подразделениями и картечным огнем оставшихся с ними двух орудий.

В дальнейшем наступающие неоднократно пытались разгромить

русскую дивизию, но каждый раз их атаки отражались артиллерией, последовательно по рубежам прикрывавшей ее отходившие части.

Не менее успешно был осуществлен отход и 12-й дивизии, которую прикрывали своим огнем две 12-орудийные батареи.

Бой под Салтановкой имел большое значение для русской армии. Две дивизии сковали здесь значительные силы противника и тем самым обеспечили переправу главных сил 2-й армии через Днепр и их последующий выход к Смоленску. В решении этой задачи важную роль сыграла артиллерия.

В то время, когда происходил бой под Салтановкой, войска 1-й армии сосредоточились в Витебске. Чтобы выиграть время, необходимое для соединения со 2-й армией, навстречу французским войскам в направлении Бешенковичи был выслан отряд под командованием генерала Остермана-Толстого в составе двух пехотных дивизий и пяти кавалерийских полков общей численностью 14 тыс. человек при 66 орудиях (одна батарейная, три легких и полторы конных роты).

Авангард французов, двигавшийся к Витебску, состоял из двух кавалерийских корпусов и одной пехотной дивизии; всего до 25 тыс. человек при 80 орудиях.

Утром 13 июля, после короткой стычки передовых разъездов, в 1,5—2 км восточнее Островно развернулись в боевой порядок основные силы противника. Русские артиллеристы установили орудия впереди первой линии своей пехоты в 500—100 м от противника, разместив по 10—12 орудий на каждой батарее, в то время как противник поставил двух-трехорудийные батареи. Преимущество расположения русских батарей не замедлило сказаться в ходе боевых действий.

В ходе двухдневных напряженных боев артиллерия отряда успешно выполнила свою задачу по подавлению артиллерии противника, отразила все атаки превосходящих сил его пехоты и конницы, задержала продвижение французских войск к Витебску на 2 дня и обеспечила вместе с пехотой отход главных сил 1-й армии к Смоленску.

О напряженности боев и интенсивности стрельбы русской артиллерии свидетельствует относительно большой расход снарядов. Так, за день боя 2-я батарейная рота израсходовала 286, 3-я легкая рота — 483, 4-я легкая рота — 546, а полурота 5-й конной роты — 668 снарядов, что составляет в среднем 47 снарядов на орудие.

Таким образом, в результате усилий арьергардов 1-й и 2-й армий, поддержанных хорошо организованным огнем артиллерии, французские войска были задержаны на несколько дней. Это позволило главным силам

русских армий 20— 22 июля соединиться в Смоленске.

После трехдневного сражения у Клястиц с 18 (30) июля по 20 июля (1 августа) корпус Витгенштейна расположился у Расицы. В это время Наполеон приказал генералу Сен-Сиру, находившемуся с 6-м (Баварским) корпусом у Бешенковичей, немедленно направиться к Полоцку на помощь 2-му корпусу. Следует заметить, что Баварский корпус, насчитывавший в своих рядах при переходе через Неман более 25 тыс. человек, в течение пяти недель, ни разу не вступая в бой, уменьшился до 13 тыс. человек. В таком плачевном положении находились баварские войска, когда 23 июля (4 августа) Сен-Сир получил повеление Наполеона немедленно выступить к Полоцку.

4(16) августа корпус Удино, усиленный корпусом Сен-Сира, занял позицию впереди Полоцка на открытой местности, разделенную рекой Полотой, протекавшей в глубоком овраге. В центре, на правом берегу реки, располагалась мыза Спас, прикрытая болотистая оврагом. В тылу протекала Двина с переправой у Полоцка, составлявшего с его старыми укреплениями непосредственное прикрытие мостов. На левом фланге боевого порядка французов располагалась дивизия Леграна с частью кавалерии Корбино. Остальная часть кавалерии Корбино была придана 6-му (Баварскому) корпусу, ставшему на правом фланге, за рекой Полотой, на которой навели два моста. Остальные войска противника, более 10 тыс. человек, были выведены за Двину.

Витгенштейн хотел уклониться от решительных действий, рассчитывая демонстрацией заставить французов отступить за Двину. С этой целью он навел мосты: на Двине в 4-х верстах выше Полоцка и на Полоте немного выше города. Войска же развернулись между Двиной и Полотой.

Витгенштейн приказал начальнику артиллерии князю Яшвилю принять командование над отрядом из 7 тыс. человек. Между тем сам Витгенштейн, выведя главные силы своего корпуса из леса, выстраивал их к бою на пространстве между Двиной и Полотой для поддержания авангардов. Правое крыло первой линии, простиравшееся вправо за дрисскую дорогу, а влево до пути, ведущего из Себежа, состояло из шести егерских батальонов и лейб-драгунского запасного эскадрона с шестью орудиями 28-й батареейной артиллерийской роты.

В центре, между себежской дорогой и мызой Присменицей, находились 8 пехотных батальонов и лейб-гвардейский запасной эскадрон с 33 орудиями 1-й конной, 5-й батареейной и 9-й легкой артиллерийских рот. А на левом крыле, от Присменицы до реки Полоты, 4 пехотных батальона с

шестью орудиями 28-й батареей 12 орудиями 26-й легкой роты, и авангард Властова (24-й егерский полк, два сводных гренадерских батальона, 4 эскадрона Гродненского гусарского полка и лейб-уланский запасной эскадрон). Вторая линия под начальством генерала Сазонова состояла из 9 пехотных батальонов, почти всей кавалерии и 42 орудий (3-й конной, 14-й и 28-й батарейных и 10-й легких рот). В резерве (под начальством генерала Каховского) у Ропна стояли 9 запасных и сводных гренадерских батальонов с частью Ямбургского и Рижского драгунских полков.

В 7 часов утра 5(17) августа князь Яшвиль начал движение на мызу Спас. Ему удалось отбросить французов за овраг, но он не мог развить достигнутый успех, так как Удино перевел баварскую дивизию Вреде на правый берег Полоты, а батареи, стоявшие на ее левом берегу, взяли атакующих во фланг. Заметив это, Витгенштейн поддержал свой левый фланг войсками дивизии Берга, — Севским, Калужским и одним сводным пехотными полками с шестью орудиями, переведя их из центра, куда поместил войска 2-й линии. Удино быстро воспользовался ослаблением русского центра и дважды атаковал его, но безуспешно. Также нерешительны были и действия Берга на левом фланге, где удалось отстоять овраг от атак баварцев, но овладеть мызой Спас русские так и не смогли.

К концу дня 5 августа сражения у Полоцка ни одной из сторон не удалось добиться победы.

В 4 часа утра 6(18) августа дивизия генерала Валентина переправилась через Двину вслед за дивизией Мерля, которая расположилась на левом крыле армии. Легран и за ним на некотором расстоянии Валентин со своими дивизиями двинулись вправо вверх по долине реки Полоты, укрываясь за высотами, не позволявшими заметить это фланговое движение с русских позиций. Французы расположились следующим образом: генерал Легран — правым флангом к мызе Спас, а Валентин — левее его. Кавалерия построилась в промежутке между дивизиями Валентина и Мерля. Наконец, обе дивизии 6-го корпуса в ожидании сигнала атаки были крыты в долине Полоты за мызой Спас. Следствием этих распоряжений Сен-Сира стало то, что русские обратили все свое внимание исключительно на движение колонны за Двиной по дороге в Улу, не заметив сосредоточения неприятельских сил в долине Полоты.

Ровно в 4 часа утра все баварские и ближайшие к ним французские батареи открыли огонь по русским войскам, расположенным у мызы Присменицы, в которой находилась главная квартира графа Витгенштейна.

Внезапно раздалась канонада более 60 неприятельских орудий, и одно из ядер попало в комнату, где в это время обедал Витгенштейн со своим штабом. Под громом батарей, разразившимся над войсками русского левого крыла и центра, вражеские колонны быстро двинулись в атаку. Дивизия Вреде, обойдя справа мызу Спас, устремилась к левому флангу позиции русских. Дивизии Деруа и Леграна наступали к Присменице, а войска Валентина атаковали центр русских. В первую минуту совершенно неожиданного нападения русские войска были приведены в расстройство, но вскоре офицеры вернули их в порядок.

Русская артиллерия (6 орудий 28-й батарейной роты, 9-я легкая рота и 6 орудий 5-й батарейной роты), быстро открыв огонь, остановила первый порыв противника. Полки 5-й дивизии Берга и запасные батальоны с тремя эскадронами Гродненских гусар кинулись навстречу наступавшим колоннам противника и заставили их отступить, причем генерал Казачковский был ранен пулей в ногу.

Однако Сен-Сир приказал возобновить канонаду и усилил ее огнем батарей, поставленных на левой стороне реки Полоты, а затем снова начал атаку.

Затем Сен-Сир начал наступление в центре русской позиции. Дивизии Леграна и Валентина устремились против русских батарей (9-й легкой, 28-й и 5-й батарейных рот) и оттеснили их прикрытие, но храбрые артиллеристы, отбиваясь тесаками и банниками, успели спасти свои орудия, за исключением семи пушек (пяти 9-й и двух 28-й рот). У этих орудий были повреждены лафеты и потеряны почти все их запряжные лошади. Пушки стали трофеями генерала Леграна, а командир 9-й легкой роты штабс-капитан Перрен был ранен пулей в ногу.

Генерал Гамен с Тульским и Эстляндским полками и с батальонами Навагинского и 11-го егерского полка, поддерживаемый одним из батальонов Тенгинского полка, кинулся в штыки на колонны, наступавшие против центра русских, и оттеснил их со значительным уроном. В то же время полковник Протасов с двумя гренадерскими эскадронами сводного кирасирского полка (Кавалергардов и Конной гвардии) провел несколько удачных атак и опрокинул одну из бригад дивизии Леграна, но был удержан генералом Мезоном (будущим маршалом Франции) с 29-м легким полком.

Генерал Гамен, атакованный несколько раз подряд превосходящими силами, успешно отразил все атаки и оставался при своих войсках, невзирая на полученные им две сильные контузии. Генерал Сазонов, командовавший второй линией, отрядил к нему в помощь другой батальон

Навагинского полка под командованием полковника Гарпе, который, ударяя в штыки на ближайшую из французских колонн, обратил ее в бегство.

Однако, несмотря на эти частные успехи, противник, выдвинув сильную артиллерию, начал общее наступление против центра и левого крыла русских войск. Дивизии Леграна и Валентина оттеснили центр и ближайшую к нему часть правого крыла в большой лес позади позиции русских. Баварцы заставили отступить 5-ю дивизию Берга к Ромну, а войска Властова — по невеликой дороге.

Между тем на правом фланге русским удалось добиться серьезных успехов. Командовавший русской кавалерией генерал Балк, заметив движение вражеской колонны влево, выслал для прикрытия центра русских с правого фланга два лейб-кирасирских эскадрона сводного полка под начальством полковника Ершова, с двумя слабыми эскадронами Гродненских гусар и Рижских драгун. Кавалеристы, заехав по три направо, кинулись наперерез неприятельской колонне, состоявшей из конных егерей, выстроились во фронт и врубились в легкую бригаду генерала Кобрино.

Пораженные безотчетным страхом, французские конные егеря были опрокинуты на баварскую батарею. Артиллеристы, не смея открыть огонь по мчавшейся на них кавалерии обеих сторон, были изрублены русскими кирасирами. Поручики Виламович и князь Шаховской, корнеты Велецкий и Окунев первыми вскочили на батарею. Здесь русские войска захватили 15 орудий, но увезли из них только два, вместе с пленным батарейным командиром. Прочие же орудия из-за нехватки времени были оставлены на месте, но лафеты их изрубили.

Сам Сен-Сир, не могший из-за полученной им раны ездить верхом, в суматохе был выброшен из одноколки, на которой он разъезжал по полю боя, и едва не попал в плен к русским кирасирам.

А тем временем 4-й полк французских кирасир было кинулся на выручку захваченной батареи, но встреченный лейб-кирасирским эскадроном под командованием майора Себеки, был опрокинут и преследован по улицам предместья.

Французские войска отступали «в сильном беспорядке и замешательстве». Пехота, артиллерия и обозы кинулись на мост, где столпились так, что несколько повозок полетело в воду. И лишь прибытие баварских резервов и особенности местности, неудобной для действий кавалерии, остановили порыв храбрых русских гренадеров.

Другой эскадрон сводного кирасирского полка, кинувшийся вслед за уходившими французскими орудиями, вдоль кладбища, был задержан огнем пехоты, засевшей за оградой. Не менее отважно атаковал противника

эскадрон Гродненских гусар под начальством ротмистра Дядкова, потерявший в этом бою всех своих офицеров.

Между тем напротив оконечности правого крыла русских войск, где были расположены два батальона 23-го егерского полка, три эскадрона Гродненских гусар и 1-я конная рота, противник выставил бригаду генерала Амея (дивизии Мерля) в составе семи батальонов и 12 конноегерских эскадронов бригады Кастекса, с их артиллерией. Такое огромное превосходство в силах дало неприятелю возможность оттеснить русских егерей.

Но успех этот был недолог. Подполковник Сухозанет с 1-й конной ротой вынесся вперед по дисненской дороге, остановил неприятеля и, расстроив его огнем своих орудий, способствовал ротмистру Кемпферту с двумя эскадронами Гродненских гусар решительно атаковать кавалерию Кастекса. Эта блистательная атака не только остановила наступление пехоты Мерля, но и заставила остановиться находившуюся правее кирасирскую дивизию Думарка, облегчила атаки сводного кирасирского полка и не позволила неприятелю настойчиво преследовать войска центра русских.

Когда же Сен-Сир восстановил порядок в своей кавалерии, тогда дивизия Думарка была послана вместе с пехотой боевых линий для преследования отступавших войск графа Витгенштейна, а швейцарская пехотная бригада Кандраса (дивизии Мерля) была выдвинута из резерва для поддержания четырех батальонов, вступивших в лес по дороге к Белому. Но эта пехота, столь же изнуренная, как и все прочие неприятельские войска, легла на землю у входа в лес и не могла двигаться далее.

Войска Берга и Гамена отступили к Ропну под прикрытием арьергарда Гельфреха, который расположился на ночь у входа в лес между Присменцей и Ропном. Отряд полковника Властова остался на месте, занятом им у опушки леса близ Невельской дороги.

Потери русских войск в сражениях при Полоцке 5 (17) и 6 (18) августа составили около 5500 человек, в числе которых были генералы: Берг, Казачковский и Гамен. Противник, по официальным сведениям, потерял 5 августа до 1000 человек, а 6 августа — 2000 человек. В действительности же эти цифры были в два раза больше, потому что на смотре, сделанном Сен-Сиром через несколько дней, число войск в обоих корпусах не превышало 29 020 человек. В числе раненых были дивизионные генералы: Деруа (вскоре умерший), Валентин, Раглович и бригадный генерал Виченти.

Несмотря на неполный успех, одержанный Сен-Сиром, Наполеон,

довольный сражением при Полоцке, с разрешения австрийского императора произвел его в маршалы.

Важную роль в войне на белорусской земле сыграла Бобруйская крепость. Строительство крепости Бобруйск началось в 1810 г. по проекту и под руководством инженера Оппермана. Он лично провел рекогносцировку местности и убедил начальство, что крепость надо строить именно на судоходной реке Березине, недалеко от судоходной же части реки Немана вместо планировавшего ранее предполагавшейся строительства крепости у Рогачева на Днепре.

Крепость Бобруйск должна была стать опорным пунктом в Полесье и плацдармом для сбора войск в случае войны России на западе. По проекту Оппермана крепость должна располагаться на правом берегу Березины при устье речки Бобруйки. На другой стороне Бобруйки планировалось возвести передовое — «нагорное» — укрепление, а на левом берегу построить тет-депон^[31].

Уже через два года, к началу Отечественной войны, Бобруйск представлял собой солидную долговременную преграду, основательно подготовленную на случай осады и особенно против атаки открытой силой. Крепость состояла из бастионных фронтов с рavelинами. В рavelинах и бастионах имелись каменные блокгаузы и земляные траверсы, установлены палисады у эскарпов и штурмфалы^[32] по наружным крутостям брустверов.

В июле 1812 г. французская кавалерия появилась вблизи Бобруйской крепости. К этому времени на верках крепости было установлено 330 орудий, сделан запас боевых припасов на год и продовольственных на 6 месяцев на 8 тысяч человек. Для 18 батальонов были устроены бараки и землянки, а для пороха — блиндированные помещения.

Войска Бобруйской крепости были подчинены временному военному губернатору генерал-майору Игнатьеву.

Французы обложили Бобруйск и держали его в блокаде с июля до ноября 1812 г.

Гарнизон крепости численностью всего около 7 тыс. человек был слишком мал и мог быть достаточен лишь против внезапной атаки или блокады с учетом того, что в 80 верстах в Мозыре стоял русский 2-й резервный корпус генерала Эртеля.

Для наблюдения за крепостью и этим корпусом сначала на Березине находился французский кавалерийский корпус

Латур-Мобура, который по занятии Смоленска был заменен польской дивизией генерала Домбровского с добавлением ему кавалерии (15

батальонов и 12 эскадронов).

В результате у Яна Домбровского было на 12 тысяч штыков и сабель всего 22 орудия. Тем не менее храбрый генерал со свитой 29 августа подъехал на несколько десятков метров к стенам крепости. Русские выпустили несколько гранат, одна из которых сбила шляпу с Домбровского. Поляки смекнули, что 22 полевых орудий против 330 крепостных пушек, пожалуй, маловато. Посему Домбровский отписал Наполеону: «Не желая компрометировать интересы императора, штурмовать не решаюсь».

Таким образом, крепость Бобруйск полностью выполнила свое назначение, ограничив с юга продвижение Великой армии.

Второй русской крепостью, строительство которой началось в 1810 г., был Динабург (с 1893 г. — Двинск, в настоящее время Даугавпилс).

К весне 1812 г. на левом берегу Западной Двины были готовы мостовые укрепления нулевого профиля. Они состояли из двух бастионов и двух полубастионов, в которых было установлено 16 орудий. В главной же части крепости по генеральному плану, как указывал в своем донесении от 12 марта 1812 г. главный строитель крепости генерал-майор Гекель, было «произведено менее половины тех обширнейших работ, которые к окончанию оной нужны, и что потому при всевозможном усилении работ не предвидится возможности привести оное в нынешнем году в оборонительное состояние»^[46].

Но, несмотря на то что предмостное укрепление было чисто земляным, а в основной части крепости только в некоторых местах успели насыпать основание главного вала, 14 июля 1811г. Динабург был объявлен крепостью первого класса.

Сосредоточив основные силы Великой армии на московском направлении, Наполеон, чтобы обезопасить себя от удара во фланг со стороны Петербурга и самому угрожать правому крылу русских, послал 10-й корпус маршала Макдональда в направлении Риги и 2-й корпус маршала Удино в направлении Вилькомира (Укмерге) — Динабурга.

Отход 1-й Западной армии к Дриссенскому укреплению открыл французам путь к не готовой к обороне Динабургской крепости. Гарнизон крепости в это время насчитывал около 2,5 тыс. человек, так как большая часть воинских частей была отправлена в другие места. На вооружении крепости имелось не более 80 пушек и мортир. Комендантом крепости в это время был генерал-майор Уланов.

19 июня командующий 1-й армией Барклай-де-Толли направил в Динабург полковника артиллерии Тишина с поручением перевезти из Динабурга в Новгород большие запасы продовольствия, пороха, казенного

имущества, а для Динабургского гарнизона оставить только то, что необходимо для обороны.

23 июня в Динабург прибыл сводный гусарский полк, составленный из запасных эскадронов Изюмского и Елизаветградского полков. Этот отряд насчитывал 2 штабс-офицеров, 14 обер-офицеров, 12 музыкантов и 428 рядовых. Командовал отрядом майор Бедряга. 29 июня в Динабург было направлено еще четыре батальона из резервного корпуса, подразделение кавалерии и полсотни казаков.

К 30 июня передовые отряды французов были уже в 2—3 верстах от Динабурга. Навстречу им отправились три эскадрона гусар. В ходе стычки гусары захватили 12 пленных.

В 4 часа дня 1 июля корпус маршала Удино в составе трех пехотных (32 тыс. чел.) и одной кавалерийской дивизий (2,4 тыс. чел.) пошел к предмостному укреплению и начал атаку. Бой продолжался более 4 часов, однако огнем крепостной артиллерии удалось атаку отбить. 2 и 3 июля французские войска пытались штурмовать крепость, но безуспешно. Поняв, что без применения мощной осадной артиллерии овладеть Динабургом нереально, маршал Удино двинулся вдоль левого берега вверх по Двине.

Барклай-де-Толли в своем рапорте Александру I писал, оценивая действия Динабургского гарнизона: «Храбрый гарнизон». Его стойкость и победа были неожиданностью и для военного министра России. Барклай писал генерал-майору князю Яшвилю: «Я никогда не полагал, что Динабургское мостовое укрепление можно было защищать против превосходных сил неприятельских долгое время». Многие офицеры получили награды, всему гарнизону было объявлено «Высочайшее благоволение» императора Александра I.

Увы, русские военачальники были горазды кричать о победе под Динабургом, но сами не знали, что делать далее с крепостью. Так, командир 1-го отдельного пехотного корпуса граф Витгенштейн предлагал оставить Динабург, а его начальник артиллерии генерал-майор Яшвиль издал приказ сжечь деревянные постройки в крепости.

Ну а посланный Барклаем вывезти ненужное имущество из крепости полковник Тишин «проявил инициативу» — вывез из Динабурга легкие крепостные орудия, а часть тяжелых затопил, а затем приступил к вывозу пороха. Куда смотрел комендант крепости, не ясно, а, может, Тишина просто «подставили» задним числом? Теперь нам этого никогда не узнать.

А генерал-майор Яшвиль приказал генерал-майору Уланову разрушить укрепления и отвести войска. Деревянные строения в мостовом

укреплении были сожжены, все орудия были затоплены, за исключением 20 орудий, из которых 6 были оставлены при батальонах, а остальные отправлены в Псков.

20 июля дивизия генерала Риккардо из корпуса Макдональда заняла Динабургскую крепость и город.

Французские войска срыли до основания укрепления Динабурга, а затем оставили там небольшой гарнизон, покинувший остатки крепости лишь в декабре 1812 г.

Итак, война 1812 года не была борьбой за освобождение белорусского народа. Наполеон и не собирался нести свободу и демократию, а наоборот, старался расстрелами и виселицами заставить крестьян трудиться на польских помещиков и оккупационную армию.

Большинство польских помещиков с энтузиазмом вступили в Великую армию и бесславно сложили свои головы на просторах России.

А что касается простых белорусов, то около 220 тысяч уроженцев белорусских губерний служило и сражалось в русской армии против французов. Только гродненцев, то есть уроженцев лишь одной, самой западной из нынешних областей Беларуси, среди них было в десятки раз больше, чем дворян и мещан, сотрудничавших с оккупантами. Белорусы входили в состав по меньшей мере 15 дивизий. Это только пехотных.

Отвлекающую операцию для защиты переправы через Днепр (знаменитый бой под Салтановкой — две русских против пяти французских дивизий), фактически спасшую 2-ю русскую армию под командованием П.И. Багратиона, обеспечивал арьергард из корпуса генерала Н.Н. Раевского, 12-я и 26-я дивизии которого были укомплектованы гродненцами. Эти же две дивизии участвовали в обороне Смоленска, так же как и сменившие их 7-я и 24-я дивизии, где были гродненские рекруты. В Бородинской битве они сражались на батарее Раевского и Семеновских флешах в составе девяти дивизий.

В Смоленской губернии после ухода французов русские помещики и чиновники были жестоко наказаны за сотрудничество с оккупантами. Да и на Украине, и в Белоруссии русские генералы поначалу стали конфисковывать имения польских шляхтичей, служивших Наполеону. Не буду лукавить, делалось это как из патриотических побуждений, так и чтобы прикрыть конфискации имущества панов в виде драгоценностей, лошадей, карет, мебели и т.п. В ряде мест имели место случаи передачи конфискованных имений русским генералам и офицерам. Однако уже 12 декабря 1812 г. Александр I в Вильно подписал «Условную амнистию» русскоподданным панам, служившим Наполеону.

Почему амнистия была условной? Полякам давалось два месяца, чтобы покинуть наполеоновскую армию и покаяться, после чего наступала конфискация имущества.

Увы, царь позже пошел еще дальше. 30 августа 1814 г. был провозглашен императорский манифест об общей амнистии — «даровано всем самовольно отлучившимся за границу прощение и повелено взятые у них под секвестр имущества возвратить».

Таким образом, десятки тысяч украинских и белорусских ополченцев и партизан стали рабами тех, от которых они защищали свою общую Родину и Веру. За это одно Александр I «Благословенный» должен считаться историками врагом украинского, белорусского и русского народов.

Глава 7.

Революция и Гражданская война в Белоруссии

В Белоруссии в XIX веке рост националистических настроений был мало заметен. В среде интеллигенции в конце века имели место четыре течения. Сторонники первого — «западнорусисты» — считали белорусов частью русского народа.

Второе движение — «Белорусское общество» — занимало промежуточную позицию. Целью его провозглашалось объединение всех представителей белорусской народности без различия сословий, званий и вероисповедания на единой национально-культурной платформе. Белорусы признавались самостоятельной народностью, однако их родным языком объявлялся «язык Пушкина и Гоголя», а свой родной им предлагалось «оставить истории».

В 1902 г. молодежь из культурно-просветительских кружков сформировала «Белорусскую социалистическую громаду» (БСГ). При этом прилагательное «социалистическая» в название партии было введено в чисто пропагандистских целях. Это была партия классических националистов. Формально она выступала за автономию Белоруссии в составе России, но с самого начала имела в виду полное отделение.

Наконец, четвертое движение — сторонники вхождения Белоруссии в Польское государство, хотя и на федеральных началах.

Общим для первых трех движений была крайняя узость социальной базы. Н.А. Зенькович, бывший «кэгэбэшник», сменивший в 1991 г. коммунистическую идеологию на национализм, писал: «Городская интеллигенция... в Белоруссии была либо польской, либо еврейской. Да и сами белорусские города за время пребывания то в составе Речи Посполитой, то России потеряли свой белорусский характер»^[47].

Естественно, царское правительство не воспринимало всерьез кучку интеллигентов, считавших себя «выразителями чаяний белорусского народа». Поэтому при выборе земств на территории Белоруссии православных белорусов включили в русскую, а белорусов-католиков — в польскую курии. В результате земские органы в Могилеве, Витебской и Минской губерниях, избранные в 1911 г., состояли преимущественно из

местных уроженцев, считавших себя русскими или поляками. Это же повторилось и при выборах в IV Государственную думу в 1912 г., в результате которых никто из левых депутатов от белорусских националистов в Думу избран не был.

Замечу, что царское правительство, по крайней мере, после 1905 г. не препятствовало распространению националистических изданий в Белоруссии. Так, в 1906 г. только в Вильно издавалось 11 польских газет и журналов, в 1910 г. — уже 18, а в 1914 г. — 28 периодических изданий.

Любопытно, что в польских изданиях утверждалось, что движение белорусских националистов инспирировано русским правительством.

Сразу же после Февральской революции в Петрограде несколько белорусских националистов объявили себя Белорусским национальным комитетом. Главой его стал крупный помещик Р. Скирмунт.

25—27 марта 1917 г. в Минске прошел «национальный съезд». На нем присутствовали около 150 делегатов, в основном от БСГ, католической демократической партии и Народной демократической партии. Как и аналогичные съезды на других окраинах бывшей империи, съезд не представлял никого, кроме нескольких сот, в крайнем случае, тысяч партийных функционеров. Разумеется, и большевики не проводили демократических избирательных кампаний, но на их съезды делегаты выбирались прямым голосованием рабочих больших заводов, личного состава полков, дивизий, кораблей и флотилий.

Делегаты съезда видели будущее Российского государства «в федеративной демократической республике, в которой отдельные национальности будут иметь свои национальные парламенты для решения всех местных потребностей края». Беларусь должна была получить в обновленной России статус автономной государственно-территориальной единицы с включением в нее Минской, Могилевской, Гродненской, Витебской губерний, большей части Виленской губернии, а также некоторых уездов Смоленской и Черниговской губерний.

Делегаты приняли постановление о создании в Минске Белорусской краевой рады, а до ее выборов съезд объявил себя «высшей краевой институцией», исполнительным органом которой стал Белорусский национальный комитет в составе 18 человек во главе с тем же Скирмунтом.

Съезд попытался организовать переговоры с Временным правительством в Петрограде, целью которых было признание Белорусского национального комитета в качестве высшего органа государственной власти в Белоруссии. Но председатель Временного правительства князь Львов демонстративно не принял белорусскую

делегацию. Также поступил и министр юстиции Керенский.

В свою очередь, буржуазные сторонники единства с Россией стали создавать свои организации. Так, в Гомеле появился «Союз белорусской демократии», в Могилеве — «Белорусский национальный комитет», в Витебске — «Союз белорусского народа», и др. Все эти организации выступали за «слияние белорусов, великороссов и малороссов в одну мощную и несломимую народность русскую», а решения Белорусского национального комитета считали вредными для народа. Против этого комитета высказались также Минский комитет Всероссийского крестьянского союза и исполком Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний.

Как и повсеместно в России, в Белоруссии в марте 1917 г. были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов, где ведущую роль играли большевики.

После перехода власти в Петрограде к большевикам в Минске образовалось двоевластие — пробольшевистский Минский совет и «Комитет спасения революции» во главе с меньшевиком Т.М. Колотухиным. Комитет не признал советской власти и выступил за сохранение Временного правительства, необходимость выборов в Учредительное собрание и его созыва. Комитет этот получил поддержку Кавказской дивизии.

В свою очередь большевики обратились за помощью к частям 2-й армии, дислоцированным в районе города Несвижа. Революционные части отправили в Минск бронепоезд, несколько бронемашин, два пехотных полка и сводный отряд «революционных солдат».

Деятели из «Комитета спасения революции» разбежались, а власть перешла к Военно-Революционному комитету Северо-Западной области и Западного фронта. Как видим, не «независимой республики», не «автономии», а «области»! В конце октября — начале ноября (по ст. стилю) 1917 г. советская власть победила на всей неоккупированной части Белоруссии. (Линия фронта проходила в 80 км западнее Минска.)

19—21 ноября 1917 г. в Минске состоялся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, которая была создана (с центром в Минске) еще в мае 1917 г. на съезде Советов Минской, Витебской, Могилевской и части Виленской губерний.

Из 560 делегатов съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 460 поддерживали большевиков. Они одобрили декреты советской власти о мире и земле и потребовали безоговорочного подчинения советской власти служащих и чиновников старых государственных учреждений.

26 ноября 1917 г. был создан Совет народных комиссаров области и фронта. Его председателем стал большевик К.И. Ландер. В конце 1917 г. — начале 1918 г. были сформированы уездные органы власти — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В январе — марте 1918 г. в основном было завершено создание и волостных Советов. А все органы Временного правительства (городские думы, земские управы) при этом ликвидировались.

Серьезную проблему для большевиков и мирного населения создало присутствие на территории Белоруссии 1-го польского корпуса легионеров, который был сформирован по указанию Керенского в июле 1917 г. В его составе были три пехотные дивизии, конные и артиллерийские части, всего до 26 тыс. человек. С августа 1917 г. корпусом командовал генерал-лейтенант Юзеф Довбор-Муснинский.

Польский корпус грабил местное население, проводил карательные операции по жалобам польских помещиков.

21 января (3 февраля) 1918 г. командующий Западным фронтом А.Ф. Мясников (Мясникян) отдал приказ о расформировании польского корпуса и демобилизации его личного состава. Генерал Довбор-Муснинский отказался повиноваться, что во всех странах мира считалось военным мятежом.

В ночь на 31 января (13 февраля) революционные войска разбили 1-ю Польскую дивизию и заняли Рогачёв. 2-я и 3-я Польские дивизии к середине февраля 1918 г. после упорных боев отступили в направлении Бобруйска и Слуцка. Но 18 февраля, нарушив условия Брестского перемирия, начали наступление австро-германские войска. Воспользовавшись этим, мятежники при участии отрядов Белорусской рады в ночь с 19 на 20 февраля овладели Минском, а 21 февраля в город вступили немецкие войска.

Польские части по соглашению с германским командованием оставались в Белоруссии в качестве оккупационных войск. В мае 1918 г. Польский корпус был расформирован немецким командованием.

С приходом немцев в Минске буржуазные ^[33] националисты во главе с И. Воронко создали самозванное правительство — Народный секретариат Белоруссии.

Отношения белорусских «самостийников» с германским командованием были весьма сложными. Ведь вообще оккупация Белоруссии официально считалась как бы взятием земель в залог до окончания выплаты Советской Россией контрибуций, определенных Брестским договором. А как брать в залог то, что не принадлежит

должнику? Поэтому официального признания самозванное правительство не получило, однако во многих хозяйственных и административных вопросах оккупационные власти сотрудничали с ним.

В марте 1918 г. националисты созвали Всебелорусский съезд. Естественно, «всебелорусским» он физически не мог быть. Немцы стояли на линии Орша — Могилев — Гомель, и Восточная Белорусская была в составе Советской России. А что касается недовольных в Западной Белоруссии, то об этом свидетельствует создание немцами концлагерей, в которых содержалось 3600 человек.

9 марта съезд провозгласил Белорусскую Народную Республику (БНР), а свой исполнительный комитет назвал радой БНР. 25 марта 3-й Уставной грамотой БНР объявлялась «независимым и свободным государством». Все прежние государственные связи, позволявшие «чужому правительству подписывать за Белоруссию трактат в Бресте», считались утратившими силу. А 28 апреля на заседании Народного секретариата были утверждены государственные символы Белоруссии — бело-красно-белый флаг и герб «Погоня».

Германское правительство не восприняло всерьез эти игры. Оно лишь согласилось на национальное представительство при немецкой оккупационной администрации и на некоторые второстепенные функции. На посланные в Берлин три грамоты рейхсканцлер сообщил Народному секретариату, что Германия рассматривает Белоруссию как «часть Советской России».

Вскоре у Рады появился конкурент — в Минске образовалось Белорусское народное правительство (БНП) во главе с Р. Сकिрумтом, А. Алексюком, ксендзом Гандлевским, Ф. Верниковским и другими.

Не дремали и большевики — в оккупированной части Белоруссии ширилось партизанское движение. А в апреле 1918 г. в Смоленске собрался 2-й съезд Советов Западной области. Он принял декларацию, обращенную к белорусским рабочим и крестьянам, в которой заклеил исходивший от Рады «дьявольский план представительства трудящихся масс», «позорные замыслы и действия буржуазных наймитов». Съезд заявил, что «Белорусская рада представляет собой группу самозванцев, а не народных представителей».

13 ноября 1918 г. было принято постановление ЦИК, в котором говорилось: «Насильнический мир в Брест-Литовске уничтожен». А уже 22 ноября Красная армия начала наступление на Могилев и Минск. Лидеры БНР попытались создать свою армию под командованием генерала Кондратовича, но из этой затеи ничего не вышло. 10 декабря Красная армия

вошла в Минск. В тот же день Минский Совет, избранный накануне, еще в условиях подполья, объявил о восстановлении советской власти в городе. Руководство БНР к этому времени уже было далеко на Западе.

2—3 февраля 1919 г. в Минске состоялся 1-й Всебелорусский съезд Советов, на котором присутствовало 230 делегатов, в том числе 213 большевиков. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов объявил постановление Президиума ВЦИК «О признании независимости Белорусской Советской Социалистической Республики» от 31 января 1919 г. Были приняты декларации ко всем народам и правительствам признать независимость БССР, об установлении федеративной связи между БССР и РСФСР. 3 февраля съезд утвердил конституцию БССР, основанную на принципах конституции РСФСР, избрал ЦИК (председатель Мясников), который в свою очередь избрал Малый и Большой президиумы.

В феврале 1919 г. польские войска вторглись на территорию Белоруссии и Литвы. Польский диктатор Пилсудский решил создать «конфедерацию» Польши, Литвы и Белоруссии. Я взял слово «конфедерация» в кавычки потому, что фактически польские националисты ни в XIX веке, ни сейчас не желали и не желают признавать в составе своего государства иных национальностей. Так что болтовня о конфедерации была лишь фиговым листком для Версальской компании и обманом для населения Белоруссии и Литвы.

В ответ ЦИК БССР принял решение об объединении с Литовской социалистической советской республикой. 27 февраля 1919 г. в Вильно было провозглашено создание Литовско-Белорусской социалистической советской республики (Литбела).

В середине февраля 1919 г. поляки заняли Брест, Гродно, Пружаны и Волковыск. Правительство Советской республики предложило Польше решить проблему мирным путем, и с конца марта до 20 апреля 1919 г. в Москве шли переговоры. Однако, узнав о поражениях Красной армии на Восточном фронте, поляки сорвали переговоры и продолжили наступление. 17 апреля они прорвали фронт и захватили его, а также захватили Лиду и Барановичи, 19 апреля бои завязались в окрестностях Вильно, и после трехдневного сопротивления части Красной армии отошли.

Польша, опираясь на помощь Англии и Франции, продолжала наступление, стремясь достигнуть границы Речи Посполитой по состоянию на 1772 год. 29 апреля 1919 г. Пилсудский обратился с воззванием «К населению бывшего Великого княжества Литовского», в котором пообещал установить свободу «в этом крае». В Виленской декларации, принятой польским сеймом, говорилось: «Отечество Костюшки, Мицкевича и

Траугута принадлежит Польше, как часть неделимая».

8 августа польские войска взяли Минск. В августе — сентябре 1919 г. они захватили Игумен, Новоборисов, Бобруйск, Жлобин, Рогачёв и Речицу. Фронт стабилизировался на линии реки Березины.

Во время войны польские войска на оккупированной территории Белоруссии терроризировали мирных жителей: сжигали и разрушали жилища, осуществляли зверства, насилия и убийства. «Так, только весной 1919 г. в 10 волостях Слуцкого уезда было сожжено 323 крестьянских двора, конфисковано 469 лошадей, 2260 коров, 2199 овец, 974 свиньи, 784 телеги, убито 33 и ранено 2 крестьянина; в Игуменском уезде сожжено более 2180 домов. Убытки, причиненные польскими войсками в этот период, оценивались в сумму более 52 млн. руб. золотом. В августе 1919 г. в Минске, захваченном поляками, 5 дней и ночей продолжались убийства, грабежи и насилия над мирными жителями. Сотни человек оккупанты расстреляли, более 1 тыс. арестовали и заключили в тюрьмы, где они подвергались чудовищным пыткам.

Только в июне — ноябре 1919 г. с территории Беларуси польские оккупанты вывезли около 6 тыс. вагонов награбленного имущества, значительную часть которого составляла продукция сельского хозяйства. И это в то время, когда среди населения Бобруйского, Новогрудского, Пинского и других уездов свирепствовал голод»^{48}.

Лидеры БНР еще в феврале 1919 г. прибыли в Варшаву и стали проситься во власть. Однако поляки их игнорировали. Только в конце октября Пилсудский издал декрет об образовании «войсковой комиссии». Для белорусского войска доставили американскую униформу. Декретом от 22 октября 1919 г. оное войско было ограничено двумя пехотными батальонами. Но и тех собрать не удалось. Воевать на стороне ляхов белорусы не желали. Зато по всей Белоруссии действовали партизанские отряды.

Взамен распущенной рады поляки создали новую — Высшую раду. В мае 1920 г. она подписала с Польшей договор, согласно которому Белоруссия должна была стать автономной единицей в хозяйственных и культурных вопросах в составе восстановленной в пределах 1772 года Речи Посполитой.

4 июля Красная армия силами Западного фронта перешла в наступление в Белоруссии. Вскоре были освобождены Мозырь и Речица. 4 июля основные силы Западного фронта нанесли удар в направлении Полоцк — Сморгонь—Лида. 9 июля был освобожден Игумен, 10 июля — Бобруйск, а 11 июля войска 16-й армии вступили в Минск. 14 июля

советские войска изгнали поляков из Вильно, 19 июля — из Гродно, 1 августа — из Бреста.

К августу 1920 г. вся территория Советской Белоруссии была занята Красной армией. Однако под Варшавой полякам удалось нанести контрудар советским войскам.

Советские войска, утомленные в результате 500-километрового безостановочного наступления, к тому же оставленные без боеприпасов, под натиском численно превосходящих польских войск с боями начали отход на восток. Литовские войска начали вступать в районы, из которых уходила Красная армия, в ряде мест завязывая бои с поляками.

23 сентября поляки прорвались на стыке XV и XVI армий, захватили Волковыск и начали развивать свой успех, отжимая правый фланг 48-й стрелковой дивизии (правофланговой дивизии XVI армии) к юго-востоку. Но контрудар армейского резерва XV армии (27-я стрелковая дивизия) не только вернул обратно Волковыск, но разгромил 15-ю Великопольскую пехотную дивизию, взяв при этом много пленных и орудий.

Эта частная победа дала Красной армии несколько дней спокойствия, но 26 сентября советские части вновь были вынуждены оставить Волковыск в связи со сложным положением красных на гродненском направлении.

В связи с отходом III армии XV и XVI армии также отошли сначала на линию реки Шара, а затем — на линию старых русско-германских позиций.

26 сентября банды Булак-Балаховича^[34] прорвались через южный фас расположения советской IV армии, сбив ее заставу у Невельской переправы и разрушив железнодорожный путь у станции Молотковичи.

2 октября отряды Булак-Балаховича ворвались в Пинск, где в это время находился штаб IV армии. Гарнизон Пинска состоял из запасного полка и наскоро собранных отрядов, которые не оказали противнику достаточного сопротивления. Часть штаба армии успела прорваться на поезде в Лунинец, командуя же армией с начальником штаба и членами реввоенсовета отправились верхом к главным силам армии, которые находились еще намного западнее Пинска.

Таким образом, налет банды Булак-Балаховича на Пинск разрезал управление IV армии и ее саму на две части. Одна часть армии оказалась к востоку от реки Ясельда и начала управляться непосредственно распоряжениям командующего Западным фронтом.

Советская III армия под натиском поляков к 18 октября отошла к линии будущей государственной границы, а именно на фронт Диена — Ореховно — Кубличи — озеро Межухол — местечко Березино.

15 октября поляки прорвали расположение красных частей на ближних подступах к Минску и овладели городом. Советские части заняли позиции в 5 км восточнее Минска. Однако 17 октября поляки оставили Минск, согласно условиям перемирия, подписанного в Риге 12 октября.

Следует заметить, что 18 октября закончились боевые действия с польскими частями, но отряды Петлюры и Булак-Балаховича продолжали боевые действия при поддержке поляков. К этому времени отряды Булак-Балаховича насчитывали 7—8 тысяч штыков, 3 тысячи сабель, 36 орудий и 150 пулеметов.

9 ноября отряды Булак-Балаховича перешли в наступление вдоль Припяти по обоим ее берегам, тесня слабые и разбросанные на большом протяжении части 10-я стрелковой дивизии, на которую обрушился их первый удар. 10 ноября Булак-Балахович занял Мозырь, а 11 ноября — важную железнодорожную станцию Калинковичи. В течение 13 и 14 ноября 10-я стрелковая дивизия вела упорные бои с отрядами Булак-Балаховича и даже овладела станцией Калинковичи, но вскоре была оттуда выбита.

16 ноября против Булак-Балаховича начали наступать 17-я и 48-я стрелковые дивизии, и к вечеру 17 ноября 48-я дивизия заняла станцию Калинковичи. В ночь на 20 ноября у Булак-Балаховича 17-й дивизией был отбит Мозырь. 22 ноября отряды Булак-Балаховича в районе станции Житкевичи^[35] перешли на территорию, занятую польскими войсками.

Глава 8.

Западная Белоруссия в составе Польши

12 октября 1920 г. в Риге было подписано Советско-польское соглашение о перемирии. По его условиям военные действия должны быть прерваны немедленно.

В тот же день был подписан и прелиминарный мир. Согласно его условиям стороны признавали независимость Украины и Белоруссии, обязались немедленно по подписании договора вступить в мирные переговоры о заключении постоянного мирного договора. Также стороны обязались воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга и обязались после ратификации данного соглашения не поддерживать военных действий третьих сторон против одной из договаривающихся сторон.

Граница между Польшей, с одной стороны, и Белоруссией и Украиной, с другой стороны, устанавливалась по линии Друя — Дрисса — Диена — западнее Полоцка в 30 км — Орехово — параллельно железнодорожной линии Полоцк— Молодечно в юго-западном направлении на Радощковичи, оттуда в южном направлении в 30 км западнее Минска — Негорелое — Филипповичи — Чудзин — Ракитна — Корец, оттуда в юго-западном направлении вдоль реки Виля до Нового Става, оттуда в южном направлении через Волочиск — Сатанов — Гусятин до Хотина.

Стороны взаимно отказались от возмещения своих военных расходов.

Постоянный мирный договор между Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 г. и тоже в Риге. По этому договору государственная граница между Польшей, с одной стороны, и РСФСР, УССР и БССР — с другой устанавливалась по линии г. Дрисса — г. Диена — 30 км западнее Полоцка — ст. Загатье, откуда граница шла в юго-западном направлении до Радощковичей и Ракова (западнее Минска 30 км), а оттуда поворачивала на юг до истоков реки Морочь и по ней до впадения ее в реку Случ, откуда почти прямо на юг до г. Корец в 30 км западнее Новоград-Волынского, затем в юго-западном направлении шла через г. Острог, Кунев на Ямполь, откуда в южном направлении проходила через Щасновку — Волочиск — Сатанов — Гусятин до Хотина.

Стороны взаимно отказывались от возмещения своих военных расходов.

Россия освобождала Польшу от ответственности по долгам и иным финансовым обязательствам Российской империи.

Россия и Украина обязались уплатить Польше 30 млн. рублей золотом в качестве польской части золотого запаса бывшей Российской империи и как признание отделения Польши от России.

Россия, Украина и Белоруссия возвращали Польше 300 паровозов, 260 пассажирских и 8100 товарных вагонов. Кроме того, Россия оставляла на территории Польши тот подвижной состав, который принадлежал РСФСР и УССР, приспособленный для широкой («русской») колеи и ранее принадлежавший Российской империи. Этот состав насчитывал 255 паровозов, 435 пассажирских и 8859 товарных вагонов. Таким образом, Россия передала Польше в общей сложности 555 паровозов, 695 пассажирских и 16 959 товарных вагонов. Общая сумма стоимости возвращаемого или передаваемого в виде дара подвижного состава от России для Польши оценивалась в 13 млн. 149 тыс. золотых рублей в ценах 1913 г., а общая сумма всего другого железнодорожного имущества, передаваемого вместе с вокзалами, оценивалась в 5 млн. 96 тыс. золотых рублей, то есть объединенная сумма железнодорожного имущества, поступившего от России в Польшу, составила 18 млн. 245 тыс. рублей золотом в ценах 1913 г.

Обратим внимание, что «представителей ССРБ, которые приехали 18 сентября 1920 г. в Ригу для участия в польско-советских переговорах, а также представителей Белорусской Народной Республики не допустили к переговорному процессу. Поэтому руководители БНР, исходя из права белорусского народа на самоопределение, сразу же сделали официальное заявление, что такой мир “белорусский народ не признает для себя обязательным и будет бороться с ним любыми возможными способами”. Но заявление было проигнорировано тогдашним политическим руководством Польши и его покровителями — руководителями стран Антанты, хотя они ясно осознавали, что вопреки выразительно проявленному стремлению национальных элит к независимости узаконивается фактический захват обширных территорий с непольским населением...

Этот договор заложил по существу глубинные антагонистические противоречия и породил неустойчивость в межнациональной безопасности народов Восточной Европы. Он исторически был обречен на неудачу, так как нарушил территориальную целостность восточных народов — соседей Польши.

По договору, от выработки условий которого представители

белорусского народа были отстранены, к Польше отошли Гродненская губерния, Новогрудский, Пинский, часть Слуцкого, Мозырского и Минского уездов Минской губернии, а также Ошмянский, Лидский, Виленский, Дисненский уезды Виленской губернии. Аннексированная Польшей этническая белорусская территория получила неофициальное наименование “Западная Беларусь”, хотя в официальных польских документах употреблялся термин “восточные окраины” (“kresy wschodnie”). Это была почти половина территории Беларуси размером около 100 тыс. кв. км с населением свыше 3 млн. человек, более 70% которого составляли белорусы.

Рижский договор являлся антибелорусским по сути, так как он не отвечал национально-государственным интересам белорусского народа, хотя юридически и закреплял независимость ССРБ, предоставлял определенные гарантии белорусам для организации национально-культурной жизни в составе польского государства. Так, согласно положениям договора, польские правящие круги обязались обеспечить для всех национальных меньшинств равные политические права и свободное развитие культуры и вероисповедания. Статья VII Рижского мирного договора гласила:

“Польша предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимся в Польше, на основе равноправия национальностей все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов. Взаимно Россия и Украина обеспечивают лицам польской национальности, находящимся в России, Украине и Белоруссии, все те же права.

Лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше имеют право, в пределах внутреннего законодательства, культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы. Этими же правами, в пределах внутреннего законодательства, будут пользоваться лица польской национальности, находящиеся в России, Украине и Белоруссии”»^{49}.

Здесь я умышленно привожу длинную цитату белорусских историков (Института истории Национальной Академии наук Беларуси), отражающую официальную точку зрения белорусских властей.

Польские правители были абсолютно уверены, что диктатура и подавление нацменьшинств сделают Польшу великой.

В новое государство, созданное Пилсудским железом и кровью, были насильно загнаны миллионы русских, белорусов, украинцев, евреев и

немцев. Поляки составляли 64% населения этого государства. При этом в поляки были принудительно записаны различные славянские народы — силезцы, мазуры, кашубы, лемки и т.д.

Статистика по мазурам, лемкам, кашубам и другим народам в Польше никогда не велась. Однако даже в XXI веке, несмотря на 80 лет принудительной ассимиляции, в Польше насчитывается 330 тысяч кашубов и 180 тысяч полукашубов. (Данные Главного правления Кашубо-поморского объединения на 2005 год.) Кашубам и при Пилсудском и при коммунистах не давали учиться в школе на родном языке. Детей, плохо говоривших по-польски, даже в 1950—2005 гг. отправляли в школы для умственно отсталых. Запрещались газеты на кашубском языке, а их редакторов отправляли за решетку.

Польские власти с 1919 г. отказались предоставлять другим народам хоть какие-то элементы автономии, пусть даже культурной. В Польше должны были жить только поляки, и должна быть единственная конфессия — римско-католическая.

Вот спецрепортаж из Варшавы, опубликованный в «Manchester Guardian» 14 декабря 1931 г.: «Меньшинства в Польше должны исчезнуть, и политика Польши обеспечивает то, чтобы они исчезли не только на бумаге. Эта политика проводится беспощадно и без малейшего внимания к общественному мнению за границей, к международным соглашениям и к Лиге Наций. Украина под управлением Польши — бедлам, Белоруссия — еще более адский бедлам. Целью польской политики является исчезновение национальных меньшинств, как на бумаге, так и в жизни».

А вот взгляд белорусских историков: «Суть внутренней политики польских властей в межвоенный период можно определить как “Польша для поляков”. Политическим руководством польского государства была взята на вооружение концепция, разработанная в лагере национал-демократов, так называемых эндеков, лидером которых являлся известный в свое время польский политический деятель и публицист Р. Дмовский. В ряде своих работ он обосновал идею инкорпорации — включения белорусских и украинских земель в состав польского государства. В соответствии с этой концепцией белорусам и украинцам, как народам “неисторическим” и “негосударственным”, отказывалось в праве иметь собственную государственность. Р. Дмовский безапелляционно заявлял: “Там, где мы можем умножить свои силы и свою цивилизационную работу, поглощая другие элементы, ни одно право не сможет запретить нам этого, а действовать так есть наш долг”»^[50].

Мне надоело обвинять в необъективности поляков, и я опять

процитирую белорусских историков: «При осуществлении своей политики на “восточных окраинах” польское руководство четко представляло возможное значение белорусского и украинского вопросов в общеевропейском контексте. Именно поэтому на этих территориях оно действовало оперативно и агрессивно, чтобы предотвратить закрепление национальных устремлений как в самосознании белорусов и украинцев, так и в европейской региональной политической концепции. Результаты подобной ассимиляционной политики мы наблюдаем в современной северо-восточной Польше, где в результате планомерных действий польских властей за менее чем 100 лет произошло десятикратное уменьшение численности белорусов, до 48,7 тыс. человек (по данным переписи населения Польши 2002 г.)»^[51].

Процитирую официальную «Историю Беларуси», изданную в Минске в 2004 г.: «Поляки отрицали саму идею белорусской государственности или автономии. Борец за независимость Польши Пилсудский делил, как известно, народы на “исторические” и “неисторические”. Белорусов он рассматривал как нацию неисторическую. Западной части Беларуси, или, по тогдашней польской терминологии, “восточным кресам”, была уготована участь отсталой окраины в Польском государстве, аграрно-сырьевого придатка более развитых регионов коренной Польши, экономика которой неоднократно переживала кризисы.

Глубокими и затяжными были кризисы 1924—1926 и 1929—1933 гг. В это время на западнобелорусских землях количество предприятий сократилось на 17,4%, рабочих — на 39%. Рабочие здесь получали зарплату в 1,5—2 раза меньше, чем в центральных районах Польши. При этом она к 1933 г. по сравнению с 1928 г. уменьшилась на 31,2%»^[52].

В Западной Белоруссии крестьяне-бедняки составляли 70% населения, тем не менее на государственные земли и на земли русских владельцев, вынужденных покинуть Польшу, власти селили так называемых «осадников».

Осадники — это «расово-чистые» поляки, участники войн 1919—1921 гг. «Они получали на льготных условиях или бесплатно земельные участки от 10 до 45 га и селились на хуторах. Всего в западную часть Беларуси из этнической Польши было переселено 300 тыс. человек...

В 1939 г. около 35% населения оставалось неграмотным. Если в 1927 г. легально издавались 23 белорусские газеты и журнала, то в 1930 г. их стало 12, а к 1939 г. остались только пропольские и клерикальные издания. Власти выискивали всякие причины, чтобы закрывать белорусские

издательства, библиотеки, клубы, избы-читальни»^[53].

Польские коалиционные правительства, которых в 1918— 1926 гг. насчитывалось тринадцать, как правило, существовали от недели до полугода. За это время они не всегда даже успевали выработать единую правительственную программу, а те важные законы, которые принимались по их инициативе, нередко вызывали сильное недовольство в обществе, как, например, это произошло с законом об аграрной реформе.

Между тем пан Пилсудский в 1923 г. демонстративно ушел со всех постов в польской армии. Теперь он ни за что не отвечал и мог заявить народу: «До чего они довели Речь Посполитую».

Наиболее удачный момент для военного переворота представился весной 1926 г. 10 мая в полном соответствии с Конституцией было сформировано крайне непопулярное в обществе правительство правоцентристского большинства, возглавляемое В. Витосом.

А 12 мая Пилсудский и преданные ему полковники подняли мятеж. Важную роль в мятеже играл министр обороны Люциан Желиховский (Желеговский). Тот самый генерал, устроивший трагикомедию с захватом Виленской области.

Части пилсудчиков стремительно ворвались в Варшаву, но натолкнулись на сопротивление правительственных войск. Завязались уличные бои, в которых погибло 379 человек. Однако, подтянув силы, после трехдневных боев путчисты заняли Варшаву. Законное правительство В. Витоса было свергнуто. Президентом Польши стал Игнаций Мосцицкий, фактически же правителем был «первый маршал».

С 1929 г. в Польше у власти находились «правительства полковников», то есть полковников — сподвижников Пилсудского. Замечу, что этот термин введен самими поляками и в 1930-х гг. распространился по всему миру. 12 мая 1935 г. умер маршал Пилсудский.

Между тем еще при жизни «начальника государства», 23 апреля 1935 г., президент Мосцицкий подписал текст новой Конституции. Она сохраняла парламентские учреждения, но значительно освобождала от ответственности перед ними исполнительную власть, которую представлял в первую очередь президент. Он же формировал и правительство. Конституция предоставляла сейму и сенату большие полномочия и гарантировала гражданские свободы.

Взамен Пилсудского Мосцицкий назначил «начальником государства» генерала Эдварда Рыдз-Смиглова.

Чуть ли не решающую роль в польском правительстве стал играть министр иностранных дел в 1932—1939 гг. Юзеф Бек. Кстати, он тоже

бывший полковник пана Пилсудского. Как заметил один британский политик, на Западе плохо знали «польских министров с труднопроизносимыми фамилиями» и именовали польское правительство «правительством Бека».

В свое время Наполеон бросил крылатую фразу: «Можно прийти к власти на штыках, но сидеть на них нельзя». Престарелому маршалу нужны были какие-то идеи. И вот его советники подсунили идею «санации», то есть оздоровления нации. Но, увы, «санация» оказалась пустой болтовней, она не могла решить ни экономических, ни социальных проблем и тем более сплотить население Польши в единую нацию.

В 1931 г. Пилсудский официально ввел в стране военно-полевые суды. За один только 1931 г. по политическим мотивам польские власти арестовали 16 тысяч человек, а в 1932 г. по тем же мотивам было арестовано уже 48 тысяч человек.

Польские власти за 20 лет существования независимой Польши так и не сумели в экономике превзойти уровень 1913 г.

Историк и публицист Юрий Мухин писал: «На территории Польши достаточно полезных ископаемых: были железные и цинковые руды, нефть, по запасам каменного угля она занимала третье место в Европе. Прекрасно развита водная система, обширная сеть железных и автомобильных дорог и, главное, мощная промышленность, доставшаяся Польше в наследство от трех бывших империй. Однако при мощностях добычи каменного угля в 60 млн. т его добывали около 36 млн. т, его выплавляли 0,7 млн. т, при мощности по производству стали в 1,7 млн. т ее производили 1,5 млн. т, даже такого ликвидного товара, как нефть, производили 0,5 млн. т, хотя в 1913 г. ее качали 1,1 млн. т. До самой войны Польша ни разу не достигла уровня производства 1913 г., и при населении, равном 1,6% от мирового, производила всего 0,7% промышленной продукции мира. При этом при годовом предвоенном бюджете в 2,5 млрд. злотых Польша имела государственных долгов 4,7 млрд. и по 400 млн. злотых ежегодно вывозилось из страны в качестве процентов по займам и дивидендов.

Чтобы понять, насколько СССР был богаче Польши, давайте сравним их бюджеты в расчете на душу населения. Рубль стоил 0,774 г. золота и уже к 1925 г. котируется на валютных биржах Стамбула, Милана и Стокгольма, в Москве он продавался выше номинала: за 10-рублевую золотую монету давали 9 руб. 60 коп. купюрами.

Номинал польского злотого был 0,169 г. При населении Польши в 35 млн. человек из ее бюджета на 1938/1939 финансовые годы (2,5 млрд. злотых) в расчете на одного польского гражданина приходилось 12 грамм

золота. В 1938 г. бюджет СССР составлял 124 млрд. руб., при населении в 170 млн. человек на одного советского человека приходилось 564 грамма золота — в 47 раз больше, чем в Польше! У СССР даже в 1928 г. бюджет на душу населения был уже в два раза больше, чем у Польши в 1938 г».^[54]

Но дело не только в экономике. Подавляющее большинство западных украинцев видело принципиальную разницу в их жизни хлопов с трудной, но полнокровной жизнью в СССР. Тот же Мухин писал: «С распадом Российской империи границы разделили не только один народ, но и миллионы семей. Люди переписывались друг с другом. И когда один брат из-под Минска или Кривого Рога писал другому брату подо Львов, Каунас или Тарту, жалуясь по русскому национальному обычаю, что его загнали в колхоз, что оставили только корову и десяток овец, то все это полбеда. Но когда он начинал писать, что его старший сын командует батальоном в Красной Армии, а второй сын заканчивает университет в Москве, а дочь учится в мединституте в Харькове, а больную жену бесплатно возили на операцию в Киев, а младшие дети бесплатно отдыхали в Крыму, то как должен был себя чувствовать обыватель в Польше или Прибалтике? Обыватель, который со своей земли с трудом мог прокормить семью, а семьи своих детей кормить уже было нечем; обыватель, который считал за счастье устроить сына матросом на иностранное судно в надежде, что когда-нибудь лет через 5 это судно вновь зайдет в Ревель»^[55].

Глава 9.

Польша накануне Второй мировой войны

В развязывании Первой мировой войны виноваты все государства Европы, включая даже маленькую Сербию. К концу 1918 г. британские и французские политики, начавшие войну, занимали самые ответственные посты, а правители Германии и России, виновные в развязывании войны, были казнены или бежали из страны. К власти пришли люди, которые еще осенью 1914 г. выступали против войны. Так почему бы Антанте не принять выдвинутый Лениным еще в 1917 г. план мира «без аннексий и контрибуций»? Увы, правители Англии, Франции и США почувствовали себя неограниченными властелинами мира и учинили дикую расправу над Германией и Россией. Причем если с Россией расправлялись «по понятиям», как с какой-нибудь африканской страной, то для закабаления и расчленения Германии была созвана весьма представительная Версальская конференция.

У России и Германии было отнято около трети территории, почти весь военный флот обеих стран был потоплен союзниками, а весь торговый флот присвоен.

Германии Версальским договором было разрешено иметь 100-тысячную армию, а точнее, полицейские силы. Германии не разрешалось иметь танки, бронев автомобили, противотанковые и зенитные орудия, тяжелую артиллерию, боевые самолеты и воздушные шары, торпедные катера, подводные лодки, линкоры, мощные радиостанции (включая гражданские)... и далее длинный список. Германия должна была заплатить непомерную контрибуцию.

Сразу после Версальской конференции французский маршал Фош сказал: «Версаль — не мир, а перемирие на 20 лет». А на самой конференции британский премьер Ллойд Джордж сказал французскому премьеру Клемансо, желавшему включить в состав Польши земли, заселенные немцами: «Не создавайте новую Эльзас-Лотарингию».

Таким образом, французский маршал и британский премьер точно предсказали время — 1939 год — и причину — Польша — возникновения Второй мировой войны.

Но ведь во всех учебниках написано, что Вторую мировую войну развязал Адольф Гитлер? Да, бесспорно, Гитлер совершил величайшие

преступления XX века: вероломное нападение на СССР 22 июня 1941 г., уничтожение миллионов людей в концлагерях и т.д. Но что, без Гитлера не было бы Второй мировой войны?

Ровно через 5 лет после окончания Великой войны, 9 ноября 1923 г., Гитлер, шедший во главе колонны нацистов в Мюнхене, попал под обстрел полицейских. Макс Федорович Шейбнер-Рихтер, бывший офицер царской армии, закрыл фюрера своим телом. Гитлер оказался под трупом Рихтера, а затем укрылся на квартире генерала Василия Васильевича Бискупского. Ну, русский след в зарождении нацизма — тема особая, а мы представим на секунду, что Рихтер оказался бы на полметра правее или левее Адольфа, и фюрер получил бы полицейскую пулю. Так что, в этом случае Вторая мировая война не состоялась бы, и в Европе до сих пор действовала бы Версальская система договоров?

В советское время наши историки восторженно писали об Эрнсте Тельмане — вожде германских коммунистов, непримиримом борце с фашизмом. Но, судя по всему, оные авторы не читали речи Тельмана. Я же не поленился и прочел с карандашом. Спору нет, программы коммунистов и нацистов во внутренней политике кардинально расходились. Но найти разницу у Гитлера и Тельмана по отношению к западным державам и Версальскому договору я так и не смог.

Тельман официально заявил: «Советская Германия не заплатит ни пфеннига по репарациям... Мы, коммунисты, не признаем никакого насильственного присоединения народа или части народа к другому национальному государству, мы не признаем никаких границ, проведенных без согласия действительного большинства населения... Мы, коммунисты, против территориального расчленения и разграбления Германии, проведенного на основании насильственно навязанного нам Версальского договора».

Сейчас в моде фэнтези — а что было бы, если бы... Давайте и мы попробуем. Предположим, что 6 ноября 1932 г. на выборах в Рейхстаг компартия получила не 6 млн. голосов, как было на самом деле, а 8 млн., и законным образом образовала правительство. Нацисты ответили погромами, но были рассеяны полицией и штурмовыми отрядами коммунистов. Нацистская партия распущена, Гитлер отправлен в концлагерь.

И вот рейхсканцлер Тельман объявляет о прекращении выплат по репарациям и непризнании границ Германии на востоке. Каковы действия западных держав? Объявление войны Германии, то есть Второй мировой войны, или ноты протеста?

В 1934 г. Тельман вводит 4 пехотных батальона в Рейнскую область. У Запада вновь дилемма — мировая война или молчаливое признание свершившихся фактов?

В марте 1938 г. германские танки под красными знаменами с серпом и молотом входят в пределы Австрии. Убежденный старый коммунист воскликнет: «Тельман никогда бы не пошел на аншлюс. На подобное способен был только злодей Адольф!» Увы, увy... Постановление об аншлюсе, то есть объединении Австрии с Германией, было принято австрийским парламентом еще в декабре 1918 г. 2 марта 1919 г. между Германией и Австрией был заключен секретный договор (Берлинский протокол) о присоединении Немецкой Австрии к Германии, если мирный договор не запретит аншлюс.

Понятно, что Антанта категорически запретила аншлюс, что и было закреплено в Версальском и Сен-Жерменском договорах. А 4 октября 1922 г. западные державы приняли так называемый Женевский протокол, запрещавший аншлюс даже в форме экономического союза Австрии с Германией. А из партийной программы австрийских социал-демократов требование аншлюса было вычеркнуто лишь осенью 1934 г., когда стало очевидно, что аншлюс будет проводить совсем иная партия. Да и Тельман в ряде речей требовал воссоединения Германии и Австрии. Так что в марте 1938 г. по-другому «вождь германского пролетариата» физически не мог поступить.

Как видим, Вторая мировая война началась бы и при рейхсканцлере Эрнсте Тельмане. Вопрос лишь в том, когда Англия и Франция объявили бы войну Советской Германии. В 1934-м, з 1938-м или 3 сентября 1939 г.? Нетрудно догадаться, на чьей стороне оказалась бы Советская Россия и каким стал бы финал этой войны.

Уверен, что сказанное либералы поймут превратно. Автор, мол, правильно показывает, что коммунисты и нацисты — заядлые поджигатели войны. Ну хорошо, давайте уберем их с политической сцены, и в нашем фэнтези в 1933 г. в Германии будет восстановлена монархия Гогенцоллернов, а в России — Романовых.

Но, увy, никто из Гогенцоллернов и Романовых никогда бы не признал Версальский мир и его детище — государства-лимитрофы^[36]. Благо, «кобургский император» Кирилл Владимирович породнился с Гогенцоллернами, а его жена Виктория встречалась в 1920-х гг. с Гитлером и поддерживала «движение» материально. А, может, генерал Антон Деникин стал бы лобызаться с паном Пилсудским?

У великого князя Александра Михайловича большевики убили двух

родных братьев, конфисковали дворцы в Крыму и Петербурге. В начале 1933 г. великий князь медленно умирал в нищете на Лазурном берегу. Но перед смертью он написал в своих воспоминаниях: «Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке».

Нам могут нравиться или не нравиться приведенные мнения великого князя Александра Михайловича, Эрнста Тельмана, маршала Фоша и других. Тем не менее очевидно, что с подписанием Версальского мира Вторая мировая война стала неизбежной. Интрига была лишь в именах тех, кто будет ей руководить из Парижа, Лондона, Берлина и Москвы.

империи, окрестили лимитрофами, по аналогии с государственными образованиями по краям Римской империи.

В послевоенные годы Польская Народная Республика была союзницей СССР и членом организации Варшавского договора. Соответственно, советская цензура жестко ограничивала негативную информацию по истории Польши до сентября 1939 г. и совсем не пропускала материалы, компрометировавшие Польшу после начала Второй мировой войны.

Все старые конфликты между русскими и поляками объяснялись деспотизмом царского правительства и буйством панов, ставивших свои классовые интересы выше национальных.

А раз нет ни царизма, ни панов, то русский и польский народы должны питать друг к другу исключительно братские чувства.

Население СССР и не знало, что с 1921 по 1939 г. Польша была единственным в мире государством, имевшим территориальные претензии ко всем своим соседям без исключения — к буржуазной Литве, Германии, вольному городу Данцигу, Чехословакии и СССР.

Понятно, Литва — это часть Речи Посполитой; Смоленск, Киев и Одесса — исконно польские земли. А что такое вольный город Данциг? Это гособразование, созданное согласно 11-му раздел 3-й части Версальского договора 1919 г. На его территории находились собственно город Данциг и свыше 200 более мелких населенных пунктов бывшей Германской империи. В соответствии с решением Лиги Наций город не являлся частью ни Германии, ни Польши. Однако город не был независимым: он находился под протекторатом Лиги Наций и входил в таможенный союз с Польшей.

Приведу краткие сведения о Данцигской области из достаточно объективного источника — Большой Советской Энциклопедии 1930-го г.: «95% жителей немцы, в числе прочих — поляки, кашубы, мазуры, евреи, русские, украинцы; по культу 58,7% протестантов, 36,7% католиков; 62% населения живет в городах Данциге и Цоппоте».

Все советские, а ныне и либеральные историки представляют Польшу жертвой Германии! Но почему поляки почти 20 лет пытались захватить территории, никогда Польше не принадлежавшие и населенные немцами? Можно ли такую страну назвать жертвой агрессии?

Вот, например, пан «Плючински, исполняющий обязанности министра польского правительства, согласно “Газета Варшавска” от 29 июня 1922 года, заявил следующее: “Лига Наций гарантировала самоуправление Данцига. Но Польша в принципе не признает это самоуправление и хотела бы присоединить Данциг к Польше чем раньше, тем лучше”.

До Плючински, а именно еще в 1921 году, Верховный комиссар Лиги Наций в Данциге предупредил: “Польша исходит из того, чтобы уничтожить этнический характер Данцига и тактически присоединить его к Польской республике”...

Во время польских праздников в Гдыне каждый раз произносились подстрекательские речи, в большинстве случаев содержавшие притязания Польши на Данциг и часть Восточной Пруссии. Каждый поляк, приехавший из глубинки, будучи исторически невежественным, из всего этого увозил домой твердое убеждение, будто Польша действительно должна вернуть себе “свой исконный порт Данциг” и возродить могущественный флот. Митингующие ораторы, среди которых нередко были и министры, а иногда даже и президент страны, называли Балтийское море Польским морем»^[56].

В сентябре 1930 г. польский министр иностранных дел Г.А. Залесский заявил президенту данцигского сената: «Данцигский вопрос может

разрешить лишь польский армейский корпус»^[57].

В июне 1932 г. сенат Данцига отказался продлить конвенцию, согласно которой польский флот мог пользоваться его портом как своим собственным. В ответ 15 июня на рейд Данцига вошел польский эсминец «Вихрь», который направил орудия на город и пригрозил открыть огонь в случае «оскорбления польского флага».

Любопытно, что поляки планировали построить огромный флот. Причем не только для контроля над Балтикой, но и для колониальных захватов в Африке и Южной Америке. Нет, нет, я не шучу!

Уже в начале 1920-х гг. в Польше были созданы влиятельные полуофициальные организации — Балтийский институт, Польский институт западных марок и Лига польского судоходства, получившая в 1930 г. название Колониально-морской лиги.

Причем «ученые» из Колониальной морской лиги стали доказывать права Польши на часть колоний кайзеровской Германии, отнятых у нее согласно Версальскому договору.

Естественно, что руководили лигой военные во главе с генералом Мариушем Заруским.

При Лиге был создан «Фонд Морской Обороны», целью которого являлся сбор средств на укрепление польского ВМФ. Этот фонд собрал деньги на постройку в Голландии лучшей подлодки ВМФ Польши «Орел».

В «Колониальных тезисах Польши» отдельное место посвящалось вопросу переселения евреев на Мадагаскар (по «желанию мирового еврейства»). В связи с этим в 1937 г. французский министр заморских территорий Морис Моте высказался относительно теоретической возможности передачи Мадагаскара под опеку Польши. По заданию министра Юзефа Бека и при согласии Мориса Моте была создана комиссия по изучению приспособленности острова для заселения евреями из Польши. В комиссию входили директор еврейского эмиграционного общества в Варшаве Леон Альтер, агроном из Тель-Авива Соломон Дик (уроженец Галиции) и майор Мечислав Лепецкий. В мае 1937 г. комиссия прибыла в Париж, откуда отправилась на Мадагаскар, где работала десять недель и составила отчет относительно пригодности северной части острова к колонизации. Однако планам этим не было суждено реализоваться из-за начала Второй мировой войны.

В октябре 1935 г. в польском журнале «Може» («Море») ^[37] говорилось: «Мы, поляки, как и итальянцы, стоим перед большой проблемой размещения и использования быстро увеличивающегося

населения. Мы, поляки, как и итальянцы, имеем право требовать, чтобы для нас были открыты рынки экспорта и регионы для поселения, чтобы мы могли получать сырье, необходимое для национальной экономики на условиях, на которых это делают иные колониальные державы».

С 1938 г. в Польше стали проводить «Дни колоний», посвященные пропаганде среди панства идей колониализма. Замечу, что население и правительство Польши встречало такие идеи с пониманием — в начале 1938 г. «Морская и Колониальная Лига» (МКЛ) насчитывала около 690 тыс. человек, к концу года (после проведенной колониальной кампании) — уже порядка 841 тысячи, к началу же сентября 1939 г. — почти миллион членов. Любопытно, что среди мероприятий, проводившихся во время «Дней колоний», были поездки членов МКЛ в Италию для «обмена опытом» с итальянскими коллегами (видимо, относительно администрирования Абиссинии и Ливии).

Несмотря на хронические провалы в экономике и техническую отсталость, польское руководство тужилось создать океанский флот. Замечу, что в 1920—1939 гг. Польша владела лишь 42 милями побережья Балтийского моря.

В 1920 г. польское министерство обороны разработало план строительства «большого флота». К 1929 г. планировалось ввести в строй 2 линкора, 6 крейсеров, 28 эсминцев, 45 подводных лодок, 28 минных заградителей и тральщиков. Для речных флотилий планировалось построить четыре больших монитора, 20 малых мониторов и 25 вооруженных пушками канонерских лодок.

Ну а раз речь зашла о военных флотах, не грех сказать пару слов о морских вооружениях западных стран — «защитников мира и демократии», а также Германии и СССР — «поджигателей войны». Так, Англия заложила пять линкоров типа «Кинг Джордж V», их готовность была запланирована на 1940—1941 гг. Франция с 1935 г. строила три линкора типа «Ришелье» с готовностью по плану 1939—1940 гг. США в 1937 г. строили шесть линкоров типа «Вашингтон» и «Саут Дакота» со сроком сдачи в 1940—1942 гг.

В 1938—1939 гг. Германия приступила к строительству огромного надводного флота. 14 апреля 1939 г. на верфи «Блом и Фосс» в Гамбурге и «Дешимаг» в Бремене были заложены два линкора нового проекта под литерными обозначениями «Н» и «J».

Стандартное водоизмещение этих кораблей должно было составлять 56 440 т, а полное — 62 600 т. Орудиями главного калибра должны были стать восемь 406/52-мм пушек SKC/34 системы Круппа в четырех башнях.

К 1 сентября 1939 г. 40-см (406-мм) пушки прошли полигонные испытания и были запущены в серийное производство. Всего по разным данным немцы изготовили от 12 до 19 таких орудий. Впервые после «карманных линкоров» немцы решили вернуться к установке дизелей, которые должны были обеспечивать 30-узловой ход.

Кроме линкоров в состав германского флота должны были войти и линейные крейсера. Так, в начале 1939 г. были отпущены средства на постройку трех линейных крейсеров водоизмещением 31 650/35 400 т (стандартное/полное), вооруженных шестью 38-см пушками SKC/34 в трех башнях Drh LC/34 (тех же, что и на «Бисмарке»). На 1 сентября 1939 г. были подготовлены к закладке три линейных крейсера «О», «Р» и «Q».

В СССР в 1938—1939 гг. было заложено 4 линкора типа «Советский Союз». Плановая стоимость строительства одного линкора была определена в 1 180 млн. рублей, в том числе: работы верфи — 390 млн. руб., материалы — 330 млн. руб., контрагентные поставки — 460 млн. руб. Стоимость одной тонны стандартного водоизмещения при этом составляла 19 950 рублей.

К 22 июня 1941 г. готовность линкора «Советский Союз», строившегося на заводе № 189 (Ленинград), составляла 21,1%, а линкора «Советская Украина» (завод № 198, Николаев) — 17%. Оба линкора предполагалось окончательно сдать в 1945 г.

5 ноября 1939 г. на заводе № 200 был заложен тяжелый крейсер «Севастополь». Любопытно, что головной тяжелый крейсер проекта 69 «Кронштадт» заложили на заводе № 194 лишь 30 ноября. Крейсера проекта 69 начали строить так же, как и линкоры проекта 23, без окончательно утвержденного технического проекта. Лишь 12 апреля 1940 г. Комитет обороны утвердил техпроект тяжелого крейсера.

Боюсь, что рассказ о строительстве линкоров уже навел скуку на читателей-гуманитариев. Тем не менее именно подробности кораблестроительных программ ведущих государств мира крайне важны для понимания событий межвоенного периода и определения зачинщиков Второй мировой войны.

Можно сколько угодно спорить о том, насколько были искренни в своих выступлениях Гитлер и Сталин, призывавших к мирному разрешению всех европейских споров. В речах обоих, равно как и западных лидеров, действительно было много демагогии. Но зачем СССР и Германия строили огромные флоты со сроками готовности в 1943—1946 г.? Ведь огромные суммы, отпущенные на строительство суперлинкоров и тяжелых крейсеров, можно было потратить на танки, авиацию, сухопутную

артиллерию, подводные лодки и т.п. И советский, и германский генштабы прекрасно понимали, что суперлинкоры бесполезны в континентальной европейской войне.

Вывод один — ни Гитлер, ни Сталин не собирались начинать мировую войну ранее 1943 г. Другой вопрос, что они учитывали возможность нападения на них западных держав и были готовы принять вызов.

А вот Англия, Франция, США первыми начали гонку морских вооружений и заложенные ими линкоры должны были вступить в строй в 1939—1940 гг. (Другой вопрос, что по техническим причинам строительство отдельных кораблей затянулось до 1941 г.) Случайно ли это?

О намерениях союзников развязать войну против Германии свидетельствуют многочисленные высказывания их лидеров.

В олимпийском 1936 г. Черчилль заявил: «Хочет ли он этого или нет, но мы навяжем Гитлеру войну». В 1937 г. Черчилль сказал министру Риббентропу: «Когда Германия станет слишком сильной, мы её вновь уничтожим!» Ещё в 1934 г. Рузвельт, выступая в американском конгрессе, объявил: «Будет война с Германией... Всё уже тщательно спланировано». Лорд Галифакс: «Мы полны решимости свалить на Гитлера всю ответственность за заговор против мира»^[58].

Кстати, в 1943 г. Черчилль открыто заявил представителю польского эмигрантского правительства: «Мы начали войну НЕ из-за Польши». Ну а после войны Черчилль в Потсдаме признался, что он в любое время мог бы заключить с Гитлером мир.

Зимой 1938/1939 г. германское и польское правительство вели переговоры о военном союзе, направленном против СССР.

28 декабря 1938 г. в беседе советника посольства Германии в Польше Рудольфа фон Шелии с только что назначенным посланником Польши в Иране Я. Каршоседлевским последний заявил: «Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определённо стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения. Он, Каршоседлевский, подчинит свою деятельность в качестве польского посланника в Тегеране осуществлению этой великой восточной концепции, так как необходимо в конце концов убедить и побудить также персов и афганцев играть активную роль в будущей войне против Советов».

В декабре 1938 г. был составлен доклад 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска Польского, где говорилось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»^[59].

26 января 1939 г. в состоявшейся в Варшаве беседе с министром иностранных дел Германии Риббентропом министр иностранных дел Польши Юзеф Бек заявляет: «Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю».

21 марта 1939 г. германское правительство предложило Варшаве заключить новый договор. Суть его состояла в трех пунктах. Во-первых, возвращение Германии города Данцига с окрестностями. Во-вторых, разрешение польских властей на строительство в «польском коридоре» экстерриториальной автостреды и четырехколейной железной дороги. Это было крайне необходимо для экономики Восточной Пруссии, которая, согласно Версальскому договору, была связана с остальной Германией или по морю, или через польскую территорию. Причем в 1930-е гг. поляки год от года увеличивали сборы за проезд.

Третьим пунктом немцы предложили полякам продление действия существовавшего германо-польского пакта о ненападении еще на 15 лет.

Нетрудно понять, что германские предложения никак не затрагивали суверенитет Польши и не ограничивали ее военную мощь. Данциг и так не принадлежал Польше и был населен в подавляющем большинстве немцами. А строительство автостреды и железной дороги было, в общем-то, рутинным делом.

Тем не менее 26 марта правительство Бека отвергло германские предложения. Мало того, в Польше были призваны три возраста резервистов.

«Людей охватил энтузиазм. В тот же день демонстранты выбили стекла в домах некоторых немцев в Познани и Кракове, а также в здании немецкого посольства в Варшаве. Участники демонстрации перед зданием посольства кричали: “Долой Гитлера! Долой немецких псов! Да здравствует польский Данциг!” Ходили слухи, что в Верхней Силезии уже начались бои. Многие считали войну неизбежной. Почти никто не сомневался в том, какую позицию займет в этом случае немецкое национальное меньшинство.

28 апреля 1939 года Гитлер объявило расторжении польско-германского пакта о ненападении.

Первыми жертвами неизбежной реакции Польши на данное событие снова оказались местные немцы. Немецкие сельскохозяйственные кооперативы были распущены, ряд немецких школ (их и до этого уже было немного) закрыли, местные немцы — активисты культурных учреждений — были арестованы. В середине мая в одном из городков, где на 40 000 поляков приходилось 3000 немцев, во многих немецких домах перебили утварь, разгромили несколько магазинов. В середине июня были закрыты все немецкие клубы, еще продолжавшие действовать к тому времени»^[60].

Польские власти как в 1939 г., так и в 2013 г. упорно отрицали все факты расправ над немцами в Польше. Риторический вопрос, почему тогда с 1 марта по 15 августа 1939 г. в Рейх бежало 75 535 граждан германского происхождения?

15 апреля 1939 г. через своего посла в Москве Чемберлен запросил советское правительство, согласно ли оно дать односторонние гарантии Польше и Румынии.

17 апреля 1939 г. Литвинов вручил британскому послу официальное предложение советского правительства. В нем говорилось:

«Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств».

По этому поводу Уинстон Черчилль писал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: “Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею” — или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил... и история могла бы пойти по иному пути».

4 мая 1939 г. Черчилль опубликовал заявление: «Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без содействия со стороны России. Самое главное — нельзя терять времени».

В ходе дебатов в парламенте Черчилль сказал: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством? Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Что плохого в этом простом предложении? Почему вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну!.. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ней по мере

возможности...»

23 июля 1939 г. советское правительство предложило немедленно начать переговоры о заключении военной конвенции. Хотя Англия и Франция были вынуждены согласиться на посылку своих военных миссий, последние не торопились с приездом и прибыли в Москву только 11 августа. Английская миссия не имела полномочий от своего правительства для подписания соответствующих соглашений. Она состояла из второстепенных лиц и имела инструкции «свести военное соглашение к возможно более общим условиям».

Иную позицию занимала советская делегация, возглавляемая К.Е. Ворошиловым. Она заявила, что СССР готов выставить против агрессора 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5000 тяжелых орудий, 9—10 тысяч танков, 5—5,5 тысячи бомбардировщиков и истребителей. В ответ английская делегация указала, что Англия сможет выставить лишь пять пехотных и одну моторизованную дивизию. Советский план предусматривал, что в случае нападения Германии на Англию и Францию Советский Союз выставит 70% от вооруженных сил, выставленных Англией и Францией против Германии.

В случае нападения Германии на Польшу и Румынию Советский Союз обязывался послать столько же войск, сколько Англия и Франция, а Польша и Румыния — все свои силы.

В случае нападения Германии на Советский Союз через Финляндию, Латвию или Эстонию Англия и Франция должны будут послать 70% от количества сил, выставленных СССР, и немедленно выступят против агрессора; Польша также примет участие в боевых операциях.

Советская делегация подчеркнула, что Советский Союз, не имеющий общих границ с Германией, может оказать помощь Англии, Франции, Польше и Румынии только при условии прохода его войск через территорию Польши и Румынии. Однако Англия и Франция не считали необходимым оказать воздействие на Польшу, чтобы преодолеть ее упорный отказ в случае войны с Германией пропустить советские войска через свою территорию.

Нежелание Польши в столь ответственный момент пропустить советские войска объясняется двумя причинами. Во-первых, это боязнь восстания белорусов и украинцев, которые при виде советских танков пошлют помещиков и осадников к известной матери.

18 августа французский министр иностранных дел Боннэ запросил польского посла в Париже Ю. Лукасевича о причинах отказа в пропуске советских войска. Тот ответил, что «Бек никогда не позволит русским

войскам занять те территории, которые мы у них забрали в 1921 г. Пустили бы вы, французы, немцев в Эльзас-Лотарингию?» На это Боннэ заметил, что угроза столкновения с Германией делает «для вас необходимой помощь Советов». В ответ Лукасевич заявил, что «не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!» Тем не менее он пообещал передать запрос французского правительства в Варшаву. А на следующий день, 19 августа, Бек заявил французскому послу, что «у нас нет военного договора с СССР, мы не хотим его иметь».

Вот и вторая причина отказа — «польская кавалерия за неделю возьмет Берлин!» Только этим можно объяснить одновременный отказ от помощи СССР и новый этап польского давления на Данциг.

Как писал Оскар Райле: «Ходацкий, дипломатический представитель Польши в Данциге, по согласованию с министром иностранных дел Бекон, в ответ на это вручил 4 августа 1939 г. президенту сената вольного города ультиматум. В нем говорилось, что Польша перекроет импорт всех иностранных продуктов питания в Данциг, если правительство вольного города до 18 часов 5 августа не даст твердого согласия, что в будущем оно никогда не станет вмешиваться в дела польских таможенников. Впрочем, последние в дальнейшем при исполнении своих обязанностей в Данцигской области будут носить оружие.

Содержание ультиматума означало не более не менее как угрозу, что Польша намеревается взять измором население вольного города Данцига, если его правительство не выполнит польских требований, поскольку в области вольного города производилось небольшое количество продуктов питания для населения.

По требованию Гитлера Грейзер, президент сената вольного города, следующим утром встретился с дипломатическим представителем Польши и заявил ему, что данцигское правительство подчиняется ультиматуму. Гитлер опасался, что ультиматумом Польша желает спровоцировать конфликт с Германией, и пока пытался сохранить мир...

6 августа, в День легионов Пилсудского, польский маршал Рыдз-Смиглы произнес в Кракове большую праздничную речь. Он заверил, что Польша готова отвечать за все последствия в споре вокруг Данцига. Тогда толпа как по команде закричала: «Отдайте нам Данциг! Отдайте нам Данциг!» Годами ведшаяся психологическая война против Германии переживала апогей...

14 августа польские власти начали массовые аресты немцев в Верхней Силезии. Тысячи арестованных в принудительном порядке отправлялись вглубь страны. Тысячи других пытались бежать в Германию. Немецкие

предприятия и благотворительные организации закрывались, немецкие общества потребкооперации и торговые объединения распускались. Панический страх охватил всех немцев, пока еще проживающих в Польше»^{61}.

18 июля немцы в очередной раз вступили в секретные переговоры с англичанами. С германской стороны переговоры вел «экономист в штатском» некий Вольтат, а с британской — сэр Горас Вильсон, сэр Джозефом Болл и другие. Прочитую служебную записку от 24 июля 1939 г. Сэр Горас представил проект Программы германо-английского сотрудничества, в которой говорилось, что к сотрудничеству можно привлечь и Россию, «в том случае, если политика Сталина будет развиваться соответствующим образом». Как должна была вести себя Россия — нетрудно догадаться.

С весны 1939 г. по май 1941 г. правящие круги Англии готовили сговор с Гитлером за счет Советского Союза. Недаром значительная часть британских правительственных документов до сих пор засекречена, хотя по закону их положено было открыть через 30 лет. Переговоры с нацистами вели не только лорды, но и члены королевской династии. Замечу, что в Англии правила и сейчас правит германская Ганноверская династия. Сам король Эдуард VIII заявил, что все его капли крови — немецкие. Другой вопрос, что из политических соображений Ганноверская династия в 1917 г. переименовала себя в Виндзорскую по месту расположения королевского дворца. Переписку с правительством Германии члены династии вели через своих родственников принцев Волфганга и Филиппа Гессенских. Причем Филипп имел членский билет нацистской социалистической партии за № 53, то есть входил в руководство Рейхом.

Замечу, что в Лондоне работал целый ряд блестящих наших разведчиков, занимавших высокое положение в Великобритании. Так что Сталин был хорошо осведомлен о германо-британских контактах.

В 4 часа 45 минут утра 15 августа 1939 г. шифровальщик германского посольства в Москве разбудил посла графа фон Шуленбурга и вручил ему срочную телеграмму министра иностранных дел фон Риббентропа.

В телеграмме говорилось: «Прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее: ...интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности... У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли

бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств...

Имперское правительство и Советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как Национал-Социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 г. эта политика имела для России катастрофические последствия. В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям...

Имперский Министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени Фюрера изложить взгляды Фюрера господину Сталину».

В сложившейся ситуации Сталин принял единственное решение, соответствовавшее интересам СССР, и согласился принять в Москве Риббентропа.

19 августа 1939 г. посол Шуленбург направил в Берлин текст советского пакта о ненападении.

20 августа в 16 час 55 мин Гитлер отправил Сталину телеграмму:

«Господину Сталину, Москва.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации Имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш Министр иностранных дел господин Молотов...

Я еще раз предлагаю принять моего Министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский Министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола».

Ровно через сутки Сталин отправляет ответ:

«21 августа 1939 г.

Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру

Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами...

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа. И. Сталин».

23 августа 1939 г. Молотов и Риббентроп в Москве подписали «Договор о ненападении между Германией и СССР». На следующий день газета «Правда» опубликовала текст договора. Наиболее интересными там были статья II: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу»; и статья IV: «Ни одна из Договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны».

Кроме того, стороны подписали и секретный дополнительный протокол к договору. Сей протокол является предметом длительных споров, и я вынужден привести его текст полностью: «При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-восточной Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

Полностью этот протокол был опубликован в начале так называемой «перестройки» и сразу же вызвал дикие вопли «совков», перекусившихся в демократов и срочно попрятавших партбилеты^[38]. «Ах, какой ужасный протокол, да еще секретный!» Увы, невдомек нашим «совкам», что секретные приложения к договорам вечны как мир. Почему-то никто не предлагает рассекретить все статьи Тильзитского (1807 г.) мира, которые старательно прячут наши дипломаты.

В приступе русофобии наши либералы даже коверкают русский язык, благо, он для большинства из них не родной. Например, уже много веков существует порядок называть договоры по месту их подписания, а не по именам подписантов. Никто не поймет, что такое договор Наполеона — Александра, зато все знают Тильзитский мир 1807 г., равно как Ништадтский, Парижский, Брестский мир, Мюнхенское, Ялтинское, Потсдамское соглашение и т.д. А вот наши русофобы уже после войны Московский договор называли пактом Молотова — Риббентропа.

В июле 2007 г. в кулуарах студии «Интервидения» важный политический комментатор гневно клеймил пакт Молотова — Риббентропа. Я его в шутку спросил, что он думает о пакте Литвинова — Пилсудского. Тот долго отмалчивался, а в конце концов сказал, что он устал забывать. Я напомнил, что речь идет о Рижском договоре 1920 г., тогда сей персонаж расплылся в улыбке — он-де сей пакт прекрасно знает.

Критики Московского договора 1939 г. выступают исключительно с традиционными «совковыми» постулатами — «Правительство СССР действует в интересах народов всего мира» и «От тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее». Но нельзя же быть таким идиотом, чтобы путать пропагандистские лозунги и реальность. Почему все правительства мира заботятся о своих собственных интересах, а бедная Россия должна заботиться обо всем мире? Да, действительно, Сталин с начала 1920-х гг. до августа 1939 г. боялся возникновения мировой войны и справедливо полагал, что она в любом случае коснется СССР, и всячески противодействовал изменению статуса-кво в мире.

Опять же, надо различать коммунистическую пропаганду о победе мировой революции и реальные планы советского правительства. Спору нет, СССР оказывал материальную поддержку коммунистам в различных странах. Но она не шла ни в какое сравнение с помощью СССР буржуазным правительствам Китая (Чан Кайши), Испании и Чехословакии, куда были посланы сотни самолетов, танков и артсистем.

Риторический вопрос: почему Сталин не мог предположить, что война закончится в ноябре — декабре 1939 г. соглашением между Германией и западными союзниками? Кто в Париже и Лондоне мог предположить, что Польша будет вдребезги разбита за две-три недели, а Франция с Бельгией, Голландией да еще с английской армией — за четыре-пять недель? А если бы такой эксперт и нашелся, то его немедленно упекли бы в психушку.

В 1939 г. в Англии не думали о Дюнкерке, а планировали вторжение в Норвегию и операцию «Катерин». В ходе последней английская эскадра в составе четырех линкоров типа «Роял Соверен» и других кораблей должна была войти в Балтийское море и навести страх на проклятых «бошей». Надо ли приводить дальнейшие примеры уровня мышления западных военных теоретиков?

А почему Сталин не мог, подобно западным теоретикам, предположить, что война на Западе по образцу Первой мировой будет носить позиционный характер, благо, французы на весь мир раструбили о неприступности линии Мажино. Таким образом, через два-три года позиционной войны противники были бы измотаны, а Красная армия, не сделав ни одного выстрела, могла бы диктовать свои условия. Кому могло хоть в страшном сне привидеться, что армии Польши, Франции, Англии, Голландии, Бельгии, Норвегии, Греции и другие не только разбегутся перед немцами, но и галантно отдадут им в полной целости и сохранности все вооружение, а заводы всей Европы, включая «нейтральную» Швецию, начнут работать на Третий рейх?

Подписав договор с Германией, Молотов одним росчерком пера покончил с боевыми действиями на Дальнем Востоке. В секретной телеграмме временного поверенного в делах СССР в Японии Н.И. Генералова, отправленной из Токио в Москву 24 сентября 1939 г., говорилось: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь. Вчера и сегодня происходил непрерывный обмен визитами, и этот факт оживленно обсуждался членами правительства, двора и тайного совета».

Спору нет, поражение японцев у реки Халхин-Гол оказало нужное действие. Но результат этого поражения стал бы катастрофой для, скажем, польской или финской армии, но для Японской империи это была просто неудачная операция, а попросту говоря, булавоочный укол. И именно договор с Германией положил конец необъявленной войне на Дальнем Востоке. Замечу, что кроме крупных сражений на озере Хасан и на реке Халхин-Гол на советско-маньчжурской границе с 1937-го по сентябрь 1939

г. периодически происходили боевые столкновения. А вот после подписания договора и вплоть до 8 августа 1945 г. на границе стало относительно тихо.

Скрытое мобилизационное развертывание польских войск было начато еще 23 марта 1939 г., то есть почти за полгода до германского вторжения. В основу этих мероприятий был положен мобилизационный план «W» от апреля 1938 г., предусматривавший скрытую мобилизацию в мирное время. 13—18 августа польское командование объявило о мобилизации еще девяти соединений, а с 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил. 26 августа начались перегруппировки войск, предусмотренные планом стратегического развертывания. В этот день был получен приказ о выдвигании отобилизованных соединений в намеченные районы сосредоточения. 30 августа был дан приказ армиям и оперативным группам первого эшелона о занятии исходного положения.

Однако из-за безалаберности польских генералов мобилизационный план был выполнен к утру 1 сентября 1939 г. лишь на 60%. В первые же дни сентября численность польской армии была доведена примерно до 3,5 млн. человек. Приводимые же в различных источниках цифры в 840 тысяч человек и т.д. занижены и не учитывают вспомогательных частей, а главное, мобилизованных резервистов.

Мобилизация германской армии началась гораздо позже — 25 августа 1939 г. Процитирую авторитетное справочное издание «Сухопутная армия Германии 1933—1943»: «Начатая 25 августа 1939 г. скрытая мобилизация вооруженных сил по варианту “х” в основном не коснулась экономики. Было воспрещено лишь проведение таких мер, которые могли бы осложнить ее мобилизацию в будущем, хотя, как показала действительность, это распоряжение практически было невыполнимо. Частичные мероприятия, проведение которых было предписано 25 августа военно-промышленным штабом ОКВ [Главным штабом вооруженных сил] военно-промышленным инспекциям, были направлены на быстрое повышение производственной мощности отдельных предприятий военной промышленности. Однако общий план развертывания производства на случай войны не вступил в силу. Лишь в части, касавшейся военно-морского флота, началась реализация целого ряда мероприятий, предусматривавшихся упомянутым планом»^[62].

Польские и советские историки утверждали, что в качестве повода к нападению на Польшу немцы использовали провокацию в пограничном городке Глейвиц. Там сотрудники Гестапо, переодетые в польскую униформу, напали на германскую радиостанцию, убили одного из

сотрудников и выдали в эфир антигерманские воззвания.

Лично я ничего нового об этом инциденте не скажу, поскольку не занимался разбором аргументов ни одной из сторон.

Но на следующий день, 1 сентября, выступая в Рейхстаге, Гитлер объявил о 14 (!) инцидентах на польско-германской границе. Риторический вопрос, если все они были тоже провокациями, почему о них не пишут польские историки? Ведь согласитесь, 14 провокаций — это куда посерьезнее одной.

Вот неполный список инцидентов:

— 24 августа 1939 г.: Самолет «Люфтганза», тип Ju86 D-AMYO, под командованием капитана Ньюмана был сбит на расстоянии 5 или 6 км от немецкого побережья.

— 25 августа: Доклад Государственной полиции в Элбенге, Восточная Пруссия. В результате поджога злоумышленниками из Польши было полностью уничтожено здание лесничества Diedrichswalde в графстве Мариенвердер.

— 25 августа: Вторгшимися польскими военными был полностью взорван мост на территории Германии.

— 30 августа: Государственная полиция в Бреслау доложила, что польскими кавалеристами был застрелен немецкий фермер, работавший в поле, и над территорией Германии огнем противозенитной артиллерии с территории Польши был сбит немецкий самолет.

— 30 августа: В Кракове был застрелен немецкий консул. Убийцей был польский еврей.

Замечу, что сбитие пассажирского самолета над морем или убийство консула куда больший повод к войне, чем захват радиостанции в провинциальном городке.

Между прочим, наши либералы обвиняют Сталина в том, что он в 1940 г. запретил открывать огонь по германским (военным, не пассажирским) самолетам, пролетавшим над территорией СССР.

Когда 31 августа 1939 г. польский посол Липский, постоянно курсирующий между Берлином, Лондоном и Варшавой и с нетерпением ожидаемый в Берлине, в 18 час 30 мин появился в приемной министра иностранных дел Риббентропа, тот спросил его: «Вы обладаете полномочиями вести переговоры по немецким предложениям?» Получив отрицательный ответ, Риббентроп прервал аудиенцию.

Глава 10.

Красная армия освобождает Западную Белоруссию

Начну с интересного вопроса, что думало польское руководство о реакции СССР на начало польско-германской войны?

Польский посол в Москве Гжибовский осенью 1938 г. писал Беку: «О стабилизации отношений [в СССР] не может быть и речи. Более или менее серьезный вооруженный конфликт, думаю, не по силам России».

В 1939 г. Бек говорил дипломату Старженьскому: «Не думаю, чтобы в течение долгих лет нам что-либо угрожало со стороны нашего восточного соседа. Он слишком слаб, чтобы по собственной инициативе начать военные действия. Ни одно государство не выдержит того, чтобы каждые несколько лет расстреливать свои военные и политические кадры. У нас с Россией договор о ненападении и этого нам достаточно»^{63}.

Заместитель Бека вице-министр Я. Шембек в инструкции для польских дипломатических представительств 5 мая 1939 г. писал: «В случае вооруженного конфликта в Европе Советы постараются избежать ситуации, когда они с самого начала окажутся непосредственно втянуты в конфликт всеми своими силами, и попытаются сохранить максимум неиспользованных сил на критический момент войны»^{64}.

Польский историк Марек Корнат, доцент кафедры истории тоталитарных систем писал: «Убежденность польских политиков и дипломатов в нейтралитете СССР в надвигающейся войне сопровождалась интересным предположением. Оно основывалось на том, что если разразится Вторая мировая война (а это не считали предрешенным вплоть до 23 августа), то она будет иметь вид длительного европейского конфликта, имеющего, как и Первая мировая война, несколько этапов. В такой обстановке предполагалось, что в интересах Советского Союза будет сохранить нейтралитет на начальном этапе грядущей войны, чтобы сэкономить силы для заключительного этапа. Из этого следовал вывод, что в начале европейской войны Польша может рассчитывать на нейтралитет СССР и на сохранении статус-кво на всей восточной границе»^{65}.

1 сентября 1939 г. германские войска вступили на польскую территорию. Британский премьер Невиль Чемберлен два дня колебался и

лишь утром 3 сентября объявил в Палате общин, что Англия находится с 11 часов утра 3 сентября в состоянии войны с Германией. «Палата общин, — заметил английский историк Тэйлор, — силой навязала войну колебавшемуся английскому правительству». В тот же день, в 17 часов, объявила войну и Франция.

Замечу, что англичане и французы могли в первый же день войны начать с воздуха разрушение германских промышленных центров. К началу войны англичане имели в метрополии 1476 боевых самолетов и еще 435 самолетов в колониях. И это не считая морской авиации сухопутного базирования. На шести английских авианосцах базировался 221 самолет.

В английской бомбардировочной авиации были подготовлены к боевым действиям 55 эскадрилий (480 бомбардировщиков) и еще 33 эскадрильи находились в резерве.

Франция располагала почти четырьмя тысячами самолетов. В 100-километровой зоне вдоль французской границы находились десятки германских крупных промышленных центров: Дуйсбург, Эссен, Вупперталь, Кёльн, Бонн, Дюссельдорф и др. По этим целям с приграничных фронтовых аэродромов могли действовать с полной боевой нагрузкой далее легкие одномоторные бомбардировщики. А истребители союзников на всем маршруте могли прикрывать действия своих бомбардировщиков.

Англия и Франция к августу 1939 г. имели 57 дивизий и 21 бригаду против 51 дивизии и 3 бригадах у немцев, притом что большая часть германских дивизий была брошена против Польши.

Однако после формального объявления войны на француско-германской границе ничего не изменилось. Немцы продолжали возводить укрепления, а французские солдаты передовых частей, которым было запрещено заряжать оружие боевыми патронами, спокойно глазели на германскую территорию. У Саарбрюккена французы вывесили огромный плакат: «Мы не произведем первого выстрела в этой войне!» На многих участках границы французские и немецкие военнослужащие обменивались визитами, продовольствием и спиртными напитками.

Позже германский генерал А. Йодль писал: «Мы никогда, ни в 1938, ни в 1939 г., не были собственно в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными». Это подтвердил и генерал Б. Мюллер-Гиллебранд:

«Западные державы в результате своей крайней медлительности упустили легкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии военного времени и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 г. были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным».

Замечу, что к августу 1939 г. политическое положение Гитлера не было столь прочно, как в августе 1940 г., после многочисленных побед германского оружия. Генералы вермахта были недовольны фюрером, и в случае решительного наступления союзников на западе и массированных бомбардировок германских городов генералы вполне могли устроить путч и уничтожить Гитлера.

Однако союзники и пальцем не пошевелили, чтобы помочь Польше. Ни одна дивизия союзников не перешла в наступление на западе, и ни одна бомба не упала на германские города. Позже эти действия английские и французские историки справедливо окрестят «странной войной». Вот на море, правда, английские моряки занялись любимым со времен сэра Френсиса Дрейка делом — каперством. Они с удовольствием захватывали во всех районах Мирового океана германские суда. Дело это, кстати, очень прибыльное — потерь никаких, а деньги большие.

Совковые и либеральные историки утаили от нас, что в сентябре 1939 г. в войну вместе с Германией вступила Словакия. Мало того, на Польшу хотела напасть и Литва. Ее буржуазное правительство стянуло к границе с Польшей все три свои дивизии, а польское командование в свою очередь выставило заслон из двух дивизий на литовской границе. Однако советское правительство не хотело, чтобы Литва дружила с Гитлером против Польши, и после соответствующего дипломатического демарша литовские войска остались на своих позициях.

Подробное описание действий вермахта в Польскую кампанию выходит за рамки монографии. Я лишь скажу, что в ходе всей кампании немцы потеряли убитыми всего 16 343 солдата и офицера и 320 человек пленными и пропавшими без вести. Для справки скажу, что летом 1940 г. в ходе разгрома французской, английской, голландской и бельгийской армий немцы потеряли около 45 тысяч убитыми и 630 человек пленными и пропавшими без вести. А вот за первые три месяца восточной кампании в России немцы потеряли 149 тысяч человек убитыми и 8900 пленными и без вести пропавшими, не считая потерь германского флота, финнов, венгров, итальянцев и румын^[39].

Уже 5 сентября последовал приказ польского главного командования,

предлагавший оставшимся частям армии «Поможе» «маршировать за армией “Познань”... на Варшаву». К 6 сентября польский фронт рухнул. Еще 1 сентября из Варшавы бежал президент страны И. Мосцицкий. 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений. 5 сентября бежало правительство, а в ночь на 7 сентября бежал и главнокомандующий армией Э. Рыдз-Смиглы. 8 сентября германские войска уже вели бои в предместьях Варшавы. 9—11 сентября польское правительство вело переговоры с французским правительством о предоставлении ему убежища. 16 сентября начались польско-румынские переговоры о транзите польского руководства во Францию.

Современный историк доктор Корнат восхваляет польское правительство: «Важным успехом политики Бека было то, что польско-германский конфликт в 1939 г. принял международный характер [т.е. была развязана Вторая мировая война! — А.Ш.]. Это был максимум того, что в тех условиях могла добиться польская дипломатия... Любое другое решение, которое могла выбрать Польша в 1939 г., было худшей альтернативой, чем та, которую она выбрала»^[66].

В первых числах сентября 1939 г. перед советским правительством встал вопрос, что делать в сложившейся обстановке? Теоретически были возможны три варианта: 1 — начать войну с Германией; 2 — занять часть территории Польши, населенной белорусами и украинцами; 3 — вообще ничего не делать.

О первом варианте, то есть о войне СССР с Германией и Японией в одиночку и при враждебном отношении Англии и Франции, уже говорилось. Третий вариант дал бы немцам возможность сэкономить несколько недель в 1941 г. и позволил бы взять Москву еще в августе — сентябре 1941 г. И дело тут не столько в потерях личного состава вермахта в летнюю кампанию 1941 г., а в выходе из строя бронетехники и автомобилей.

Русские дороги — «семь загибов на версту» — летом — осенью 1941 г. вывели из строя до 80% германской техники. Трофейные французские автомобили вышли из строя еще до Смоленска, а затем стали лететь и германские автомобили, включая полугусеничные. Уже в июле люфтваффе пришлось организовать доставку танковых двигателей и других запчастей по воздуху^[40]. А в сентябре — октябре германские солдаты начали шарить по русские деревням и забирать худых советских лошадей и крестьянские телеги. Тысячи пленных были расконвоированы и посажены ездовыми на эти телеги. Но все эти экстраординарные меры не спасли

передовые части вермахта, в ноябре — декабре 1941 г. остро ощущавшие дефицит топлива и боеприпасов.

Любопытно, что Риббентроп уже в первых числах августа 1939 г. начал пугать советский Наркомат иностранных дел возможным созданием каких-либо третьих государств на территории Польши, если туда не войдут советские войска. Речь шла о государстве украинских националистов.

Летом 1939 г. между руководством вермахта и лидером ОУН А. Мельником шли интенсивные переговоры о создании армии ОУН, причем немцы давали авансы на создание «Украинской державы». В августе 1939 г. в Словакии был сформирован Украинский легион под командованием полковника Р. Сушко в составе около 1500 человек.

Немецкое командование в начале сентября «начало передислокацию Легионов из Словакии в направлении Львова, однако введение СССР войск в Польшу и занятие советскими войсками Львова вынудили вермахт перебросить легионеров в район города Санок».

Независимо от легиона в глубоком тылу поляков начали действовать подразделения ОУН общей численностью около 7700 человек, которые за две недели взяли в плен свыше 3,6 тыс. польских солдат.

Риторический вопрос: был ли Сталин заинтересован в создании государства УПА на территории Западной Украины и Западной Белоруссии? (Эту часть Белоруссии УПА считало своей.) Оно государство с сентября 1939 по июнь 1941 г. вполне могло сформировать миллионную армию и оснастить ее современной германской техникой. (Разумеется, с благословения фюрера.) Нельзя упускать и моральный фактор. Одно дело, когда войска Киевского особого и Одесского военных округов сражаются с вермахтом, а другое дело — с профессиональной украинской армией.

Так что оставался только второй вариант, и советские войска 17 сентября перешли польскую границу, формально нарушив польско-советский пакт о ненападении 1932 г. Почему формально? Ну, представьте, вы заключили договор с дееспособным человеком, а теперь он хрипит в агонии. Можно ли по-прежнему считать договор действительным? В частной жизни можно попытаться заставить выполнить условия договора наследников или страховую компанию. 17 сентября у Польши не было наследников, если не считать Германии. Международное право предусматривает аннулирование договора, если государство-контрагент прекращает свое существование. Правда, нашелся некий «известный советский историк» М.И. Семиряга, который утверждал, что, мол, договоры продолжают сохранять свое действие, «если государство-контрагент прекращает существование... если его высшие органы

продолжают олицетворять его суверенитет в эмиграции, как было с польским правительством»^[67].

Начнем с того, что 17 сентября 1939 г. не было никакого польского правительства в эмиграции, а члены бывшего польского правительства в этот день пересекали румынскую границу, но где они конкретно находились, не знали ни уцелевшие польские части, ни Москва, ни Лондон. А само утверждение Семиряги представляет полнейший бред.

Разгулявшийся «известный советский историк» считает сталинским преступлением цитирование Ф. Энгельса в журнале «Большевик»: «Чем больше я размышляю об истории, тем яснее мне становится, что поляки — une nation foute (разложившаяся нация), которая нужна как средство лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши не имеет абсолютно никакого *raison d'être* (смысла). Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей. Нельзя указать ни одного момента, когда Польша, даже по сравнению с Россией, играла бы прогрессивную роль или вообще совершила что-либо, имеющее историческое значение...»^[68]

Ай да Семиряга — борец за свободу слова, но только для себя и себе подобных! Замечу, что экономические теории Маркса и Энгельса критикуются уже свыше ста лет, но пока никто не утверждал, что Энгельс плохо разбирался в политике и в военном деле. Да и сам Семиряга возразить Энгельсу ничего не может.

Министр иностранных дел Германии Риббентроп в 18 час 50 мин 3 сентября 1939 г. телеграфировал германскому послу в Москве Шуленбургу (телеграмма получена 4 сентября в 0 час 30 мин). Телеграмма гласила: «Главе посольства или его представителю лично. Секретно! Должно быть расшифровано лично им! Совершеннейше секретно!

Мы безусловно надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния.

Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере

влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах».

Шуленбург ответил Риббентропу 5 сентября в 14 час 30 мин: «Молотов попросил меня встретиться с ним сегодня в 12.30 и передал мне следующий ответ советского правительства: “Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов”».

В ночь с 8 на 9 сентября Риббентроп отправил Шуленбургу новую телеграмму с просьбой поторопить советское правительство. «Развитие военных действий, — говорилось в телеграмме, — даже превосходит наши ожидания. По всем показателям польская армия находится более или менее в состоянии разложения. Во всех случаях я считал бы неотложным возобновление Ваших бесед с Молотовым относительно советской военной интервенции [в Польшу]. Возможно, вызов русского военного атташе в Москву показывает, что там готовится решение».

9 сентября Шуленбург телеграфировал в Берлин: «Молотов заявил мне сегодня в 15 часов, что советские военные действия начнутся в течение ближайших нескольких дней. Вызов военного атташе в Москву был действительно с этим связан. Будут также призваны многочисленные резервисты».

9 сентября германское информационное бюро ДНБ передало в эфир заявление главнокомандующего вермахта генерала Браухича, что ведение боевых действий в Польше уже не является необходимым, и при таком развитии событий может произойти германо-польское перемирие. Было ли это очередной «уткой» Геббельса или сотрудники ДНБ переврали Браухича, теперь установить сложно.

14 сентября 1939 г. газета «Правда» опубликовала редакционную статью «О внутренних причинах военного поражения Польши». В ней говорилось: «В чем же причины такого положения, которые привели Польшу на край банкротства? Они коренятся, в первую очередь, во внутренних слабостях и противоречиях польского государства. Польша является многонациональным государством. В составе населения Польши поляки составляют всего лишь около 60%, а остальные 40% составляют национальные меньшинства — главным образом украинцы, белорусы и евреи. Достаточно указать, что украинцев в Польше 8 миллионов, а белорусов около 3 миллионов... Национальная политика правящих кругов

Польша характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств и особенно украинцев и белорусов. Западная Украина и Западная Белоруссия — области с преобладанием украинского и белорусского населения — являются объектами самой грубой, беззастенчивой эксплуатации со стороны польских помещиков... Национальные меньшинства Польши не стали и не могли стать надежным оплотом государственного режима. Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих его народов, а наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы. В этом корень слабости польского государства и внутренняя причина его военного поражения».

15 сентября 1939 г. в 4 час 20 мин Военный Совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, в котором говорилось: «Белорусский, украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичьей капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Главным силам польской армии германскими войсками нанесено тяжелое поражение. Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей — содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта — уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее литовской границы и линии Гродно — Кобрин».

В 2 часа ночи 17 сентября Сталин вызвал в Кремль германского посла Шуленбурга и сообщил ему, что Красная армия в 6 часов утра перейдет границу с Польшей. Сталин просил Шуленбурга передать в Берлин, чтобы немецкие самолеты не залетали восточнее линии Белосток — Брест — Львов, и зачитал ноту, подготовленную для передачи польскому послу в Москве. Шуленбург немного уточнил текст этой ноты, Сталин согласился с его поправками, после чего посол, вполне удовлетворенный, уехал из Кремля.

А уже в 3 час 15 мин утра польскому послу в Москве В. Гжибовскому была вручена нота советского правительства, в которой говорилось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава,

как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных дел СССР

В. Молотов».

В ответ посол Гжибовский гордо отказался принять ноту, заявив, что «это было бы несовместимо с достоинством польского правительства». Однако наши дипломаты предусмотрели и такой вариант событий. Пока посол был в здании Наркомата иностранных дел, наш курьер отвез ноту в польское посольство и передал ее сторожу.

В тот же день все послы и посланники иностранных государств, находившиеся в Москве, получили идентичные ноты советского правительства, где говорилось о вручении ноты польскому послу с приложением оной, и говорилось, что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношении «Вашей страны». Таким образом, Сталин послал правительствам Англии и Франции ясное предупреждение, что он не намерен воевать с ними, и там его правильно поняли.

В Польше реакция на советскую ноту и вторжение советских войск была противоречивой. Так, командующий польской армией Рыдз-Смиглы отдал два взаимоисключающих приказа по армии. В первом

предписывалось оказывать советским частям вооруженное сопротивление, а во втором, наоборот, — «с большевиками в бой не вступать»^{69}. Другой вопрос, что проку от его приказов было мало, поскольку он уже давно потерял управление войсками.

А вот командующий армией «Варшава» генерал Юлиуш Руммель дал указание рассматривать перешедшие границу советские части как «союзнические», о чем свидетельствует документ, адресованный советскому послу:

«Инспектор армии генерал дивизии Юлиуш Руммель.

Варшава, 17 сентября 1939 г.

Господин посол!

Как командующий армией, защищающей столицу Польской республики, и будучи представителем командования польской армии в западном районе Польши, я обращаюсь к господину послу по следующему вопросу.

Запрошенный командирами частей польской армии на восточной границе, как они должны относиться к войскам Советской республики, вступающим в границы нашего государства, я ответил, что части армии СССР следует рассматривать как союзнические.

Имею честь просить господина посла дать разъяснение, как к моему приказу относится армия СССР.

Командующий армией «Варшава» Руммель»^{70}.

Сейчас в польской литературе можно встретить мнение, что польское правительство допустило серьезную ошибку, не объявив формально войну СССР, что позволило бы интернационализировать конфликт в «четыре часа утра». («Жите Варшавы», 17 сентября 1993 г.).

Конечно, втянуть Англию и Францию в сентябре 1939 г. в войну с СССР польскому правительству не удалось бы. Правительства Англии и Франции заранее порекомендовали Польше не объявлять войну СССР. Однако статья в «Жите Варшавы» весьма симптоматична. Я лично слышал от одного компетентного человека, что в 1940—1941 гг. советское правительство имело разведданные о подготовке поляками провокации с целью вызвать советско-германскую войну.

В нашей прессе с хрущевских времен высмеиваются призывы советского руководства в первой половине 1941 г. «не поддаваться на провокации». Мол, из-за этого многие командиры были серьезно дезориентированы в первые часы войны. Все верно. Но почему-то никто не заинтересовался, а каких провокаций так опасался Сталин? Кто мог в 1941

г. устроить провокацию на советско-германской границе? Гитлер? Зачем же ему нужно было лишать себя фактора внезапности и дать возможность СССР начать всеобщую мобилизацию и т.д.? Неужто и без провокаций Геббельс не сумел бы объяснить немцам причины нападения на СССР? Так может быть кучка германских офицеров без санкции руководства решилась бы на провокацию, чтобы развязать войну с СССР? Увы, это исключено.

Как и в советское время, наши официальные военные историки продолжают называть действия Красной армии в Польше «Освободительным походом в Западную Украину и Белоруссию». Либералы говорят о нападении на Польшу.

Я же заявляю: войны как таковой не было, имело место лишь сопротивление отдельных польских частей и членов милитаризованных организаций. Так, в первый день наступления потери советских войск составили 3 человека убитыми и 24 ранеными, еще 12 человек утонуло.

А вот как мотоколонны 3-й и 11-й армий занимали Вильно. К 18 сентября в Вильно находилось 16 батальонов пехоты (7 тысяч солдат и 14 тысяч ополченцев) при 14 полевых орудиях. В 9 часов утра командующий гарнизона полковник Я. Окулич-Козарин отдал приказ: «Мы не находимся с большевиками в состоянии войны, части по дополнительному приказу оставят Вильно и перейдут литовскую границу; небоевые части могут начать оставление города, боевые — остаются на позициях, но не могут стрелять без приказа». Но многие офицеры восприняли этот приказ как измену, и по Вильно поползли слухи, будто бы в Германии произошел переворот и Румыния с Венгрией объявили Германии войну. Поэтому полковник Окулич-Козарин, планировавший отдать приказ об отступлении в 16 час 30 мин, отдал его только в 8 часов вечера.

В 19 час 10 мин командир 2-го батальона, развернутого на южной и юго-западной окраине города, подполковник С. Шилейко доложил о появлении советских танков и запросил разрешения открыть огонь. Пока Окулич-Козарин отдал приказ об открытии огня, пока этот приказ передали войскам, восемь советских танков уже прошли первую линию обороны, и для борьбы с ними были направлены резервные части.

Около 20 часов Окулич-Козарин отдал приказ на отход войск из города и выслал подполковника Т. Подвысоцкого в распоряжение советских войск, чтобы уведомить командование, что польская сторона не хочет с ними сражаться, и потребовать их ухода из города. После этого Окулич-Козарин уехал из Вильно, а Подвысоцкий решил защищать город и около 21 час 45 мин отдал приказ о приостановке отхода войск.

А в это время в Вильно шли уличные бои, в которых участвовала в

основном виленская молодежь. Учитель Г. Осиньский организовал из учащихся гимназий добровольные команды, занявшие позиции на возвышенностях. Стреляли только старшеклассники, а те, кто помладше, подносили боеприпасы и обеспечивали связь.

18 сентября около 19 час 30 мин к Вильно подошли 8-й и 7-й танковые полки и завязали бой за южную часть города. 8-й танковый полк в 20 час 30 мин ворвался в южную часть города, а 7-й танковый полк, натолкнувшись на активную оборону, только на рассвете 19 сентября вошел в юго-западную часть Вильно.

Тем временем 6-я танковая бригада форсировала Березину, прошла Гольпаны и в 20 часов 18 сентября была уже на южных окраинах Вильно, где установила связь с 8-м танковым полком. Польские отряды молодежи с горы Трех Крестов обстреляли из артиллерийских орудий наступающие советские танки. Также поляки широко использовали бутылки со смесью бензина и нефти и подожгли один советский танк.

19 сентября к 8 часам утра к Вильно подошли части 3-го кавалерийского корпуса. 102-й кавалерийский полк начал наступление на юго-восточную окраину города, 42-й кавалерийский полк обошел город с востока и сосредоточился на его северо-восточной окраине, а 7-я кавалерийская дивизия начала обходить Вильно с запада. К 13 часам был занят железнодорожный вокзал. В 16 часов началась перестрелка у Зеленого моста, в ходе которой поляки подбили одну броне машину и один танк. Еще в 11 час 30 мин подошла мотогруппа 3-й армии.

К 18 часам 19 сентября обстановка в Вильно нормализовалась, хотя вплоть до 2 часов ночи 20 сентября то тут, то там возникали отдельные перестрелки.

В боях за Вильно 11-я армия потеряла 13 человек убитыми и 24 ранеными, было подбито 5 танков и 4 бронемшины.

20—23 сентября советские войска подтягивались к Вильно и занимались очисткой города и прилегающих районов от польских частей. Всего было взято в плен около 10 тысяч человек, трофеями советских войск стали 97 паровозов, 473 пассажирских и 960 товарных вагонов (из них 83 с продовольствием, 172 с овсом, 6 с боеприпасами, 9 цистерн с бензином и 2 цистерны со спиртом).

19 сентября в 3 час 30 мин 3-я армия получила приказ организовать охрану латвийской и литовской границы.

Вечером 18 сентября войска 16 стрелкового корпуса 11-й армии развернулись на северо-запад и двинулись к городу Лиде. 19 сентября Лида была взята почти одновременно частями 11-й армии и конно-

моторизованной группы.

Южнее 11-й армии наступала конно-моторизованная группа, имевшая задачей в первый день наступления достичь Любча и Кирин, а на следующий день форсировать реку Молчадь и двигаться на Волковыск.

Вечером 17 сентября 6-й кавалерийский корпус форсировал реку Ушу. Передовой отряд 11-й кавалерийской дивизии в ночь на 18 сентября занял Новогрудок. 19 сентября в 3 часа ночи мотоотряд под командованием командира корпуса А.И. Еременко занял Волковыск.

Вечером 20 сентября части конно-моторизованной группы двинулись с юга на Гродно. В городе к тому времени находились два батальона и штурмовая рота 29-й пехотной дивизии, 31-й караульный батальон, 5 взводов позиционной артиллерии (5 орудий), 2 зенитно-пулеметные роты, двухбатальонный отряд полковника Ж. Блюмского, батальон национальной обороны «Поставы» и спешенный 32-й дивизион Подляской кавалерийской бригады. В городе было много жандармерии и полиции. Командующий округом «Гродно» полковник Б. Адамович был настроен на эвакуацию частей в Литву.

Уже 17 сентября 1939 г. на улицах Гродно началось восстание белорусского и еврейского населения.

Утром 18 сентября командующий Гродненского военного округа полковник Б. Адамович приказал резервистам расходиться по домам, а сам «морально настроился» на отступление в Литву. Прибывший в Гродно из Пинска командующий округа III корпуса генерал И. Ольшина-Вильчинский также не верил в возможность долгой обороны и поэтому приказал некоторым подразделениям выдвинуться в район Сопоткино с целью прикрытия польских войск, отступавших к Литве.

В тот же день командующий округа покинул Гродно, не назначив никого из офицеров ответственными за оборону города. Гродно также спешно покинули староста Т. Валицкий, президент города В. Уенский и ряд чиновников польской администрации.

Это активизировало местных коммунистов. Они заняли центральную площадь Гродно. Используя вырытые для защиты от авианалетов рвы как окопы, они поставили под свой контроль сходящиеся в этом месте шоссе в направлении Белостока, Лиды и Вильно. Поляки устранили эту угрозу силами 31-го охранного батальона. Их потери составили два человека ранеными.

Немцы окружили Варшаву, а в Гродно поляки вывешивали плакаты: «Вновь жидовские лапы? Нет, никогда!»

Белорусские историки утверждают, что восстанием в Гродно

руководил горком компартии во главе с Ф.С. Пастернаком. 18 сентября восставшие захватили тюрьму и выпустили из нее заключенных. Однако подоспевшие польские части отбили часть эков и убили 26 повстанцев.

18 сентября близ Гродно в Скидельском районе белорусские крестьяне разоружили полицию, заняли почту и железнодорожную станцию. Однако на следующий день туда прибыл польский карательный отряд численностью свыше 200 человек. Польские солдаты убили 17 крестьян, из них двух подростков 13 и 16 лет. Но утром 20 сентября карательный отряд был атакован моторизованной группой 16-го стрелкового корпуса под командованием комбрига Розанова. Танки с ходу вступили в бой и разгромили поляков.

В тот же день, 20 сентября, в 13 часов пятьдесят танков 27-й танковой бригады подошли к южной окраине Гродно, с ходу атаковали поляков и уже к вечеру заняли южную часть города и вышли на берег Немана. Несколько советских танков прорвались через мост в центр Гродно. Но танки, не поддержанные пехотой, были атакованы солдатами, полицейскими и польской молодежью, которые использовали артиллерийские орудия и бутылки с зажигательной смесью. Часть советских танков им удалось уничтожить, а остальные вернулись обратно за Неман.

К 18 часам 20 сентября 27-я танковая бригада и 119-й стрелковый полк 13-й стрелковой дивизии находились в южной части Гродно. Группа младшего лейтенанта Шайхудинова переправилась на лодках на правый берег Немана в 2 км восточнее Гродно, где начала бой за кладбище, на котором были оборудованы пулеметные гнезда. В ходе этого ночного боя 119-й полк закрепился на правом берегу Немана и вышел на подступы к восточной окраине города.

Утром 21 сентября к Гродно подошел 101-й стрелковый полк, он также переправился на правый берег и развернулся севернее 119-го полка. В 6 часов утра оба полка, усиленные четырьмя орудиями и двумя танками, атаковали город и к полудню вышли на линию железной дороги, а к 14 часам находились уже в центре Гродно, но к вечеру были отведены на окраину.

С рассветом 22 сентября моторизованная группа 16-го стрелкового корпуса вошла в Гродно с востока. В ночь на 22 сентября польские войска бежали из города. Взятие Гродно обошлось РККА в 57 убитых и 159 раненых, было подбито 19 танков и 4 бронемшины. На поле боя захоронили 644 поляков, взяли в плен 1543 военнослужащих, советскими трофеями стали 514 винтовок, 50 револьверов, 146 пулеметов, один 40-мм зенитный автомат и один миномет.

Обратим внимание: и вермахт, и РККА старательно повторяли одну и ту же ошибку — пытались штурмовать в лоб города, занятые польскими войсками, где их поддерживала наиболее фанатичная часть польского населения. Мало того, многие польские города имели в своих предместьях укрепления и, таким образом, превратились в мощные крепости. Те же Гродно и Брест к 1914 г. были русскими крепостями. Кроме того, в 1920—1930-х гг. поляки построили у многих городов целые укрепрайоны с бетонными дотами, для поражения которых требовались мортиры или гаубицы калибра не менее 280 мм.

Любопытно, что в ХХІ веке бои местного значения в Гродно стали «символом героизма поляков».

Вот, к примеру, панна Липиньская написала книгу «Если забуду о них?», в которой в красках расписан эпизод из боев за Гродно в сентябре 1939 г. Там советские танкисты распяли на броне танка польского мальчика: «На броне танка распятый ребенок. Мальчик. (...) Кровь из его ран течет ручьями. (...) Из танка выскакивает черный танкист с браунингом, за ним второй. Грозит кулаком, кричит, в чем-то обвиняет нас и мальчика. (...) Глаза мальчика полны страха и муки. С безграничным доверием он отдается нам. (...) Мы убегает. У мальчика пять пулевых ранений. Он хочет к маме... Он пошел в бой, бросил бутылку с бензином на танк, но не поджег, не сумел... Выскочили из танка, били, хотели убить, а потом привязали на танке».

Надо ли объяснять нашему читателю, почему демократические СМИ не перепечатаывают у нас подобные «миникатыни»? Да любой человек пойдет в музей и увидит, что на броне Т-26, БТ или Т-37 физически невозможно никого распять, не закрывая обзора механику-водителю. Человеческое тело не может служить защитой танка от снарядов противника, пули же из обычного стрелкового оружия и так не продырявят броню.

Если бы подросток действительно бросил бутылку с зажигательной смесью в танк, то его легко можно было поразить из пулемета, а вот вылезать танкистам из-за брони, гоняться за парнем по улицам, втаскивать его на броню, привязывать и т.д., и все это под огнем поляков... Бред какой-то.

Кто-то из читателей уже поморщился: ну, написала чушь дура какая-то, а Широкоград привязался, де еще обобщения делает. Увы, Гражина Липиньская Владислава, в девичестве Соколовская, далеко не дура. Уже в 1918 г. во Львове она вступила в отряд боевиков и вела разведку против украинских войск. В 1920 г. участвовала в боях с Красной армией.

В 1921 г. заслана в Силезию (где большинство населения тогда составляли немцы) для организации терактов и массовых беспорядков.

В сентябре 1939 г. Липиньская участвовала в боях в Гродно. В январе 1942 г. возглавляет разведку Армии Крайовой на Востоке (глава резидентуры в «польском городе Минске»). В июле 1944 г. арестована НКВД на территории Белоруссии и обвинена в шпионаже в пользу Англии. Выпущена на свободу в 1956 г. Короче — матерая шпионка и террористка — польский «агент 007».

Сказка панны Липиньской вызвала бурю восторга в Польше. В СМИ напечатали кучу показаний анонимных свидетелей того, как советские танкисты массово использовали детей в качестве живых щитов.

Сказочный герой Липиньской обрел имя — Тадеуш Ясинский, и вот... в 2007 г. активисты Союза Поляков Беларуси якобы нашли могилу героя на кладбище в Гродно и установили памятник. В ряде городов Польши в честь Т. Ясинского названы улицы.

В связи с «70-й годовщиной агрессии России против Польши» президент Польши Лех Качинский постановил: «За выдающийся вклад в дело независимости республики Польской и проявленный героизм при обороне Гродно в 1939 году наградить: Крестом Командорским Ордена Возрождения Польши, посмертно Тадеуша Ясинского».

Итак, глава польского государства официально признал, что русские танкисты распинали на броне польских мальчиков и использовали их в качестве щита.

Самое же забавное, что гродненские мальчишки действительно оказывались на броне наших танков.

Вот рассказ советских танкистов: «Первыми в город Гродно ворвались танки. Улицы были спокойны, дороги целы. Чугунный мост, перекинутый через реку, был свободен. Танки подошли к мосту. Вдруг откуда-то выскочил мальчик лет 14. Размахивая лоскутком красной материи, он быстро бежал навстречу танкам. Танкист Николаев открыл люк и высунулся из танка. Увидев танкиста, мальчик крикнул ему на белорусском языке:

— Товарищи! Под мостом офицеры поставили мины! Берегитесь, они могут взорваться!

В этот момент из ближайших домов раздались выстрелы. Мальчик быстро скрылся в подворотне. Танкисты не успели узнать даже имя маленького героя. Танк развернулся и приготовился к сражению».

А вот воспоминания поляков — участников боев: «Например, Я. Семинский, упоминая в своих воспоминаниях “факты наличия на

советских танках евреев, которые сбежали из Гродно до начала войны. Были опознаны Александрович, Липшиц, Маргулис и другие. Они указывали экипажам стратегические пункты...»^[71].

Уж очень сильно «малая Катынь» похожа на большую. Мальчики, показывавшие дорогу танкистам, трансформировались в жертвы русских садистов, распинавших детей.

Но мы увлеклись польским эпосом, и пора вернуться к сентябрьскому наступлению Красной армии.

Во втором эшелоне за конно-моторизованной группой наступали войска 10-й армии. Они 19 сентября перешли границу с задачей выйти на фронт Новогрудок — Городище, а затем двигаться на Дворец. К исходу первого дня наступления части 10-й армии вышли к рекам Неман и Уша, а к вечеру 20 сентября вышли на рубеж Налибоки — Деревна — Мир, после чего получили задачу выдвигаться на фронт Сокулка — Большая Берестовица — Свислочь — Новый Двор — Пружаны.

Вечером 20 сентября приказом командующего Белорусским фронтом 10-й армии были подчинены войска 5-го стрелкового, 6-го кавалерийского и 15-го танкового корпусов. Однако на следующий день, после переговоров командующих 10-й армией, конно-моторизованной группой и Белорусского фронта, решено было оставить 6-й кавалерийский и 15-й танковый корпуса в составе конно-моторизованной группы.

17 сентября в 5 часов утра началось наступление на фронте 4-й армии, в задачу которой входило, двигаясь на Барановичи, к вечеру первого дня выйти на линию Снов — Жиличи. К 10 часам вечера 29-я танковая бригада овладела Барановичами и расположенным здесь же укрепрайоном, который не был занят польскими войсками. Первым в город вошел танковый батальон под командованием И.Д. Черняховского.

В районе Барановичей советские войска взяли в плен около 5 тысяч польских солдат, четыре противотанковые пушки и два эшелона с продовольствием.

8-я стрелковая дивизия 4-й армии заняла Несвиж и продвинулась до Снува, а 143-я стрелковая дивизия заняла Клецк. К вечеру 18 сентября 29-я и 32-я танковые бригады, двигавшиеся по шоссе Барановичи — Кобрин, вышли на реку Шара, 8-я стрелковая дивизия прошла Барановичи, а 143-я стрелковая дивизия продвинулась до Синявки.

К исходу 19 сентября 29-я танковая бригада вошла в Пружаны, где оставалась до 22 сентября. 32-я танковая бригада заняла местечко Миньки, расположенное на шоссе Барановичи — Кобрин. 8-я стрелковая дивизия подошла к реке Шара, 143-я стрелковая дивизия заняла район Ольховка —

Городище.

20 сентября к 21 часу 32-я танковая бригада вошла в Кобрин, а 8-я стрелковая дивизия — в Ружаны, 143-я стрелковая дивизия заняла Ивацевичи.

29-я танковая бригада, оставшаяся в Пружанах, занималась осмотром и ремонтом танков и вела разведку в сторону Бреста. У Видомля был установлен контакт с германскими частями.

В ночь на 24 сентября отряд 27-й танковой бригады в составе 20 танков БТ-7 занял город Сувалки. В тот же день советские части заняли город Сейн.

Части 3-й армии продолжали охранять латвийскую и литовскую границы от Дриссы до Друскенинка. 11-я армия начала передислокацию вдоль литовской границы к Гродно. 16-й стрелковый корпус продолжал продвигаться в сторону Гродно и 21 сентября занял Эйшишки.

26—28 сентября части 3-й и 11-й армий закрепились на границе с Литвой и Восточной Пруссией от Друскенинка до Щучина.

21 сентября в Волковыске прошли переговоры между представителями германского командования и командованием 6-го кавалерийского корпуса, на которых была согласована процедура отвода немецких войск из Белостока. В это время части 6-го корпуса находились на линии Большая Берестовица — Свислочь. 22 сентября в 13 часов в Белосток прибыл передовой отряд в 250 человек под командованием полковника И.А. Плиева, а к 16 часам процедура приема Белостока у немцев завершилась, и немцы оставили город.

В тот же день в Белосток вошла 6-я кавалерийская дивизия, а 11-я кавалерийская дивизия достигла района Крынки-Бялостоцкие — Городок.

25 сентября в 15 часов 20-я мотобригада, переданная в состав 10-й армии, приняла у немцев Осовец. 26 сентября бригада вошла в Соколы, а к вечеру 29 сентября была у Замбруве.

Во втором эшелоне за войсками 6-го кавалерийского корпуса двигался 5-й стрелковый корпус, 20 сентября переданный в состав 10-й армии. Утром 24 сентября 5-й корпус двинулись на линию Свислочь — Порозова, а его передовые отряды в 13 часов 25 сентября заняли Бельск-Подляски и Браньск. 27 сентября передовые отряды корпуса были в Нуре и Чижеве. В районе Гайнувки части 5-го корпуса обнаружили польские военные склады, где находилось около 14 тысяч снарядов, 5 млн. патронов, одна танкетка, две бронемшины, две автомашины и две бочки горючего, все это стало трофеями Красной армии.

На южном участке фронта двинулись на запад части 4-й армии. 22

сентября в 15 часов 29-я танковая бригада вошла в Брест, занятый немецким 19-м моторизованным корпусом. Комбриг С.М. Кривошеин вспоминал, что на переговорах с Гудерианом он предложил следующую процедуру парада: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши». Гудериан, настаивавший на проведении полноценного парада с предварительным построением, согласился все-таки на предложенный вариант, «оговорив, однако, что он вместе со мной будет стоять на трибуне и приветствовать проходящие части».

К 29 сентября войска Белорусского фронта продвинулись до линии Щучин — Стависки — Ломжа — Замбрув — Цехановец — Косув-Ляцки — Соколув-Подляски — Седльце — Луков — Вохынь.

Глава 11.

Воссоединение Западной и Восточной Белоруссии

28 сентября в Москве Риббентроп и Молотов подписали «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией», где говорилось: «Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям». В дополнительном протоколе была указана новая советско-германская граница. Во 2-й статье договора говорилось: «Обе Стороны признают установленную в статье I границу ободных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение». Статья III гласила: «Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР».

Сразу же встал вопрос о новых границах БССР. Советское правительство было вынуждено решать территориальные проблемы быстро — с учетом внешней угрозы. При этом следует учитывать, что речь шла не о границах независимых государств, а об административном делении. В 1960-х гг., будучи школьником, я пытался дознаться у проводников поезда Москва — Симферополь, где проходит граница Украины. Никто не знал.

Как создавались административные границы советских республик, доподлинных доказательств нет, и историкам приходится довольствоваться мемуарами партаппаратчиков.

Так, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Н.К. Пономаренко писал, что при обсуждении судьбы территорий, отнятых у Польши осенью 1939 г. Первый секретарь ЦК Компартии Украины Н.С. Хрущев внес в ЦК свое предложение о границе между УССР и БССР: «...граница между западными областями должна была пройти значительно севернее естественной общепринятой этнографической границы, причем настолько севернее, что города Брест, Пружаны, Столин, Пинск, Лунинец и Кобрин, а также большая часть Беловежской Пуши отходили к Украине. С этим никак

нельзя было согласиться...»^[72]

Пономаренко, естественно, предпочел, чтобы эти территории отошли к БССР. 22 ноября 1939 г. этот вопрос рассматривался в Кремле в приемной Сталина. Там Пономаренко сказал, что «мы предлагаем границу в соответствии с этнографическим составом населения, и что граница, по нашему мнению, должна пройти южнее Пинска, Лунинца, Кобрина, Барановичей и Бреста, а посему эти города и Беловежская Пуца должны остаться в составе Советской Белоруссии»...

Хрущев расвирепел и со злостью стал кричать: «Ага, вы ученым не верите, вы что, больше других знаете? Да что вы знаете? А слышали ли вы о том, что, начиная со средних веков, на территориях, которые вы хотите включить в состав Белоруссии, жили и продолжают жить украинцы, что Наливайко, Богдан Хмельницкий и другие включали население этих территорий в свои войска, что исторические книги вовсе не упоминают в связи с этими районами о белорусах»...

В этот момент нас позвали к Сталину. Он сидел в кабинете один. После нашего приветствия он ответил: «Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали еще войну из-за границ? Не сосредоточили войска? Или договорились мирно?»

Потом Сталин предложил нам сесть и доложить свои варианты. Хрущев и я вытащили тексты предложений и схемы. Первым докладывал Никита Сергеевич. Он развернул на столе схемы, но, излагая содержание своего проекта, ни разу не сослался на них.

Сталин выслушал, поднялся, принес свою карту и попросил Хрущева показать на схеме, как пройдет граница.

После моего выступления и ответа на ряд вопросов Сталин твердо заявил: «Граница, которую предлагает товарищ Хрущев, совершенно неприемлема. Она ничем не может быть обусловлена. Ее не поймет общественное мнение. Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что Брест и Беловежская Пуца являются украинскими районами. Если принять такую границу, то западные области Белоруссии по существу исчезают. И это была бы плохая национальная политика».

Потом, обращаясь к Хрущеву, чтобы несколько смягчить свое заявление, он заметил: «Скажите прямо, выдвигая эти предложения, вы, наверное, имели в виду другое: вам хотелось бы получить лес, его на Украине ведь не так много?»

На это Хрущев ответил: «Да, товарищ Сталин, все дело в лесе, которым так богато Полесье, а у нас леса мало».

«Это другое дело, — заметил Сталин, — это можно учесть. Белорусы

предлагают правильную, обоснованную границу. Объективность их варианта подчеркивается, в частности, и тем фактом, что они сами предлагают район Камень-Каширск отнести к Украине. Мы утвердили границу, в основном совпадающую с проектом товарища Пономаренко, но с некоторой поправкой в соответствии с желанием украинцев получить немного леса”.

Он взял карту и прочертил линию границы, почти совпадающую с нашими предложениями. Только в одном месте сделал на зеленом массиве карты небольшой выгиб к северу и сказал: “Путь этот район отойдет к Украине”.

Хрущев выразил свое согласие»^[73].

Лично я не уверен, что Пономаренко в 1978 г. абсолютно точно помнил события сорокалетней давности, но любопытна общая обстановка и мотивация принятия решений о границах советских республик.

А вот еще интересная цитата из книги Н.А. Зеньковича: «В октябре 1939 года правительство ССР передало Литве Виленский край с городом Вильно. После образования Литовской ССР он стал столицей новой союзной республики. Кроме того, ей были переданы в ноябре 1940 года из состава БССР три района — Гадутинский, Паречский и Свентянский — с преимущественно литовским населением.

Вильно в 1921—1939 годах было политическим и культурным центром Западной Белоруссии, ее неофициальной столицей. Там работали белорусские гимназия и музей, редакции газет и журналов, культурно-просветительские организации.

После присоединения Западной Белоруссии в 1939 году в Вильно начали выходить газета “Виленская правда” — как и в других белорусских областных центрах. Предполагалось, что Вильно войдет в состав БССР. Но не тут-то было.

Виленский край с населением 457 тысяч человек был передан Литве. Нарком иностранных дел В. Молотов отметил тогда: “Мы знаем, что большинство населения этой территории не литовское. Но историческое прошлое и стремления литовского народа тесно связаны с городом Вильно, и правительство СССР сочло необходимым уважить эти моральные факторы”.

И снова пострадали прежде всего белорусы. Литовская пропаганда утверждала, что они не белорусы, а “потерянные литвины”, что им нужно лишь сменить фамилии, добавив “ас”, “ис” или “ус”. После окончания Второй мировой войны в Вильно были закрыты белорусская гимназия, белорусский Музей имени И. Лучкевича, начала выходить газета “Червоны

штандар” на польском языке. Белорусам-католикам вбивалось в головы, что они самые настоящие поляки. Менялась белорусская топонимика: Медники стали называться Мединкай, Свентяны — Швенченис и т.д». {74}.

В августе 1944 г. возник вопрос о создании Полоцкой области с центром в городе Полоцке и включении ее в состав РСФСР. У Зеньковича приводится пересказ историка Г. Куманева версии Пономарева. Цитирую: «Тут Маленков заметил:

— Пономаренко возражает против передачи Полоцкой области в состав РСФСР.

— Почему? Вы считаете Полоцк исконным белорусским городом? — спросил Сталин, обращаясь ко мне.

Сдерживая, как всякий раз, внутреннее волнение, но внешне спокойно, я стал излагать продуманные мной мотивы. Прежде всего подчеркнул, что Полоцк принято считать старинным белорусским городом. Но это можно оспаривать, поскольку Полоцк существовал задолго до того времени, когда в силу исторических причин от одного могучего ствола, именовавшегося Русью, пошли три ветви: русская, украинская и белорусская. Следовательно, когда Полоцк называют старинным русским городом — это тоже правильно. Крайность в этих толкованиях отдает либо национализмом, либо великодержавным шовинизмом. Однако во все времена исторического существования Белоруссии Полоцк был в ее составе, включая и 25 лет существования Советской Белоруссии...

— Из Полоцка, — добавил я, — происходят многие другие виднейшие деятели культуры Белоруссии, в том числе немало известных современных писателей. Это важное, хотя тоже не главное обстоятельство.

— Когда же вы скажете главное? — спросил, улыбаясь, Сталин.

— Главное, по-моему, — сказал я в заключение, — состоит в следующем... Тяжелейшие жертвы на фронтах, в партизанской и подпольной борьбе понес и белорусский народ. И вот к окончанию войны Белоруссия территориально и по населению сокращается за счет отхода ряда районов и г. Полоцка к РСФСР. Мне кажется, что это не будет народом понято и многих обидит. Тем более что это будет ассоциироваться с тем, что на западе Белостокская область и часть Беловежской Пуши, как известно, могут отойти к Польше...

Сталин нахмурился, наступила тягостная пауза, все молчали и ожидали его решения. Наконец он поднялся, медленно прошел туда и обратно вдоль стола, потом остановился и сказал:

— Хорошо, покончим с этим вопросом. Полоцкую область надо образовать, но в составе Белоруссии. Народ хороший и обижать его,

действительно, не следует»^{75}.

Обратим внимание, что вот так, без учета мнения специалистов, без обсуждения в СМИ, я уж не говорю о референдумах или каких-либо опросах населения, регулярно производились изменения границ советских республик.

Но стоит ли особенно осуждать Сталина, Хрущева, Пономаренко и других партийных боссов? Ведь речь шла исключительно об административных границах, которые мало затрагивали интересы населения. У меня, к примеру, есть дача в Московской области, но чтобы туда попасть, я дважды пересекаю границу Владимирской области. И делаю это без всякого дискомфорта, без пограничных и таможенных проверок. Так же я до 1991 г. пересекал границы Украины и Белоруссии. Но вот отделится Владимирская область, и быть мне без моих милых шести соток.

Естественно, превращение административных границ в государственные всегда приводило к конфликтам и даже войнам. Этим пользуются белорусские националисты и предъявляют территориальные претензии по всему периметру белорусской границы — к России, Литве и Украине. Так, например, официальный лидер парламентской оппозиции Зенон Позняк до эмиграции в США в органе Верховного Совета Республики Беларусь «Народной газете» ставил вопрос о возвращении в состав Белоруссии Смоленской, Псковской, Брянской областей, Вильнюса, Белостока и других территорий^{76}.

Но вернемся назад, в 1939 г. 10 октября 1939 г. в Москве министры иностранных дел СССР и Литовской республики В.М. Молотов и Юозас Урбшис подписали «Договор о передаче Литовской республике г. Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой». Согласно этому договору, СССР передавал Литве город Вильно (Вильнюс) с областью. Оба государства решили совместно защищать границы Литовской республики. В связи с чем 28 октября 1939 г. командование РККА и литовской армии подписали соглашение о вводе частей Красной армии численностью до 20 тысяч человек на территорию Литвы.

В октябре 1939 г. на территориях, занятых Красной армией, состоялись выборы в народное собрание. Военный корреспондент Константин Симонов был очевидцем этой избирательной кампании. Он писал: «Я ездил по ней [Белоруссии] накануне выборов в народное собрание, видел своими глазами народ, действительно освобожденный от ненавистного ему владычества, слышал разговоры, присутствовал в первый день на

заседании народного собрания. Я был молод и неопытен, но все-таки в том, как и почему хлопают люди в зале, и почему они встают, и какие у них при этом лица, кажется мне, разбирался и тогда. Для меня не было вопроса: в Западной Белоруссии, где я оказался, белорусское население — а его было огромное большинство — было радо нашему приходу, хотело его»^{77}.

На Западной Украине в выборах приняли участие 4 433 тысячи (92,8%) избирателей, а не голосовали или голосовали против 400 тысяч человек. В Западной Белоруссии в выборах участвовали 2 672 тысячи (96,7%) избирателей. Более 90% избирателей проголосовали за предложенных кандидатов. Итоги выборов показали, что подавляющее большинство населения этих регионов согласилось с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу.

Спору нет, по теперешним меркам эти выборы нельзя назвать в полной мере свободными и демократическими. Но только отъявленный враль может считать их фальсификацией. Как можно за месяц после ввода войск, не имея государственного аппарата для использования административного ресурса, без широких карательных мер (административные высылки начались через несколько месяцев) добиться таких результатов? Нравится кому или нет, но результаты выборов показали искреннее желание западных белорусов и украинцев войти в состав СССР.

1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР принял «Закон о включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой». А на следующий день, 2 ноября, был принят «Закон о включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой».

Текст обоих законов был почти идентичен: удовлетворить просьбу народного собрания Западной Украины (Белоруссии) и включить ее в состав СССР и т.д.

Любопытен доклад Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 октября, то есть перед принятием обоих законов. Молотов сказал: «Правящие круги Польши немало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. “Традиционная политика” беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась... Перешедшая к нам территория Западной Украины вместе

с территорией Западной Белоруссии составляет 196 тысяч квадратных километров, а ее население — около 13 миллионов человек, из которых украинцев — более 7 миллионов, белорусов — более 3 миллионов, поляков — свыше 1 миллиона, евреев — свыше 1 миллиона».

«В августе 1940 г. в Москве проходила сессия Верховного Совета СССР, где рассматривался вопрос о вхождении в состав Союза Литовской Советской Социалистической Республики, от имени ЦК КП(б) Б, Президиума Верховного Совета и правительства БССР выступил первый секретарь ЦК КП(б) Б П. Пономаренко. Он внес предложение о присоединении к Литовской Советской Социалистической Республике Свентянского района и части территорий (с преобладанием литовского населения) Видзовского, Годутишского, Островецкого, Вороновского и Радунского районов, входивших тогда в состав Вилейской и Барановичской областей Беларуси... В ноябре 1940 г. из состава Беларуси Литве были переданы Свентяны, Солечники и курорт Друскеники. Эта территория составляла 2600 км² с населением 65 тыс. человек»^[78].

В ноябре — декабре 1939 г. в Западной Белоруссии были национализированы промышленные предприятия и банки, причем не только крупные, но и часть мелких. Государственный бюджет западных областей БССР в 1940 г. был определен в 730 млн. рублей. Дополнительно на цели государственного и культурного строительства было выделено еще 100 млн. рублей.

На воссоединенной территории началось восстановление, расширение и переоборудование бездействовавших фабрик и заводов. К концу 1940 г. там работало 392 промышленных предприятия, была ликвидирована безработица. В результате расширения и технического переоснащения предприятий и новой организации труда рабочих объем валовой продукции в 1940 г. в два раза превысил объем 1938 г. В 1940 г. в западных областях Белоруссии было произведено 43% общереспубликанского объема древесины, 49% пиломатериалов, 54% цемента, 22% кирпича, 98% шерстяных тканей, 27% изделий из стекла.

В конце 1939 г. — начале 1940 г. в западных областях Белоруссии были созданы первые колхозы. К маю 1940 г. их уже насчитывалось 430, и они объединили 32,3 тысячи крестьянских хозяйств. А к началу войны было уже 1115 колхозов, объединявших 6,7% всех крестьянских хозяйств и 7,8% пахотной земли. В течение 1940 г. была создана 101 машинно-тракторная станция. В распоряжении МТС находилось 997 тракторов, 193 грузовые автомашины, 368 сеялок. На землях помещичьих имений было создано 28 совхозов.

При этом кулаков полностью не раскулачили и не выселили. Ликвидация кулачества проводилась в основном путем ограничения землепользования в 3—5 га. Кулакам оставляли наделы от 10 до 15 га земли с запретом использовать наемный труд.

А часть осадников, которые получили землю за участие в кампаниях 1918—1921 гг., полицейских и других функционеров польских властей зимой 1939/40 г. вывезли в Сибирь. Всего к началу войны из западных областей Белоруссии (вместе с Вильно) было депортировано 300 тыс. человек. Одновременно из других регионов СССР туда направили администраторов, милиционеров, учителей и т.д. В результате общая численность населения увеличилась. Всего в 1941 г. в западной части Белоруссии проживало около 5 млн. человек, в том числе 77% белорусов, 12,8% евреев, 5,1% русских, 1,5% литовцев, 1,3% поляков, 1,3% украинцев и 1% представителей других народов.

В 1940 г. в западных областях была введена советская система социального обеспечения. Устанавливались пенсии по старости и инвалидности. Вводилось бесплатное медицинское обслуживание населения. За 1940 г. почти в два раза увеличилось количество врачей.

В большинстве школ преподавание велось на белорусском языке. В 1940/41 учебном году в западных областях БССР действовало 5958 общеобразовательных школ. Почти все дети младшего возраста учились в школах. Предпринимались меры и по ликвидации неграмотности. В 1939/40 учебном году в кружках ликвидации неграмотности обучалось 84,2 тыс. человек, в школах для малограмотных — 85,3 тыс. человек. За короткое время в западных областях было создано 5 институтов и 25 техникумов. К началу 1941 г. было открыто 100 кинотеатров, 92 дома культуры, 220 библиотек. Периодические издания получали субсидии.

Глава 12.

Приход оккупантов

В Белоруссии, равно как и на других территориях СССР, немцы не собирались создавать каких-либо государственных структур, не говоря уж о полноценных независимых государствах. Так, согласно плану «Ост», предполагалось уничтожить 75% белорусов, а остальные 25% германизировать.

Любопытна справка СД о национальном вопросе в Белоруссии, составленная в 1942 г. Там утверждалось, что население составляют в основном белорусы, а также русские и поляки. Обстановка в областях, давно входивших в состав СССР и присоединенных в 1939 г., разная. «На западе население приветствовало немцев, на востоке — выжидало. Широкие массы сельского населения (75%) — это простые крестьяне с примитивным и ограниченным мышлением. Они не могут что-либо решать самостоятельно, их нельзя в чем-либо убедить только словом. В городах лучшие силы служили коммунизму и поэтому с приходом немцев они бежали в Россию. Некоторых белорусских эмигрантов, проживавших в Германии и Польше, оккупационные органы привезли сюда как единственных лиц, которым можно доверять. Но их авторитет здесь невелик. Большинство поставленных нами на руководящие должности от Белостока до Смоленска — это выходцы из Польши и в основном католики. Поэтому они смотрят на Белоруссию через польские очки. Но белорусы-католики — это не настоящие белорусы, под лозунгом Белоруссии они стремятся построить новую Польшу... Между белорусами и поляками происходит острая борьба. Немецкие оккупационные власти вернули в Белоруссию польских помещиков, которые в 1939 г. бежали от русских».

В донесении СД из Белоруссии от 1 мая 1942 г. ставилось под сомнение само существование белорусской национальной проблемы: «... среди белорусов почти не замечается чувства национальной принадлежности. Белорусский народ и его язык действительно существуют, но нет белорусской проблемы, как националистически-автономистской проблемы. Белорусский народ — это аморфная масса, не имеющая своей интеллигенции и своего государства. Единственным критерием принадлежности к белорусскому народу является употребление белорусского языка. Начиная с XVII в. белорусский язык вообще не

развивался и даже в настоящее время в сравнении с другими европейскими языками является “примитивным”. В нем отсутствуют даже такие понятия, как культура, техника и другие. Кроме языка в Белоруссии нет других признаков нации».

Стремительное наступление немцев в значительной мере сорвало эвакуацию населения и производственных предприятий в западной части Белоруссии, однако на остальной территории республики эвакуация была проведена более-менее успешно.

До войны на территории Белоруссии проживало 9 046 тыс. человек. «В начале войны Красная Армия получила из Белоруссии, главным образом из ее восточных областей, около 500 тыс. боевого пополнения. В целом из республики было вывезено свыше 1,5 млн. человек, не считая рабочих и служащих, выехавших вместе со своими предприятиями и учреждениями. Только из Гомеля было эвакуировано на Восток свыше 80 тыс. человек. Если к этому прибавить людей, которые эвакуировались в глубь страны по собственной инициативе и собственными средствами, то получится приблизительно цифра в 2,5 млн. человек, что составляет более 27% общего количества населения, проживающего в Белоруссии до войны. Это была наиболее дееспособная часть населения»^[79].

Ряд советских историков считают, что официальные цифры эвакуированных граждан БССР завышены как минимум в три раза. Так, называется цифра в 535 тыс. человек. Но в это число не входили граждане, которые эвакуировались вместе с предприятиями, в инициативном порядке, а также те, кто поступил в Красную армию, НКВД, милицию или государственные учреждения. Разумеется, могло быть и завышение цифр эвакуированных, но не в разы. Так что можно утверждать, что БССР покинуло около 2 млн. человек.

Из Белорусской ССР в тыл страны было эвакуировано 109 крупных и средних предприятий, в том числе 39 союзного и 70 республиканского значения.

К сожалению, для эвакуации Минска было отведено всего три дня — 23, 24 и 25 июня. Последний эшелон ушел из Минска утром 25 июня. К тому же Минский железнодорожный узел подвергался сильным налетам люфтваффе, что осложняло эвакуацию.

Оборудование всех 322 предприятий Минска так и не было вывезено. Удалось эвакуировать лишь часть работников этих предприятий.

Согласно докладной записке первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» от 18 августа 1941 г. на имя И.В. Сталина: «Архив Совнаркома БССР и ряда

наркоматов остался в Минске и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и председателем СНК БССР. Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили».

В целом же эвакуация представляла собой грандиознейшее и невиданное в истории перемещение людей и ценностей.

Так, для эвакуации оборудования и материалов только трех крупнейших предприятий Гомеля — станкостроительного завода им. Кирова, Гомсельмаша и паровозовагоноремонтного завода — потребовалось более 2500 вагонов. С Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения были вывезены вся готовая продукция, полуфабрикаты, все запасы сырья, выкопан и отправлен пятикилометровый подземный кабель. Из Гомеля и Гомельской области было эвакуировано оборудование 37 предприятий. Из Могилевской области со 2 по 14 июля 1941 г. было вывезено 935 вагонов сырья, готовой продукции и оборудования промышленных предприятий.

Могилевский авиационный завод № 459 был эвакуирован в Куйбышев; вывезено более 400 станков, все металлы, инструменты, электромоторы, кабели. Весь состав квалифицированных рабочих и ИТР. Вывезены полностью также Оршанский льнопрядильный комбинат, Кричевский цементный завод, судоремонтные мастерские, труболитейный завод и другие...

Зернопродукты: было зернопродуктов в БССР 151 475 тонн, в том числе муки — 67 913 тонн. Отгружено в Ярославскую, Московскую и другие области 44 765 тонн, уничтожено 42 500 тонн, передано воинским частям 10 350 тонн, использовано на снабжение областных и райцентров 26 115 тонн, оставшееся зерно в тылу у противника, об уничтожении которого не донесено — 27 745 тонн.

Эвакуировано скота всех видов — всего 600 000 голов, в том числе крупного рогатого скота 340 000 голов. Эвакуировано тракторов 4000, передано РККА 300. Эвакуировано комбайнов 400, молотилок 150.

Оккупанты разделили Белоруссию на несколько административных территорий. Примерно третья часть республики вошла в так называемый «Генеральный округ Беларусь» (ГОб). Высшим властным органом там стал Генеральный комиссариат «Беларуси».

Рейхскомиссариат Беларусь разделялся на 10 областных округов — гебитов: Барановичский, Вилейский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слонимский, Слуцкий и Минск, который был выделен в отдельный округ. В каждый из них входило от 10 до 15 районов, которые в свою очередь делились на волости.

Высшим исполнительным органом ГОБ являлся генеральный комиссариат Беларусь, который возглавлял гауляйтер В. Кубэ, а после его убийства в сентябре 1943 г. эту должность занял К. фон Готтберг. Ему и военно-полицейскому руководству принадлежала вся полнота власти на оккупированной территории.

Южные районы Брестской, Пинской и Полесской областей с областными центрами Брест, Пинск, Мозырь были присоединены к рейхскомиссариату «Украина», граница которого проходила примерно в 20 км севернее железной дороги Брест — Гомель. Эти территории были включены в состав генеральных округов Волынь — Подолия и Житомир.

Белостокскую, северные районы Брестской и часть районов Барановичской областей оккупанты включили в состав округа Белосток, входившего в Восточную Пруссию. Северо-западные районы Вилейской области были присоединены к Генеральному округу Литва.

Территория Витебской, Могилевской, почти всей Гомельской, восточные районы Минской и несколько районов Полесской областей были включены в тыловой район группы армий «Центр». Власть на этой территории принадлежала командованию военных и полицейских органов. Высшим органом здесь являлся штаб тыла группы армий «Центр».

В областных округах действовали окружные комиссариаты, возглавляемые гебитскомиссарами. Их аппарат формировался преимущественно из немцев. Окружные комиссариаты обеспечивали реализацию военно-экономической политики в границах округа. В районах действовали управы во главе с бургомистрами (позднее — начальники районов). В волостях назначались волостные старшины (бургомистры), а в деревнях — старосты.

Деятельность оккупационного аппарата строилась по принципу «фюрерства» — единовластия. Каждый гебитскомиссар издавал приказы и распоряжения по собственному усмотрению или согласно указаниям высших германских инстанций. Последние направляли и контролировали деятельность районных и волостных управ, а также старост деревень. Аппарат районных и волостных органов формировался преимущественно из лояльно настроенных к оккупационным властям местных лиц. Необходимо отметить, что партизаны и подпольщики засылали туда своих агентов, которые собирали разведывательную информацию, саботировали деятельность оккупационных властей. В восточной части Беларуси, на территории тылового района группы армий «Центр», военно-административные функции выполняли полевые и местные комендатуры. Они наделялись всей полнотой власти в зоне своей деятельности.

Главной опорой оккупационного режима были части вермахта: охранные дивизии, военно-полицейские формирования, а также подразделения СС и СД, тайная полевая полиция, жандармерия, абвер и вспомогательные местные полицейские силы. Они обеспечивали охрану коммуникаций и военных объектов, лагерей военнопленных, гетто, вели борьбу против партизан и подпольщиков.

Органы германской оккупационной власти размещались в городах, районных центрах и крупных населенных пунктах, которые находились под охраной многочисленных военных и военно-полицейских гарнизонов.

К концу 1941 г. на территории Генерального комиссариата «Беларусь» находилось 5 охранных дивизий. А общая численность германских военно-полицейских сил достигала 160 тыс. человек.

В зоне дислокации охранных дивизий в 1942 г. действовали 11 полевых и 23 местные комендатуры, а также так называемые «местные гражданские власти». Им подчинялись многочисленные воинские гарнизоны, команды жандармерии, группы тайной полевой полиции. Всего на этой территории действовало 8 групп тайной полевой полиции (Бобруйск, Борисов, Витебск, Лепель, Могилев, Орша, Полоцк, Старые Дороги), которые в свою очередь имели 20 периферийных команд.

«В конце июля 1941 г. вокруг Минска были созданы лагеря военнопленных, а в самом городе — гетто с более чем 100 тыс. интернированных евреев. С осени 1941 г. началось уничтожение еврейского населения. С октября 1941 г. до февраля 1942 г. тысячи евреев были привезены в Беларусь из западноевропейских стран, в том числе и из Германии. Всего на территории Беларуси действовало более 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений. Только в Тростенецком лагере смерти под Минском было уничтожено 206 500 человек. Это больше, чем в любом другом подобном лагере во время Второй мировой войны, кроме Освенцима, Майданека и Треблинки...

С целью сокращения «биологического потенциала» белорусского народа фашисты вывезли 24 тыс. детей. В мае 1944 г. планировали вывезти еще 40—50 тыс. подростков 10—14 лет.

За годы оккупации из Беларуси в Германию было вывезено 90% станочного и технического оборудования, 96% энергетических мощностей, 18,5 тыс. автомашин, более 9 тыс. тракторов и тягачей, 1100 комбайнов. Хищнически уничтожалось одно из основных богатств Беларуси — лес. Было вырублено 100 тыс. га леса, в Германию отправлено 500 тыс. куб. м древесины. По неполным данным, было вывезено 1,6 млн. т зерна, 426 тыс. т муки, 3 млн. т картофеля и овощей.

Стремясь уничтожить культуру белорусского народа, закрыть ему доступ к науке, искусству и даже образованию, фашисты разграбили все вузы, научно-исследовательские учреждения, Академию наук, Белорусский государственный исторический музей, Государственную картинную галерею. В Германию была вывезена значительная часть книжного фонда, в том числе собрание старопечатных изданий Ф. Скорины, первое издание Статута ВКЛ, коллекции старославянских рукописей. Уничтожались памятники древности, истории, культуры, архитектуры. Было разрушено 7 тыс. школьных зданий»^{[180](#)}.

Глава 13.

Партизаны дают отпор

С начала германской оккупации в Белоруссии возникло партизанское движение, вскоре ставшее всенародным движением. К концу 1941 г. в рядах партизан сражались 12 тыс. человек в 230 отрядах. Численность белорусских народных мстителей к концу войны превышала 374 тыс. человек. Они были объединены в 1255 отрядов, из которых 997 входили в состав 213 бригад и полков, а 258 отрядов действовали самостоятельно.

О борьбе белорусских партизан в советское время написаны сотни книг и сняты десятки кинофильмов. Однако после 1991 г. ряд западных, белорусских и украинских авторов стали пытаться переписать историю войны, дискредитировать советское партизанское движение и выпятить роль военных формирований украинских, польских, белорусских, латышских и иных националистов, как входивших в состав германских сил, так и действовавших в инициативном порядке.

Несколько упрощая ситуацию, в Белоруссии в 1941—1944 гг. можно считать, что главные боевые действия (условно 80%) шли между советскими партизанами и немцами. А оставшиеся 20% — это боевые действия между советскими партизанами и бандами националистов, а также «междусобойчики» националистов, например, УПА против польской Армии Крайовой (АК), латышских националистов против АК и т.д.

Я недаром пишу «и т.д.». В Белоруссии действовала куча различных бандформирований. Среди них было множество зеленых, которые просто занимались грабежом, не выдвигая политических лозунгов. Была и «Российская организация молодежи» (РОМ). «Ромовцы» пропагандировали создание «единой и неделимой матушки России». Их активно поддерживало православное духовенство. Наибольшую активность РОМ проявляла в Давид-Городокском районе.

Немцы для борьбы с советскими партизанами широко привлекали украинские, латышские, литовские, польские и иные части. Мало того, к марту 1943 г. в Белоруссии дислоцировался 8-й венгерский (!) корпус в составе 5, 9, 12 и 23-й пехотных дивизий. Венгерский корпус активно участвовал в боях с партизанами и в карательных операциях против мирного населения.

Разобраться в этой малой (20%) войне всех против всех, как говорят в

народе, «без пол-литра невозможно». В итоге я выделил главную тему борьбы партизан против немцев в отдельную главу. А бандформированиям посвятил отдельные главы, тем более что хронологически их деятельность выходит за май 1945 г.

Рассказ о партизанах начну с элементарного вопроса — а откуда они взялись? Советские историки дружно утверждали, что партизаны — это местные жители, вступившие в борьбу с оккупантами. Зато либеральные историки представляют партизан агентами НКВД.

На самом деле в Белоруссии большинство населения поддерживало советских партизан, и личный состав их формировался из местных уроженцев.

Однако ядро партизанских отрядов составляла партийная номенклатура, сотрудники НКВД и милиции, оказавшиеся в окружении бойцы и командиры частей Красной армии, а также личный состав истребительных батальонов.

Об истребительных батальонах следует рассказать поподробнее. Они были созданы согласно Постановлению Совнаркома от 24 июня 1941 г. за № 1738—74бсс — «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Общее руководство истребительными батальонами осуществлял Центральный штаб, созданный при НКВД СССР.

В истребительные батальоны брали тех, кто не подлежал мобилизации в Красную армию. Подавляющее большинство людей записывались в истребительные батальоны добровольно. Заставляли идти в истребительные батальоны в основном партийных и советских функционеров, угрожая исключением из партии и т.д.

Основной задачей истребительных батальонов была поддержка порядка в тылу совместно с частями НКВД и милицией. Бойцы истребительных батальонов ловили диверсантов, бандитов, дезертиров и паникеров. В случае прорыва частей вермахта в брешу в обороне бросали истребительные батальоны.

Подготовкой батальонов и их деятельностью занимались специальные штабы, созданные в отделах и управлениях НКВД районов, областей, краев и республик. Командирами назначались оперативные работники органов НКВД или начальники районных отделов милиции, их заместители по политчасти, руководящие партработники.

В батальон входило от 30 до 500 человек, чаще всего 100— 200. По армейскому образцу батальоны делились на взводы и роты. Бойцы истребительных батальонов были вооружены винтовками,

автоматическими пистолетами, гранатами и другими видами легкого оружия.

Всего в БССР было сформировано 78 истребительных батальонов. Большинство их превратилось в партизанские отряды.

К середине июля 1941 г. на оккупированной территории БССР действовало 4 партизанских отряда, к концу июля — 35, в августе — 61, к концу года в республике насчитывалось 104 партизанских отряда, 323 организаторские и диверсионные группы общей численностью 8307 человек. Число желающих взять в руки оружие росло изо дня в день. Менее активно развивалось партизанское движение в западных областях.

Первые партизанские отряды насчитывали 25—40 человек, состояли из двух—трех групп.

В числе первых сформированных в Белоруссии на начальном этапе войны были партизанские отряды В.З. Коржа (Пинская область), Т.П. Бумажкова (Полесская область), М.Ф. Шмырева (бабки Миная), В.Е. Лобанка (Витебская область), Ф.Г. Маркова (Вилейская область) и другие.

Так, Пинский партизанский отряд (командир В.З. Корж) 28 июня 1941 г. провел свой первый бой, напав на колонну противника. Партизаны устраивали засады на дорогах, препятствовали продвижению германских войск. Партизанский отряд «Красный Октябрь» под командованием Т.П. Бумажкова и Ф.И. Павловского в середине июля 1941 г. разгромил штаб вражеской дивизии, уничтожил 55 автомашин и броневики, 18 мотоциклов, захватил большое количество вооружения. В августе и первой половине сентября 1941 г. белорусские партизаны провели массовое разрушение телеграфно-телефонной связи на линиях, связывающих группы армий «Центр» и «Юг». Они непрерывно нападали из засад на восстановительные команды и батальоны связи и истребляли их.

На основе отдельных партизанских отрядов с весны 1942 г. начали создаваться партизанские бригады. Обычно бригада включала 3—7 отрядов общей численностью 1000 и более человек. В Могилевской области бригады назывались полками. Руководство бригады обычно состояло из командира, комиссара, начальника штаба, заместителей командира по разведке и диверсиям, помощника командира по обеспечению и медицинской службе, помощника комиссара по комсомолу.

Для усиления оперативного руководства и эффективного выполнения боевых задач в 1942 г. из числа партизанских бригад и отрядов создавались партизанские соединения. В январе на территории Октябрьского района Полесской области была создана первая бригада — «гарнизон Ф.И. Павловского». В Витебской области в апреле начала действовать 1-я

Белорусская партизанская бригада (7342 человека) и бригада «Алексея» (позже имени А.Ф. Данукалова).

На 1 августа 1942 г. на территории Белоруссии действовало 202 отряда общей численностью 20 тыс. человек. Уменьшение численности отрядов по сравнению с 1941 г. связано с укрупнением отрядов.

За время первого этапа партизанской войны (1941—1942 гг.) на территории Белоруссии действовало свыше 56 тыс. партизан, состоящих в 417 отрядах, имелось 150 тыс. партизанских резервов. На территории БССР действовало 68 радиостанций, с помощью которых 329 отрядов могли поддерживать связь с Москвой.

В течение 1941 г. партизанами было разгромлено немецкие гарнизоны в Слуцке, Красной Слободе, Любани, Богущевске, Сураже и Холопеничах.

С конца 1941 г. по март 1942 г. партизанами Кличевского и смежных районов было разгромлено свыше 80 гарнизонов и полицейских участков.

17 января 1942 г. белорусскими партизанами был освобожден первый районный центр — Копаткевичи. 20 марта 1942 г. был освобожден Кличев и прилегающая территория. Постановлением Кличевского подпольного райкома партии и исполкома районного Совета депутатов трудящихся от 3 апреля 1942 г. объявлялось, что на территории Кличевского района восстановлены органы советской власти, полностью осуществлявшие свои функции. Вместе с тем район был объявлен на военном положении.

В оперативной сводке Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) от 16 июня 1942 г. отмечалось, что партизаны Гомельской области восстановили советскую власть в 103 населенных пунктах. Органы советской власти были восстановлены и в 13 населенных пунктах Слуцкого района.

В директивах и указаниях ЦШПД подчеркивалась нецелесообразность затяжных боев по удержанию освобожденной территории в тех случаях, когда противник имеет подавляющее превосходство в силах и оборона освобожденной территории грозит партизанам полным уничтожением. Вместо жесткой позиционной обороны рекомендовалось использовать маневренную оборону, удары по тылам и флангам противника.

К концу 1942 г. под контролем партизан оказались шесть зон, районов и краев.

В Белоруссии, точно так же, как и в Ленинградской, Смоленской, Калининской и других областях, в начале 1942 г. стали образовываться «партизанские края и зоны». В течение зимы 1941/42 г. партизаны на оккупированных территориях СССР «освободили от оккупантов обширнейшую площадь, которая к весне 1942 г. превысила территорию

Бельгии, Голландии и Дании вместе взятых. Из 184,7 тыс. кв. км территории Белоруссии, находившейся под немецко-фашистской оккупацией, к концу 1943 г. 108 тыс. кв. км, или около 60%, удерживалось и контролировалось партизанами»^{81}.

Партизанский край — это освобожденная партизанами от оккупантов и длительное время удерживаемая территория, где восстанавливается советская власть и действуют ее законы.

В «Очерках истории Коммунистической партии Белоруссии» сказано: «Создание партизанских краев имело огромное значение для судеб партизанского движения. Они являлись своеобразным тылом и базой советских патриотов. Здесь накапливались силы, готовились резервы, располагались партизанские аэродромы и посадочные площадки, отсюда отряды и бригады уходили в длительные походы. На их территории находили укрытие сотни тысяч мирных жителей, спасавшихся от фашистского террора и угона на каторжные работы в Германию. Важную роль играли края и зоны партизан в боевых операциях Красной Армии, особенно во время ее наступления»^{82}.

Партизанская зона представляла собой территорию, которая в отличие от партизанского края партизанами постоянно не занималась. Однако на этой территории, как правило, оккупационная власть была уничтожена. Оккупанты заглядывали туда редко и появлялись в сопровождении большой охраны. Часто им приходилось занимать тот или иной населенный пункт с боем.

О политической обстановке в партизанских зонах в декабре 1942 г. начальник Белорусского штаба партизанского движения П.З. Калинин писал: «Во многих районах Белоруссии сложилась своеобразная обстановка. Немецкие гарнизоны из сельских местностей вытеснены и находятся только в районных центрах, занимая круговую оборону и охраняя коммуникации. Налаженные немцами органы власти — волостные управы — разгромлены, гарнизоны перебиты. В этих районах полностью прекратилась поставка населением налогов. Ни хлеба, ни молока, ни мяса, ни денег население немцам не сдает»^{83}.

В партизанских краях и зонах восстанавливались предприятия по первичной переработке продуктов. Так, на Витебщине в Полоцко-Лепельской партизанской зоне, на территории которой насчитывалось до 1220 населенных пунктов и проживало более 80 тыс. человек, партизаны восстановили три небольшие электростанции, шесть мельниц, два скипидарно-дегтярных завода и более 150 мелких мастерских, а также

печатались шесть районных газет и большое количество листовок.

Бывший председатель Кличевского райисполкома Могилевской области, работавший в тылу врага на освобожденной партизанами территории, А. Викторчик вспоминал, как было у них организовано снабжение партизанских отрядов: «Чтобы навести порядок в снабжении партизан продовольствием, райисполком по договоренности с командирами определял каждому отряду зону для заготовки продуктов питания и фуража. Все это отпускалось в деревнях по накладным, заверенным нашей печатью»^{84}.

Снабжение населения в партизанском крае было организовано следующим образом. Для помощи населению партизанские отряды выделяли из своих фондов часть картофеля и зерна, отобранного в свое время у оккупантов. Были сделаны специальные талончики, на каждом из них стояла печать. Эти талончики выдавались семьям красноармейцев, партизан, беженцев, а также семьям, пострадавшим от фашистского террора. Люди получали на складах зерно, муку, картофель. Только таким образом было роздано 200 тонн зерна и муки^{85}.

В январе 1942 г. войсками Калининского фронта при взаимодействии с партизанами Витебской области, в том числе отрядами М.Ф. Бирюлина, М.И. Дьячкова, М.Ф. Шмырева, Я.З. Захарова и С.Т. Воронова, была проведена наступательная операция в районе стыка флангов армий групп «Центр» и «Север». В результате образовалась брешь протяженностью около 40 км. Сложившейся обстановкой немедленно воспользовался ЦК КП(б) Белоруссии, создав в марте 1942 г. Северо-Западную оперативную группу. Группа устанавливала связи с подпольными организациями и партизанскими отрядами, руководила засылкой в глубинные районы Белоруссии руководителей партизанского движения и партийного подполья, организаторских групп, отдельных отрядов, координируя их деятельность. Кроме того, группа систематически отправляла в тыл немцев оружие и боеприпасы. С февраля по сентябрь в «Суражские ворота» было переправлено 40 партизанских отрядов и эвакуировано с оккупированной части Белоруссии 200 тыс. человек. Кроме того, было переправлено 102 организаторские группы и 62 диверсионные группы. За это же время партизанам было переправлено 11 500 винтовок, 6000 автоматов, 1000 пулеметов, 500 противотанковых ружей.

В конце сентября 1942 г. немцы, сосредоточив крупные силы, закрыли брешь в своей обороне, разгадав их назначение.

Летом 1942 г. руководство ЦШПД добилось увеличения числа

самолетов, выделявшихся для полетов в районы действий партизан. В снабжение партизан включилась транспортная авиация Гражданского воздушного флота, самолеты 101-го полка авиации дальнего действия и самолеты фронтовой авиации Западного, Калининского и других фронтов.

Наряду с этим по заданию ЦШПД и ЦК КП(б) Б партизаны начинают строить аэродромы, способные принимать и отправлять двухмоторные самолеты Ли-2. Первый партизанский аэродром — располагался недалеко от Зыслова, Любанский район Минской области — вступил в строй в июле. Примерно в это же время начал действовать кличевский аэродром. Началось сооружение аэродромов в Бегомльском, Ушачском и других районах Белоруссии.

В августе 1942 г. к партизанам было переправлено 30 организаторских групп, в задачу которых входило доведение указаний о подготовке к зиме до командиров всех партизанских бригад и отрядов.

В общей сложности в 1942 г. было осуществлено 168 самолетовылетов к белорусским партизанам, при этом в тыл к немцам было доставлено 200 специалистов по ведению партизанской войны, 118 тонн боевых грузов и вывезено 180 раненых и больных.

Ну а о «рельсовой войне», которую вели белорусские партизаны, при желании можно написать многотомную монографию. Ведь через республику проходили стратегически важные железные дороги, обеспечивавшие деятельность немецкой группы армий «Центр»: Минск — Бобруйск — Гомель; Минск — Борисов — Орша — Смоленск; Дюнабург — Полоцк — Витебск — Смоленск; Орша — Могилев — Жлобин.

В первой половине 1942 г. диверсии партизан (в том числе и на железной дороге) осуществлялись с помощью подручных средств. Так крушение поездов происходило путем развинчивания и разбора рельсов специальными клиньями.

Германская железнодорожная дирекция «Центр» отмечала, что в 1942 г. было зарегистрировано: в январе — феврале — 11 нападений на железные дороги, в марте — 27, в апреле — 65, в мае — 145, в июне — 262, а с 1 по 25 июля — 304. За это время партизанами было подорвано 200 паровозов, выведено из строя 773 вагона, разрушено 13 440 м железнодорожного полотна.

Из-за недостатка в партизанских отрядах взрывчатых веществ начали работать так называемые «чертовы кухни», в которых выплавляли тол. Большое количество специалистов-подрывников и инструкторов начало поступать из-за линии фронта. В первой половине 1942 г. в партизанские отряды было направлено 33 группы специально подготовленных

подрывников. В марте — сентябре 1942 г. белорусские партизаны получили 10 860 мин и 40 т взрывчатки, что позволило активизировать подрывную деятельность.

Во время боев за Сталинград и Северный Кавказ летом 1942 г. резко активизировалась подрывная деятельность партизан на железной дороге. Это вынуждены были констатировать в своих документах и сами немцы. Так, в сводке в Берлин «О партизанских действиях в тыловых районах войск, входящих в состав группы армий “Центр”» от 5 сентября 1942 г. говорилось: «Диверсии партизан участились. Взрывы на железных дорогах привели к почти полному прекращению железнодорожного движения (например, на линии Двинск — Смоленск в отдельных местах рельсы взорваны до 40 с лишним раз на небольших участках)»^[86].

О состоянии железнодорожных перевозок на участке, подведомственном начальнику тыла группы армий «Центр», в этом документе говорилось: «Обстановка значительно ухудшилась. Ежедневно уничтожался подвижной состав. Взрывы носили настолько серьезный характер, что движение на отдельных перегонах прекращалось на время до 36 часов. Основными районами действий партизан были тыловой район 59 армейского корпуса и северный участок тылового района группы армий “Центр”»^[87].

В сообщении отдела разведки и контрразведки командования немецкой группы «Центр» говорилось: «За период с 20 по 24 сентября 1942 г. — 55 взрывов на железной дороге. Особенно велико число взрывов на основных железнодорожных линиях, обеспечивающих подвоз снабжения с тыла. Например, 22 сентября участок Идрица — Полоцк — Смоленск был закрыт для движения в обе стороны в течение 21 часа в результате трех взрывов. Тот же участок был закрыт для движения в одном направлении еще в течение 10 часов. 23 сентября участок Минск — Орша — Смоленск был закрыт для движения в обе стороны на 28 часов и для движения в одну сторону — на 35 часов»^[88].

27 сентября 1942 г. командование 4-й немецкой армии доносило в штаб группы армий «Центр»: «За отчетный период не произошло существенных изменений в деятельности партизан и в борьбе с ними немецких войск. Как и раньше, активность партизанских отрядов была высокой. Увеличилось число минирований и взрывов»^[89].

Гитлер в докладе от 6 сентября 1942 г. был вынужден признать: «Действия партизанских отрядов на Востоке за последние несколько месяцев стали крайне опасными и ныне представляют серьезную угрозу

нашим коммуникациям, идущим к фронту»^[90].

Стоит отметить, что в «рельсовой войне» участвовали не только партизаны, но и белорусские подпольщики. Так, в Минске в июле 1943 г. подпольщики взорвали цех вагоноремонтного завода, часть депо и два паровоза. Члены подпольной комсомольской организации, возглавляемой Вильгельмом Гудовичем, уничтожили эшелон с бензином, два станка, поворотный крут с двумя локомотивами и другое оборудование.

9 июля 1943 г. начальник ЦШПД П.К. Пономаренко обратился к Сталину с предложением нанести одновременный массированный налет партизан на железную дорогу. В письме говорилось, что все необходимые материальные ресурсы для выполнения операции имеются. Операцию предлагалось провести, начиная с 25 июля^[91].

Для проведения операции по уничтожению рельсов были выделены фонды боеприпасов, взрывчатки и оружия. Управление Гражданского флота выделило в распоряжение ЦШПД с 20 июля по 1 августа самолеты для переброски в партизанские бригады и отряды взрывчатых веществ, вооружения и боеприпасов.

В период проведения первого тура операции «рельсовая война» к белорусским партизанам был осуществлен 121 самолетовылет и доставлено около 120 т боевых грузов и 36 инструкторов-подрывников.

Первый тур операции «рельсовая война» начался в ночь на 3 августа и продолжался до середины сентября 1943 г. С 19 сентября был проведен второй этап «рельсовой войны» под кодовым названием «Концерт».

Таблица 1.

Итоги «рельсовой войны» по областям и республикам (по данным оперативного отряда ЦШПД по состоянию на 13 января 1944 г.)^[92]

Наименование области, республики Взорвано рельс (шт.) (1-я операция) / Взорвано рельс (шт.) (2-я операция) / Итого

Всего 214 705 / 148 557 / 363 262

В том числе:

Белорусская ССР 132 832 / 77 684 / 210516

Калининская обл. 29 299 / 10 581 / 39 880

Орловская обл. 16 968 / — / 16 968
Ленинградская обл. 14 357 / 51011 / 65 368
Смоленская обл. 14 149 / 4983 / 19132
Украинская ССР 7100 / 620 / 7720

Масштабы операции более понятны на конкретных примерах. Вот число уничтоженных рельсов на участках: Полоцк — Молодечно — 21 243; Могилев — Жлобин — 15 074; Могилев — Кричев — 9102; Орша — Минск — 11 648; Кричев — Унеча — 12 204; Минск — Бобруйск — 19 019; Лунинец — Калинковичи — 41 781; Гомель — Калинковичи — 7982.^[93]

Операции по уничтожению рельсов проводились одновременно с другими диверсиями на железных дорогах. Так, только белорусские партизаны за 1943 г. пустили под откос 6236 эшелонов, в том числе 19 бронепоездов, разрушили 4875 паровозов и 44 156 вагонов, платформ и цистерн, взорвали 462 железнодорожных моста и разгромили 22 станции.

В августовском месячном отчете (1943 г.) командир корпуса немецких охранных войск группы армий «Центр» докладывал: «...6684 взрыва за первые две ночи. Только за один месяц число взрывов рельсов увеличилось в тридцать раз и к концу августа достигло 20 101 случая по сравнению с 470 взрывами в июне и 771 взрывом в июле. Число столкновений, боев и налетов на войска возросло с 567 в июне и 830 в июле до 1102 в августе, т.е. почти удвоилось за два месяца, 149 актов диверсий на хозяйственных предприятиях за август по сравнению с 109 в июле и 69 в июне, 105 повреждений телефонных проводов за август месяц по сравнению с 70 в июле, 22 выявленных случая убийств бургомистров в августе по сравнению с 9 случаями в июле»^[94].

Далее в донесении говорилось, что распространились акты диверсий на электростанциях (например, в Гомеле и Пропойске), водокачках и водонапорных башнях железных дорог, на мельницах, в полочных хозяйствах, на фабриках и заводах. В донесении подчеркивалось: «Акты диверсий предпринимались чрезвычайно дерзко»^[95].

Большой урон противнику причиняли диверсии по взрыву железнодорожных мостов, несмотря на все меры противника по защите стратегически важных объектов.

Немцы принимали отчаянные усилия по восстановлению мостов. Так, на восстановление моста через реку Дриссу, взорванного в августе 1942 г. витебскими партизанами из бригады «За Советскую Белоруссию», потребовалось 16 суток. Однако после восстановления его пропускная

способность не была доведена до прежней. Если до диверсии через мост пропускалось в сутки до 60 эшелонов, то после — только 8.

В ночь на 3 ноября 1942 г. группа партизанских отрядов Минской и Полесской областей разрушила 132-метровый мост через реку Птичь на магистрали Брест — Гомель. 7 марта 1943 г. были взорваны две фермы моста через реку Десну между Гомелем и Брянском. Целую неделю очень важный участок дороги бездействовал. 22 апреля 1943 г. взлетела на воздух ферма моста на железной дороге Кричев — Унеча, прервав железнодорожное сообщение на этом участке на 10 суток.

Чаще всего партизаны использовали маломощные мины. Чтобы разбить рельс, достаточно 200 г литого тротила, если шашка наложена открыто, и 60 г при засыпке шашки грунтом. На разрыве колесо сходит с пути, и поезд заваливается под откос.

При взрыве 200-граммовых и 100-граммовых толковых шашек рельсы не уничтожались, из них выбивался кусок длиной 25—35 см. Немцы опиливали рельсы и сваривали их термитом. Имели место и накладки стальных мостков длиной 80 см и весом около 20 кг. Их опускали на поврежденные рельсы и пропускали по ним поезда.

Для защиты от мин мгновенного действия немцы стали пускать перед локомотивами несколько платформ с запасом шпал и рельсов. При взрыве под откос шла платформа.

В ответ партизаны применили простейший счетчик кратности. Над миной закрепляется веточка. Колесные оси ее колеблют. Храповик крутит счетчик качаний. Взрыв происходит на нужном числе качаний — не под платформой, а под локомотивом или одним из вагонов.

Мины мгновенного и замедленного действия партизаны устанавливали на участках перегона, наиболее выгодных для производства крушений: на насыпях, в выемках, на закруглениях и спусках, то есть в тех местах, где помимо ликвидации последствий крушения требовались трудоемкие восстановительные работы.

В некоторых случаях (после взрыва моста, в связи с прекращением движения) уменьшалась охрана на перегонах. Поэтому партизанам можно было безопаснее и надежнее установить мины МЗД с большими сроками замедления, чтобы они начали действовать после завершения восстановительных работ.

Согласно инструкциям Центрального штаба партизанского движения, партизаны при установке мин руководствовались следующими правилами:

1. Расчетное расстояние между двумя соседними минами МЗД должно быть не менее 200 метров, дабы избежать взрыва соседней мины от

сотрясения при взрыве первой и чтобы затруднить обнаружение ее противником.

2. Запрещалось устанавливать на противоположных концах минного поля мины МЗД с одинаковыми сроками замедления, так как противник мог определить протяжение минного поля.

3. Взрыв одной мины должен был происходить не ранее 5 суток с момента установки последней мины, чтобы за это время по естественным причинам (дождь, ветер, снег) устранились демаскирующие признаки.

По опыту проведенных партизанами диверсионных актов было определено, что в среднем одно крушение поезда на железной дороге задерживает движение на 8—12 часов. Чтобы закрыть движение на однопутном участке, достаточно было двух-трех крушений в сутки при условии, что они будут происходить на одном или соседнем перегонах. Тогда между двумя последующими взрывами не могло пройти большое количество поездов.

Если же крушения производились даже в разное время, но на различных перегонах, то большего сокращения движения не происходило ввиду того, что поезда, находившиеся на станциях и перегонах между пунктами крушений, протаскивались противником вперед после ликвидации крушения, и суммарная задержка составляла 8—12 часов, а за оставшиеся 12—16 часов пропускались через участок все остановленные поезда.

В случае трех крушений в сутки на одном или на двух-трех смежных перегонах противник не мог пропустить ни одного поезда, пока не ликвидировал последствия всех крушений, и, следовательно, участок был полностью закрыт.

Для полного закрытия движения на двухпутных участках количество крушений в сутки должно было быть не менее двух на каждом пути. Исходя из этого, можно посчитать, что на однопутном участке для полного закрытия движения на 10 дней требовалось 20—30 минут и на месяц 50—80 минут с возрастающими сроками замедления.

«Рельсовая война» в Белоруссии привела к снижению объема германских военных перевозок в 1943 г. на 40%.

Из-за «рельсовой войны» оккупанты были вынуждены привлечь крупные дополнительные силы для охраны железных дорог. Разъезды стали охраняться гарнизонами до 150 человек. В районах активных действий партизан создавались заставы, которые располагались в нескольких километрах друг от друга, а в ночное время через каждые 200—300 м были расставлены посты по 2—3 человека. Кроме того, участки

между заставами контролировались подвижными группами солдат и полицейских.

Для борьбы с партизанами немцы буквально со всей Европы собрали различные бронедрезины и броневагоны. На железнодорожные колеи ставили бронеавтомобили и танки, оснащенных вагонными колесами с бандажами. Так, против партизан действовали десятки французских трофейных бронеавтомобилей «Панар» 38(f), вооруженных 20-мм пушками. Замену колес производили всего за 15— 20 минут.

20 октября 1943 г. Гитлеру были продемонстрированы танки PzKpfw III Ausf N, приспособленные для езды по рельсам с помощью 4 колес. Скорость танка по железной дороге достигала 100 км/ч. Танк был специально переделан для охраны железных дорог от партизан.

11 ноября 1942 г. вышла специальная директива штаба сухопутных войск с наставлением по действию бронепоездов против партизан.

Против партизан действовали десятки импровизированных германских бронепоездов. На большинстве из них на платформах стояли танки, которые могли вести огонь с железнодорожной платформы, а при необходимости по специальным приспособлениям спускаться на грунт и действовать как обычные танки. Обычно в таких случаях использовались трофейные французские танки.

В августе 1943 г. командование группы армий «Центр» сняло с фронта и отправило против партизан 4 тяжелых бронепоезда № 66, 67, 68 и 72.

С большими трудностями столкнулись немцы при обеспечении железных дорог рабочей силой — ни русские, ни белорусы не желали на них работать. В донесении железнодорожной дирекции группы армий «Центр» о действиях партизан говорилось: «В районах, находящихся под влиянием партизан, невозможно завербовать местных рабочих и служащих»^[96].

Поэтому к ремонту железных дорог часто приходилось привлекать воинские подразделения.

Проблемы были как с рельсами, так и со шпалами. По данным железнодорожной дирекции германской группы армий «Центр», до июля 1942 г. в результате деятельности партизан оккупанты теряли ежемесячно 270 тыс. штук шпал.

В приложении к докладу Главной железнодорожной дирекции группы армий «Центр» от 28 июля 1942 г. сообщалось, что в Белоруссии полностью уничтожено 9 лесопильных заводов. При сожжении лесопильного завода в Исавичах партизаны уничтожили 7 тыс. шпал. А всего в тыловых районах группы армий «Центр» к середине 1942 г.

уничтожено 13 лесопильных заводов, в том числе и самый крупный завод на реке Березине в Борисове. В этом же документе говорилось, что в районе Минска на складах находится 30 тыс. готовых шпал, которые не могут быть вывезены из-за деятельности партизан. «Транспортировка леса по сплавным рекам и по дорогам из-за активных действий противника приостановлена на 90%», — констатировала Главная железнодорожная дирекция группы армий «Центр».

24 апреля 1944 г. из-за усиленной охраны партизаны не смогли заминировать рельсы. Германский эшелон с боевой техникой и живой силой приближался к месту засады. Тогда семнадцатилетний партизан Николай Гойшик бросился с миной под паровоз и ценой собственной жизни на 15 часов остановил доставку на фронт вражеской техники и боеприпасов. До этого Николай Гойшик принял участие в подрыве семи германских эшелонов. Его отец Василий Данилович тоже партизанил и был расстрелян немцами.

Следует заметить, что на фоне грандиознейших успехов в «рельсовой войне» остались незамеченными успехи белорусских партизан на речных коммуникациях противника. Между тем и на реках немцам приходилось несладко. Так, в начале сентября 1941 г. группа диверсантов под командованием Михаила Алексеевича Головина совместно с петриковским партизанским отрядом Полесской области уничтожила большой товаро-пассажирский пароход на реке Припяти с грузом бензина и другого военного имущества. Партизаны организовали на берегу засаду и бронебойными и зажигательными пулями обстреляли пароход, вызвав на нем пожар. Огонь уничтожил весь груз, погибла и вся команда. Проходивший мимо вражеский катер также был уничтожен^[97].

12 октября 1942 г. Западный штаб партизанского движения сообщал, что в результате деятельности партизан по Днепру между Шкловом и Могилевым движения не было и в августе, и в сентябре 1942 г.^[98].

В первых числах апреля 1942 г. соединения партизанских отрядов под командованием С.А. Ковпака, А.Ф. Федорова и Я.И. Мельника провели совместную операцию по уничтожению судов речной флотилии на Припяти. В результате было уничтожено: три парохода, восемь бронекатеров, одна моторная лодка и пять барж^[99].

Белорусские партизаны из Пинского партизанского соединения в первой половине 1943 г. вывели из строя 5 шлюзов на Днепровско-Бутском канале. В результате канал на протяжении 120 км не работал, а 130 судов стали трофеями партизан^[100].

Белорусские партизаны регулярно срывали поставки продовольствия в Рейх. До войны и в ходе нее критика колхозной системы СССР была любимым коньком геббельсовской пропаганды. Однако, оккупировав Белоруссию, Гитлер оказался поборником колхозов. Он дал установку «бороться самыми жестокими мерами» со всякой попыткой ликвидировать крупные сельскохозяйственные предприятия, потому что «при системе разделения на несколько мелких крестьянских хозяйств немецкое влияние на производство сводится к утопии»^{101}.

В секретной инструкции «Принципы ведения хозяйства на Востоке», изданной германским командованием в августе 1941 г., говорилось, что «сохранение колхозной системы необходимо пока для того, чтобы предотвратить перебои в снабжении немецкой армии и хозяйства за счет русских просторов»^{102}.

Выход на работу для крестьян был обязательным. За отказ от работы следовало строгое наказание вплоть до расстрела. Вся продукция «общинных хозяйств», «государственных имений» и «опорных пунктов» подлежала изъятию.

Зато после окончания войны немцы обещали крестьянам передать землю в личное пользование. Когда задавался вопрос, почему передача земли в частную собственность откладывается на неопределенный срок, то в соответствии с директивами «Коричневой папки» германские власти объясняли населению это тем, что надо подождать «бойцов с фронта, которые в первую очередь имеют право на наделение имущественными объектами в восточных областях и без которых использование восточного края с новым слоем предпринимателей из лучших, самых заслуженных немецких сил, не может быть проведено»^{103}.

В итоге оккупанты фактически превратили бывшие колхозы в своеобразную форму военно-крепостнического хозяйства («общинное хозяйство»), а крестьян — в бесправных батраков с единственным правом трудиться под непосредственным военно-полицейским контролем фашистских надсмотрщиков и колонистов.

Однако и тут в планы немцев вмешались партизаны. Так, партизанский отряд Краснослободского района Минской области под командованием М.И. Жуковского уже в июле 1941 г. захватил райцентр город Слуцк, разгромил германскую комендатуру и другие органы управления и роздал населению зерно, муку с мельницы и продукты питания из продовольственных складов.

В 1941 г. один только партизанский отряд Кличевского района

Могилевской области (командир И.З. Изох, комиссар Я.И. Заяц) разгромил 55 сельских управ и полицейских гарнизонов, возвратил населению 220 тонн отобранного у него немцами зерна, предназначенного к отправке в Германию.

Под контролем советских партизан в Мозырском районе БССР летом 1941 г. весь урожай населением был убран, обмолочен и распределен между колхозниками.

С начала боевых действий по 7 октября 1942 г. партизаны бригады, возглавляемой Героем Советского Союза Ф.И. Павловским, действовавшей в Полесской области, уничтожили три спиртозавода, два маслозавода, захватили 14 складов с продовольствием и одеждой, уничтожили и раздали населению 2300 т зерна, отбитого у врага, и 1750 голов скота.

12 января 1942 г. из райцентра Копаткевичи по приказу военного коменданта города Бобруйска был отправлен обоз — 75 подвод и одна автомашина с хлебом. Партизаны окружили обоз, перебили часть охранявших его полицейских, а остальныхпустили по домам. Весь хлеб был роздан местному населению.

В мае 1942 г. в городе Городке Витебской области группа партизан под командованием Михайлова и Иванова взорвали нефтебазу и склады с зерном. При этом было уничтожено более 1000 тонн зерна, а на нефтебазе сгорело около 700 тонн бензина.

В 1944 г. перед партизанами Белоруссии встала новая задача — помешать отступающему противнику превратить оставляемую им территорию в пустыню. ЦК Компартии Белоруссии, штабы партизанского движения и подпольные обкомы разработали специальные мероприятия по спасению населения. Только в лесах южной пригородной зоны Минска под защитой партизан укрылись более 5 тысяч семей. По всей территории республики расширяется сеть лесных лагерей для мирных жителей, охрану которых несли более 80 тысяч партизан.

Немцы не оставляли попыток ликвидировать партизанские края и зоны. В апреле против 17-тысячного соединения Ушачско-Лепельской зоны (командир В.Е. Лобанок) германское командование бросило 60 тыс. солдат и офицеров. 25 суток партизаны отражали атаки противника, а в ночь на 4 мая соединение прорвало блокаду врага, выведя при этом 15 тыс. мирных жителей. Важную роль в провале карательной операции сыграла помощь 3-го Белорусского фронта. В марте — апреле партизанам было доставлено 215 тонн боеприпасов, вывезено 1500 раненых.

К лету 1944 г. на оккупированной территории сражались 150 бригад и 49 отдельных отрядов общей численностью 143 тыс. человек. Партизаны

контролировали значительные территории. Они были полными хозяевами в Октябрьском, Копаткевичском, Житковичском, Любанском, Старобинском, Ганцевичском, Кличевском, Бегомльском, Ушачском, Суражском, Меховском районах.

К концу 1943 г. свыше половины территории Белоруссии находилось под контролем партизан. Они очистили от оккупантов тысячи сел и деревень, 20 районных центров. Там были восстановлены органы советской власти, действовали советские законы и порядки.

31 мая началась подготовка к операции «Багратион». Ее особенностью было то, что действия четырех фронтов тесно координировались с действиями партизан. В июне — начале июля партизаны взорвали более 60 тыс. рельсов и пустили под откос десятки эшелонов с живой силой и техникой противника.

По свидетельству начальника транспортного управления группы армий «Центр» полковника Г. Теске эта операция вызвала «полную остановку железнодорожного движения на всех важных коммуникациях, ведущих к участкам прорыва». Бригады им. Александра Невского, им. Пархоменко, им. Чкалова, им. Ворошилова, им. Сталина, «Буревестник», «Беларусь» за несколько дней до подхода Красной армии освободили районные центры Старобин, Копыль, Красную Слободу, Узду, Руденск. Бригады им. Фрунзе, им. Рокоссовского, им. Суворова освободили Слуцк, Греск и Дзержинск. Отряд им. Богдана Хмельницкого очистил от противника южную часть Беловежской пуши. Пинское соединение совместно с частями 61-й армии взяли Пинск, а затем Кобрин и Брест. Партизаны построили для наступающих войск 312 мостов и переправ. На Березине бригада «Железняк» до подхода 35-й гвардейской танковой бригады удерживала плацдарм шириной 17 км.

После освобождения Белоруссии десятки тысяч партизан влились в ряды Красной армии.

На территории БССР за время войны действовало около 40 партизанских соединений.

С июня 1941 г. по июль 1944 г. партизаны Белоруссии вывели из строя около 500 тысяч военнослужащих оккупационных войск и марионеточных формирований, чиновников оккупационной администрации, вооруженных колонистов и пособников (из них 125 тыс. человек — безвозвратные потери), подорвали и пустили под откос 11 128 вражеских эшелонов и 34 бронепоезда, разгромили 29 железнодорожных станций и 948 вражеских штабов и гарнизонов, взорвали, сожгли и разрушили 819 железнодорожных и 4710 других мостов, перебили более 300 тыс. рельсов, разрушили свыше

7300 км телефонно-телеграфной линии связи, сбили и сожгли на аэродромах 305 самолетов, подбили 1355 танков и бронемашин, уничтожили 438 орудий разного калибра, подорвали и уничтожили 18 700 автомашин, уничтожили 939 военных складов. За тот же период партизаны Белоруссии взяли следующие трофеи: орудий — 85, минометов — 278, пулеметов — 1874, винтовок и автоматов — 20 917. Общие безвозвратные потери белорусских партизан в 1941—1944 гг., по неполным данным, составили 45 тысяч человек.

За участие в антифашистской борьбе в подполье и партизанских отрядах на территории БССР советскими правительственными наградами были награждены более 120 тыс. человек, звание Героя Советского Союза получили 87 человек.

Глава 14.

Украинские националисты на Белорусской земле

Сразу после окончания Великой Отечественной войны советский агитпроп пустился во все тяжкие, отмазывая палачей, убийц и прочих военных преступников. Все преступления войны валились исключительно на этнических немцев. К отмазкам были подключены генералы и маршалы, десятками издававшие свои мемуары, написанные «черными перьями».

Подключались самые знаменитые писатели и режиссеры. Вот, к примеру, в 1969 г. в журнале «Юность» была опубликована повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» Через два года повесть была инсценирована Юрием Любимовым в Театре на Таганке. А в 1971 г. за экранизацию повести взялся «классик советского кинематографа» Станислав Ростоцкий.

Причем натурные съемки происходили в деревне Сяргилахта в Пряжинском районе Карелии, западнее Петрозаводска.

Суть повести общеизвестна. В Карелии вблизи Мурманской железной дороги (ошибка, тогда дорога называлась Кировской) высадился десант из 16 германских парашютистов. Их всех убивают или берут в плен инвалид войны старшина Васков и пять девушек-зенитчиц. Вопрос о том, позволили бы это сделать с собой 16 парашютистов (вспомним Крит, Монте-Кассино и еще десятки эпизодов), я оставляю в стороне.

Главное же то, что германских парашютистов там не было и не могло быть. Их туда никогда не пустил бы Маннергейм. Ведь Карелия — исконно финская территория!

Но и Васильеву, и Любимову, и Ростоцкому нужны были именно немцы, а с финскими парашютистами их бы просто никто не понял. Я уж не говорю о том, что в Карелии практически никто не прыгал с парашютом на «остроконечных елей ресницы», а наоборот, советские и финские гидросамолеты садились в «голубые глаза озер», и на надувных лодках десант спокойно высаживался на берег.

Придирки к автору художественного произведения? Нет, это не художественное произведение, а одна из операций прикрытия.

А вот еще одна операция прикрытия. Финны якобы не стреляли по Ленинграду. Я с детства не мог понять, как кольцо вокруг Ленинграда

могло состоять из одной половинки — германской. Нельзя же таким хорошим финнам ставить в вину гибель сотен тысяч ленинградцев в дни блокады.

Но наша книга-то о Белоруссии? Ну, так вот, 9 января 1942 г. с фронта у Смоленска был снят 638-й пехотный полк «Легиона французских добровольцев» (ЛФД). С самого начала солдаты ЛФД были вовлечены в серию карательных операций, проводившихся генерал-лейтенантом Рихертом с августа 1942 г. до начала 1943 г. с целью подавления возрастающего партизанского движения. Разбросанные по различным пунктам, расположенным на линиях сообщения Витебск — Смоленск — Орша — Борисов, подразделения легиона несли патрульную службу, постоянно активно вступая в схватки с партизанами и устраивая локальные акции. Их по необходимости собирали для осуществления крупных операций в тактические группы, лишь изредка поначалу применяя батальоны целиком.

В задачу первой операции, получившей название «Гриф», где были задействованы легионеры, входило уничтожение скрывавшихся в лесах между Сенно и Оршой партизан, действия которых угрожали коммуникациям, проходившим через Витебск и Оршу. За две недели, с 16 по 30 августа, карателям удалось основательно потрепать бригаду Заслонова и уничтожить формирующуюся бригаду Зюкова, а также, уничтожив около 900 местных жителей, на несколько месяцев «умиротворить» данный район.

Одной из следующих стала операция «Карлсбад», проведенная с 10 по 23 октября, для которой выделили группу из первого батальона майора Лакро в составе минометного взвода лейтенанта Самбофа, третьей роты и взвода лейтенанта Фалсу из второй роты. Здесь они вступили в бой с партизанами, дислоцировавшимися в лесах к югу от дороги Борисов — Орша между реками Березина и Днепр, вместе с солдатами СС 1-й моторизованной бригады, 14-го полицейского полка и спецбатальона Дирлевангера.

В 1943 г. в ходе карательной операции «Майская гроза» удалось окружить шесть бригад Суржской партизанской зоны. Большинство партизан, разделившись на малые группы, смогли прорвать окружение и уйти.

В начале 1980-х годов во Франции возникла общественная ассоциация «Узники Тамбова».

Бедные французские парни решили посетить Россию по путевке туристической фирмы «Гитлер и К⁰», а их там нехорошо встретили и

отправили в концлагерь под Тамбовом.

И о них опять у нас никто не пишет. Другое дело — эскадрилья «Нормандия—Неман». Она-то и побилла люфтваффе на Восточном фронте!

Риторический вопрос, неужели советские, а сейчас «демократические» историки, выгораживающие финских, польских, французских и иных военных преступников, перекладывая их вину на немцев, не понимают, что сами совершают преступление против всех народов бывшего СССР, против сотен тысяч, а может и миллионов людей, убитых всяким сбродом, сбежавшимся со всей Европы. Еще раз замечу, что ни в СС, а тем более в вермахт никого и никогда силой не загоняли!

Если свидетель видел, что жертву убил Сидоров, а на суде показывает на Иванова, то он сам становится преступником. И по законам всего мира должен сесть в тюрьму за лжесвидетельство.

Вот я открываю энциклопедию Великой Отечественной войны, изданную в 1985 г. под редакцией генерала армии профессора М.М. Козлова. Там на странице 770 говорится: «Хатынь, бывшая деревня Логайского района Минской области БССР. 22 марта 1943 г. батальон немецко-фашистских карателей окружил деревню. Сгнав всех жителей в сарай, фашисты подожгли его. Пытавшихся спастись расстреливали из автоматов. Погибло 149 человек (в том числе 75 детей)»^{104}.

В 1986 г. в СССР кинорежиссер И. Гутман снял фильм «Нюрнберг: 40 лет спустя», где хроники выступлений Гитлера перемежаются с кадрами памятников в Хатыни, а затем показывается Нюрнбергский трибунал. Сожгли Хатынь. Вот и пришло возмездие в Нюрнберге.

Но в том же 1986 г. в Минске в здании Военного трибунала Белорусского ВО шел закрытый процесс над хауптштурмфюрером (капитаном) СС Григорием Васюрой. Именно он был начальником штаба 118-го полицейского батальона СС и лично руководил акцией в Хатыни. Эсэсовец со странной для арийца фамилией был приговорен к высшей мере.

Для газеты «Известия» был подготовлен специальный репортаж о судебном процессе. Еще бы! Хатынь была любимым антигерманским брэндом советской пропаганды. Однако репортаж так и не появился в «Известиях». И вообще о Васюре было запрещено упоминать в СМИ. Вето на публикации было наложено членом Политбюро, первым секретарем ЦК Компартии Украины Щербицким.

А почему? Да потому, что 118-й полицейский батальон СС был сформирован в Киеве и полностью укомплектован украинцами, большинство из которых были уроженцами Западной Украины.

Неукраинцев в батальоне было только два, и оба командира — поляк Смовский и немец майор Эрих Кернер. Причем Кернер был старым и больным, и все дела передал Васюре. 118-й батальон участвовал в расстреле евреев в Бабьем яру и в иных «благотворительных акциях».

Поводом для расстрела жителей Хатыни стал обстрел партизанами в 40 км от Минска германской автоколонны, в ходе которого был убит гауптман СС Ганс Вельке.

Васюра решил выслужиться, и без приказа, в инициативном порядке (!) провел карательную операцию.

Замечу, что Хатынь — не исключение. В годы войны в Белоруссии действовал 21 украинский полицейский батальон СС. В 1943 г. часть украинских полицейских батальонов была включена в состав полицейских стрелковых полков (№ 31—38) трехбатальонного состава.

К лету 1944 г. полицейские батальоны в боях с партизанами понесли большие потери, поэтому 109-й расформировали. Действовавшие на территории Белоруссии 57-й, 61-й (им. Богуна) и 62-й (им. Тараса Шевченко) батальоны вошли в состав 30-й гренадерской дивизии СС (русская № 2).

Объективности ради отмечу, что латышских полицейских батальонов в Белоруссии было больше, чем украинских, аж целых 26! Литовских батальонов СС было только 8, а эстонских — вообще один.

Таким образом, в общей сложности более 20 тысяч украинцев приняли участие в карательных акциях против мирных жителей. Их действия на территории Белоруссии были связаны с многочисленными военными преступлениями в отношении гражданского населения.

Не зря у белоруссов есть горький анекдот:

Украинец наезжает на белоруса:

— Вот у нас на Украине все есть. И хлеб, и уголь, и руды всякие, и даже нефть в Карпатах нашли. А у вас? Только одна картошка и есть...

— Да, — отвечает белорус. — Усе верно. В войну немцам даже полицаев приходилось с Украины завозить...

Сейчас на Украине «оранжевые» историки оправдываются, мол, приказы о массовых уничтожениях мирных жителей отдавали немцы, а несчастные украинцы, силой загнанные в батальоны СС, были вынуждены их выполнять.

Я не буду говорить о том, что силой в СС никто никого не тянул, и что украинские полицейские батальоны действовали в большинстве случаев автономно от немцев и могли легко перейти к партизанам. Куда важнее то, что организация украинских националистов ОУН-УПА еще до начала

Второй мировой войны требовала создания Великой Украины от Сана (правый приток Вислы) до Волги.

Объединить в едином государстве всех восточных украинцев (схидняков), русских, белорусов, русинов Закарпатья, поляков, румын, молдаван и другие народы должны были «настоящие украинцы» — галицийцы.

Руководство ОУН-УПА сравнивало галицийцев с пьемонтцами. Как известно, в середине XIX века королевство Пьемонт объединило Италию. Разница с Галицией в том, что Пьемонт был экономически более развитым районом, нежели юг Италии. Главное, Пьемонт дал Италии династию, но его граждане имели те же права, что и остальные итальянцы.

Ну а по мнению руководства ОУН-УПА, галицийцы должны были стать избранным народом «в Украине от Сана до Волги».

В октябре 1941 г. ОУН(б) выпустило листовку, которая призывала: «Хай живе Велика Незалежна Україна без жидів, поляків і німців; поляків за річку Сян, німців до Берліну, а жидів на шибеницю»^{105}. (Шибеница — кол.)

Белорусы тут не упомянуты — их ОУН и за нацию-то не считала.

Ну, мало ли какой политик-экстремист выдвигал территориальные претензии к соседям? Увы, у руководства ОУН-УПА в отношении Белоруссии слова с делом не расходились.

«На территории Белорусского полесья ОУН начала создавать свои структуры еще в 1930-е гг. С началом же Великой Отечественной войны, когда южные районы Беларуси были включены германскими оккупационными властями в состав рейхскомиссариата “Украина”, деятельность украинских националистов на белорусской территории значительно активизировалась. В итоге к моменту полного освобождения территории БССР от немецко-фашистских оккупантов в Беларуси располагались значительные силы ОУН, объединенные Брестским окружным проводом под кодовым названием “Кричевский” или “№ 100”. Возглавлял его Зиновий Савчук (“Шварц”, “Александр”). Брестский окружной провод входил в состав краевого провода ОУН на северо-западных украинских землях (ПЗУЗ) с кодовым названием “Москва”, включавшим помимо территории Белорусского Полесья Волынскую, Ровенскую, Житомирскую и Винницкую области Украины. Руководили проводом Чупринка (“Смок”) и Максим Дубовый. В свою очередь, краевой провод ПЗУЗ подчинялся Центральному проводу ОУН во главе с Р. Шухевичем (“Тур”)»^{106}.

Только с 1944 по 1946 г. «ОУН-УПА совершила на территории Беларуси 2384 диверсии и террористических акта, в результате которых погибло 1012 человек, в том числе 50 сотрудников НКВД 8 офицеров, 28 солдат и сержантов Советской Армии, 171 партийный и советский работник, 298 гражданских лиц»^{107}.

Украинские националисты нападали, убивали и грабили крестьян. Причем, часто виноватыми выставляли советских партизан. Так, «группа националистов в количестве 100 человек ворвалась в деревню Дуброва Столинского района и уничтожила 10 семей польской национальности и быстро скрылась в Ровенскую область, а потом выпустила листовку, что польские семьи расстреляны якобы партизанами»^{108}.

А вот допрос в Гомеле следователем НКВД националиста С.Д. Назарчука:

«Да, я признаю, что я действительно являюсь участником Украинской националистической повстанческой армии. (УПА.)

[...] *Вопрос.* Почему Ваша “УПА” перешла из Украины в Белоруссию? В каких районах должна расположиться “УПА”?

Ответ. Нам командир говорил, что “УПА” переходит из УССР в БССР потому, что там нужно навести такой порядок, который навели мы на Украине. Нужно заставить белорусов ненавидеть Советы и любить УПА. Для зимы заготовить продукты, одежду и сформироваться»^{109}.

Вот несколько типовых действий отрядов ОУН-УПА:

«1 октября 1944 г. на хуторе в Повитьевском сельском совете был расстрелян гражданин только за то, что его сын ушел в ряды Красной армии, а не к бандитам...

12 октября 1944 г. в ночное время банда напала на один из сельских советов Ратновского района, граничащего с нашим Осовским и Леликовским сельскими советами. В здании сельского совета находился работник Ратновской раймилиции с 6 вооруженными гражданами из местного актива, которые бандой целиком были все захвачены и обезоружены, выведены во двор совета, положены на землю и шесть человек расстреляны, а седьмой тяжело ранен. Банда, забрав все документы, зажгла здание сельсовета, начала отходить. В это время прибыл наш батальон и начал преследовать бандитов. В результате боя было убито 26 бандитов, в том числе главарь банды “Орлик”»^{110}.

«В ночь с 9 на 10 декабря 1944 г. банда бульбовцев в количестве 20 человек вышла с хуторов деревни Кончицы Дубойского сельсовета, подошла к шлюзу № 1, где выпустила две ракеты и обстреляла из

автоматического оружия постройки на шлюзе.

Охраной шлюза был дан ответный огонь, после чего банда вдоль берега канала направилась в направлении деревни Стаховичи Дубойского сельсовета, откуда также была слышна перестрелка»^{111}.

«23 ноября 1944 года одна пограничная застава под командованием л-та Васильченко в лесу недалеко от д. Сварынь Радостовского с/совета обнаружила банду численностью до 400 человек, с которой завязала бой. В результате боя л-т Васильченко со своей заставой погибли. На месте боя было обнаружено 28 чел. красноармейцев. Банда скрылась.

6 декабря с.г. группа бандитов в к-ве до 20 чел. по дороге Дивин — Оса напали на военнослужащих 220-го погран. полка, убили старшину тов. Яценко, после чего скрылись»^{112}.

Далеко не все нападения УОН-УПА на гражданское население сходили им с рук. Так, «в ночь с 13 на 14 ноября 1945 г. на территории Гланковского с/совета д. Глинка появилась вооруженная группа бульбовцев примерно до 30 человек, ограбила магазин сельпо, окружив дом председателя с/совета тов. Порхимовича, выломали окно, стали лезть в квартиру для того, что бы взять его живьем, но Порхимович, имея при себе винтовку, стал отстреливаться, одного из них убил насмерть и двух тяжело ранил, после чего бандиты дают распоряжение сжечь дом и сами уходят, а тов. Порхимович в это время выскочил в окно и от них скрылся»^{113}.

Представим на секунду, если бы сейчас, в 2013 году, к вам в квартиру в окно полезли бандюганы, а вы грохнули бы одного и тяжело ранили двух других. Схлопотали бы за шпану лет 10—15!

Надо ли говорить, что советские партизаны активно противодействовали ОУН-УПА как на территории УССР, так и БССР. Применялись и репрессии против небольших групп мирного населения, поддерживавших бандитов. Из отчета партизанского отряда имени А.В. Суворова бригады имени В.М. Молотова: «27 сентября [1943 г.]. Отрядом под командованием помощника ком. отряда Истомина был выезд по уничтожению украинских националистов в с. Деревок и Пневно, где была проделана следующая операция: прочесывание леса, затем был принят бой, который продолжался 2—3 часа. В результате боя было убито 10 чел. националистов. Взяты небольшие трофеи. После чего ворвались боем в населенные пункты, где было сожжено до 30 вражеских домов, из которых обстреливали националисты. При горении в каждом доме рвались патроны и гранаты»^{114}.

Из дневника боевых действий партизанского отряда имени Г.К.

Орджоникидзе Пинской бригады о боях с украинскими националистами. 26 октября 1943 г.

«10.7.43 года. Группа бойцов под командой Дороша выгнала националистическую группу с националистической деревни Повитье...

4.10.43 года. Группа бойцов под командой Аладьина Г. вела бой с националистами, в результате боя забито 11 националистов и взято в плен 3»^{115}.

Из отчета Пинской партизанской бригады о боях с украинскими националистами. (Не ранее 1 ноября 1943 г.)

«Отряд им. Костюшко.

По отряду с августа по ноябрь 1943 г. Проведено боев с украинскими националистами — 3. Убито 18, ранено 5 националистов и немецких солдат в боях и из засад. Подорвано рельсов — 8 протяжением 100 метров. Захвачены трофеи: винтовок — 5 [...]

Отряд им. Орджоникидзе.

Октябрь 1943 г. Проведено боев с украинскими националистами — 2. Убито 12 националистов в боях. Взято в плен — 3 националиста. Подорвано рельсов — 32 протяжением 400 метров.

По отряду с июля по ноябрь 1943 г. Проведено боев с карательным отрядом и по разгрому полицейских участков — 4. Убито 23 немецких солдата и украинских националиста в боях и из засад. Взято в плен — 15 полицейских и украинских националистов. Сожжено жел.-дорожных станций — 1. Сожжено складов с продовольствием и с/х машинами — 4. Сожжено полицейских участков — 2. Подорвано рельсов — 32 протяжением 400 метров.

По Пинской бригаде с сентября 1942 г. по ноябрь 1943 г. Спущено под откос в/эшелонов и поездов противника — 8. Разбито: паровозов — 10, вагонов — ПО. Повреждено: паровозов — 5, вагонов — 24. Убито 185, ранен 71 немецкий солдат, полицейские и украинские националисты. Проведено боев с немецко-фашистскими войсками, полицией и украинскими националистами — 12. Взято в плен — 15 полицейских и украинских националистов»^{116}.

Я недаром привожу длинные цитаты из донесений партизанских командиров. Здесь мы видим, что боевые действия против немцев велись параллельно с борьбой с украинскими националистами. Притом партизаны не видели особой разницы между оккупантами и бандитами, которые мнили себя потенциальными оккупантами.

А вот любопытный документ: «Радиограмма командования

Ровненского партизанского объединения № 1 о концентрации отрядов УПА в треугольнике Ковель — Сарны — Столин, их численности и вооружении» от 2 ноября 1943 г.

Совершенно секретно.

Тов. Хрущеву, Строкачу.

«В треугольнике Ковель — Сарны — Столин в данное время действуют националисты и чешские отряды УПА. Отряд Шавуридо до 150 человек, вооружение: пушка 45 мм одна, станковых пулеметов — 1, ручных пулеметов — 10, автоматов — 3, полуавтоматов — 30, минометов ротных — 1, мин к нему — 50, остальные винтовки, патронов к ним от 50 до 80.

Бегма, Тимофеев»^{117}.

Речь идет о пограничном районе между Белоруссией и Украиной. Партизанские командиры не сильны в большой политике и пишут «чешские отряды УПА». А это отряды из граждан Чехословакии украинского происхождения. Их сформировали немцы и отправили на Восточный фронт — еще одна разновидность «пьемонтцев».

Из отчета партизанского отряда им. Калинина бригады им. Молотова:

«Группа партизан заставы д. Горки 11.12.43 года обстреляла движущихся украинских националистов за скотом на Любатинские хутора, под огнем партизан националисты спешно бежали, не взявши скота»^{118}.

После освобождения Белоруссии Красной армией отряды ОУП-УПА усилили террористическую деятельность. Нападения на милиционеров, советских чиновников, председателей колхозов и т.д. еще можно объяснить желанием националистов держать под контролем области Белоруссии. Но какого лешего ОУН-УПА настойчиво пыталось сорвать восстановление Днепро-Бугского канала?

Напомню, что канал, соединяя реки Припять и Западный Буг, имел важное стратегическое значение. В 1942 г. немцы провели по нему свыше 200 тыс. т грузов. Ну а весной 1943 г. советские партизаны взорвали шлюзы, и до освобождения Белоруссии канал был несудоходен. В сентябре 1944 г. советские строители приступили к восстановлению канала. Какой резон ОУН-УПА вести бои за канал, который физически не мог быть использован в борьбе с бандитизмом в Белоруссии? Тут националисты выполняли заказ своих немецких или англо-американских хозяев. И те, и другие были заинтересованы в нарушении снабжения частей Красной армии, наступавшей в Польше и Германии. Понятно, что и тех, и других не радовала перспектива прохода через канал многочисленных судов Днепровской военной флотилии и выход их на Вислу, Одер и далее на

запад, юг и Балтику.

«В ночь с 9 на 10 декабря [1944 г.] банда бульбовцев в количестве 20 человек вышла с хуторов деревни Кончицы Дубойского сельсовета, подошла к шлюзу № 1, где выпустила две ракеты и обстреляла из автоматического оружия постройки на шлюзе.

Охраной шлюза был дан ответный огонь, после чего банда вдоль берега канала направилась в направлении деревни Стаховичи Дубойского сельсовета, откуда также была слышна перестрелка»^{119}.

«18 октября [1944 г.] банда сделала налет на Белоозерский канал.

Бандитами убит главный инженер т. Панов и три бойца охраны. Бандиты поломали шлюз и выпустили воду из водохранилища»^{120}.

«1 декабря 1944 года на территории Ивановского района Пинской области было совершено нападение на строительство Днепро-Бугского канала, в результате нападения уничтожен шлюз № 2, сожжена кузница с оборудованием и срублена наблюдательная будка»^{121}.

27 марта 1946 г. «бандитская группа на хуторе деревни Журавок Ивановского района убила начальника шлюза Днепро-Бугского канала, бывшего партизана Рудого И.Е.»^{122}.

Канал удалось восстановить к лету 1945 г.

«В окрестностях дер. Повчин Туровского района Полесской области в ночь с 8 на 9 апреля 1945 года были выброшены вражеские парашютисты в количестве 4 человек с задачей связаться с руководством банд УПА и проводить диверсии на железнодорожном транспорте.

Принятыми мерами со стороны члена группы содействия тов. Буда Кирилла Максимовича, начальника Туровского РО НКВД лейтенанта милиции тов. Хохлова и созданной им оперативной группы в количестве 5 человек после ожесточенной перестрелки был захвачен один парашютист и убито два, а один утонул в реке Припять при спуске, труп которого был обнаружен позже»^{123}.

Тут стоит отметить два момента. Во-первых, ловили парашютистов исключительно местные жители — милиционеры и бойцы истребительных батальонов. Ну а во-вторых, в документе не говорится о национальности самолета, с которого велось десантирование. Если это немцы, что маловероятно для апреля 1945 г., то налицо тесное сотрудничество УПА с гитлеровцами в последние дни войны, от чего рьяно отрешиваются украинские националисты. А вот если самолет принадлежал ВВС США или Великобритании, так это весьма забавно — в апреле 1945 г. воевать против Красной армии?

Части НКВД, охранявшие тыл 1-го Белорусского фронта, вступили в боестолкновения с УПА уже в начале мая 1944 г. Так, «2—3 мая маневренная группа 157-го погранполка совместно с группой 232-го отдельного стрелкового батальона 19-й стрелковой бригады под командой начальника маневренной группы капитана Бородулина, участвуя в операции в районе Ячковичи — Хоточна, вела бой с бандгруппой УПА численностью 600—700 человек, состоявшей из двух куреней, возглавляемых “Балабаном” и “Долбенко”. Несмотря на явное численное превосходство бандитов, пограничники смело вступили в бой, в результате которого было убито 230 бандитов и 5 взято в плен. Наши потери: убито 16 человек, из них 4 офицера, ранено 12 человек, из них 1 офицер»^{124}.

Для борьбы с украинскими и польскими националистами в ноябре — декабре 1944 г. экстренно были организованы истребительные батальоны численностью 60—70 человек из партийно-советского районного и сельского актива (бывших партизан) с отрывом от производства, с сохранением за ними заработной платы. В итоге был организован истребительный батальон в составе 200 человек.

Вот сухая отчетность действий бандформирований:

«По данным органов НКВД, на территории Полоцкой, Молодеченской, Гродненской, Барановической, Пинской и Брестской областей БССР на учете на 1.1.1945 г. состояло 82 бандгруппы общей численностью 2385 бандитов. Кроме того, по далеко неполным данным, разыскивалось числящихся на учете органов НКВД по этим же областям:

Дезертиров КА — 1132 чел.

Уклоняющихся от призыва — 6299 чел.

В течение 1945 г. бандформированиями только в районах оперативно-боевых действий наших войск было совершено 189 бандоявлений, в результате которых убито — 138, ранено — 25 человек совпартактива, в[оенно] ел. Красной Армии, НКВД и местного населения...

На 1.1.1945 г. в составе войск округа для оперативно-боевого использования имелось три дивизии четырехполкового состава, отдельный стрелковый полк и, кроме того, были прикомандированы отдельный батальон и три отдельных дивизиона.

Общая численность войск составляла 20 910 человек. В семи областях оперативного обслуживания наших войск был выставлен 91 гарнизон. В течение 1945 г., в связи с оперативной обстановкой, дислокация войск подверглась значительным изменениям, так, например, в течение года гарнизоны ВВ НКВД были выставлены в 285 пунктах западных областей, из них: ротного состава — 179, батальонного состава — 86.

После произошедших изменений в количественном составе войск, связанных с отзывом отдельных частей в другие округа и соединения (220-й, 105-й погранполки, 267-й сп, прикомандированных отдельного батальона и дивизионов), демобилизации л/с первой очереди, расформирования 6-й сд, в составе войск округа на 1.1.1946 остались две дивизии трехполкового состава (из них: 12-й сп временно находится в оперативном подчинении УВВ НКВД Украинского округа). Численный состав войск — 10 446 человек»^{125}.

В течение 1945 г. в результате проведения чекистско-войсковых операций Белорусского ВО было ликвидировано 189 бандгрупп общей численностью 2577 бандитов. Из них: убито — 958, захвачено — 1619.

Кроме того, изъято бандитов-одиночек и участников антисоветского подполья — 3632 чел.

Бандпособников — 2026 чел.

Обнаружено и уничтожено — 3154 схронов и укрытий банд.

В результате разъяснительной работы во время проведения операций явилось с повинной и сдалось: бандитов — 157 чел., дезертиров — 333 чел., уклоняющихся от призыва — 6316 чел.

В ходе проведения операций изъято: орудий — 1, станковых пулеметов — 18, ручных пулеметов — 175, минометов — 7, винтовок — 1536, автоматов — 449, револьверов-пистолетов — 409, гранат — 886, радиостанций — 9, взрывчатых веществ — 82 кг.

В боестолкновениях с бандами потери советских войск за 1945 г. составили 87 человек. Из них: убито — 35, ранено — 52 человека.

Всеми видами нарядов за 1945 г. было задержано 106 814 человек. Среди них: подозреваемых в шпионаже — 25, диверсантов-парашютистов — 8, дезертиров Красной армии — 4709, уклоняющихся от призыва в Красную армию — 26 063, изменников Родины — 366, немецких солдат, в том числе бежавших из лагерей — 34.

С 1 января по 20 февраля 1945 г. войсками Белорусского ВО в составе 12-го, 264-го, 265-го стрелковых полков 7-й стрелковой дивизии, 267-го стрелкового полка, 1-го батальона 34-го мотострелкового полка 10-й стрелковой дивизии и 220-го погранполка, во взаимодействии с ВВ НКВД УО, проводилась чекистско-войсковая операция по ликвидации банд УПА в Пинской и Брестской областях.

В результате операции: ликвидировано 22 бандгруппы общей численностью 363 бандита (убито 97, захвачено 266), задержано бандитов-одиночек — 138. Кроме того, задержано: изменников Родины — 132, бандпособников — 122, дезертиров Красной армии — 1505, уклоняющихся

от призыва — 2159. Трофеи: ручных пулеметов — 9, автоматов — 35, винтовок — 107, карабинов — 10, пистолетов — 10. Потери советских войск составили: убито — 3, ранено — 2 человека.

Не проходит и дня, чтобы российские СМИ не выплескивали на население десятки «ужастиков» о сталинских репрессиях. Мол, НКВД массово расстреливал людей за одно неосторожное слово, а то и просто так, «ради выполнения спущенного Сталиным плана». Да, действительно, были необоснованные репрессии. Но их причинами являлись в первую очередь ложные доносы. Я уже в школе от детей «компетентных» родителей знал, что треть эков сидели за ложные доносы. Рассекреченные на Украине документы подтвердили это — действительно, около трети сидели за ложные доносы. А вот сейчас правительство РФ, ФСБ и иные организации делают все, чтобы сохранить в тайне имена доносчиков.

Зато по телевидению мы уже четверть века видим парады холеных дедов на Западной Украине и в Прибалтике. Все они ветераны СС и жертвы страшных сталинских лагерей. Но почему эти 70—100-летние деды выглядят здоровенькими и так браво маршируют?

Меня же лично действия госбезопасности в 1944—1950-х годах в Прибалтике, Белоруссии и на Украине удивляют своим... либерализмом. Вот, к примеру, история одного из «атаманов» УПА, некоего Резнюка.

«Материалами следствия установлено, что Резнюк, будучи во 2-м артиллерийском полку, находясь на передовой линии фронта, сдался в плен немцам. В марте месяце 1943 года из плена был освобожден и отправлен по месту жительства в Полтавскую область, в то время уже оккупированную немцами, но по месту жительства не поехал, а установил связь с бандой УПА и впоследствии вступил в ее ряды»^[126].

Бандой Резнюка убиты десятки мирных жителей, включая детей. Ограблено множество населенных пунктов Волынской и Брестской областей.

«В феврале 1945 года на территории Волынской области во время грабежа населения Резнюк со своей бандгруппой встретили группу красноармейцев, с которой, по приказанию Резнюка, вступили в бой. Во время боя банда Резнюка была разбита, а Резнюк и Колтунович были ранены и пленены.

Дело следствием закончено и направлено по подсудности. Военным трибуналом Резнюк приговорен к ВМН, а все остальные к 10 годам л/свободы каждый»^[127].

А вот история некоего Савчука по кличке «Веселый». Перечень

зверских убийств, совершенных членами его банды, займет не одну страницу. Вот только один вроде бы рутинный эпизод — 17 октября 1944 г. в местечке Дивин националисты расстреляли зрителей в ходе демонстрации кинофильма.

9 сентября 1945 г. в д. Большие Болоты Кобринского района были убиты две семьи — Бойко Емельяна Александровича, состоящая из четырех человек, и Кислюка Михаила Александровича, состоящая из 6 человек.

«Лично Савчук зверски убил путем удушения уполномоченного сельсовета деревни Шлях-Пуща Вышинского Ивана Александровича, расстрелял бойца истребительного батальона, жителя деревни Повите Бриштень Архипа и ранил в руку жительницу деревни Старая Темра Михалюк Пелагею, мать убитой комсомолки — продавщицы магазина сельпо, которая бежала от зверских издевательств над ней со стороны бандитов»^{128}.

К следствию по делу банды «Веселого» привлекли «215 участников ОУН, связных и пособников». «Военный трибунал войск МВД Брестской области приговорил Савчука Николая к высшей мере наказания — расстрелу, 4 человек к каторжным работам на срок 15 лет каждого, а остальных обвиняемых на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах каждого»^{129}.

Ну а всего в 1944—1946 гг. почти 500 тыс. человек привлечено к ответственности по делам о бандитизме в БССР, казнено 726 бандитов, осуждено к различным срокам наказания 29 654 чел., отправлено в ссылку или на поселения 115 212 чел.

Что же получается, полмиллиона белорусов выступали против советской власти? Вовсе нет. Среди осужденных к расстрелу или заключению нет и трети этнических белорусов. Как уже говорилось, в республике действовал поистине бандитский интернационал из западнцев, поляков, литовцев, латышей и т.п.

Глава 15.

Как Армия Крайова воевала в Белоруссии

30 июля 1941 г. в Лондоне польский генерал и глава эмигрантского правительства Сикорский и советский посол Майский подписали договор о сотрудничестве. Как мы ниже увидим, правительство было липовое, да и договор был составлен весьма невнятно. Судите сами:

«1. Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу. Польское правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза.

2. Дипломатические сношения будут восстановлены между обоими Правительствами по подписании настоящего Соглашения и будет произведен немедленный обмен послами.

3. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии.

4. Правительство СССР выражает свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным Польским Правительством с согласия Советского правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии. Все детали относительно организации командования и применения этой силы будут разрешены последующим соглашением.

5. Настоящее соглашение вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит».

* * *

Ну, допустим, Московский договор 1939 г. потерял свою силу. Так что, восстанавливаются границы 1938 г. или будут проведены какие-то новые? А ведь эмигрантское правительство объявило войну СССР и на 30 июля 1941 г. юридически находилось с СССР в состоянии войны. А в договоре

нет ни слова о прекращении войны. Тем не менее в знак протеста против подписания этого договора три польских министра-эмигранта, включая министра иностранных дел, 27 июля подали в отставку.

Несмотря на все вышесказанное, с этого момента Польша у нас стала считаться союзником по антигитлеровской коалиции. Летом 1941 г. Сталина можно было понять — немцы рвутся к Москве и Ленинграду, и новый союзник, хоть и липовый, сгодится хотя бы для пропагандистских целей.

Ну а в 1943 г. в СССР была создана первая польская дивизия им. Тадеуша Костюшки, командиром которой стал отставной подполковник Зигмунт Берлинг. Позже дивизия была преобразована в корпус, а затем в армию.

2 июля 1943 г. польский военно-полевой суд, подконтрольный эмигрантскому правительству Сикорского, заочно приговорил Берлинга, как «дезертира», к смертной казни.

По состоянию на 22 июля 1944 г. общая численность 1-й армии Войска Польского составляла 100 тыс. военнослужащих (в том числе свыше 60 тыс. — в боевых частях и подразделениях), кроме того, в советских военно-учебных заведениях проходили обучение 2554 офицера и свыше 600 летчиков.

По состоянию на конец октября 1944 г. в Войске Польском проходило службу 11 513 советских военнослужащих (в том числе 2992 артиллериста, 1060 связистов, 3253 интенданта, 1460 пехотинцев и 49 политработников).

Помимо того, в самом Войске Польском значительная часть (тысячи) военнослужащих были советскими гражданами как польского происхождения, так и просто с польской фамилией. Особенно много наших граждан было на офицерских должностях.

После войны Польша стала ПНР и членом Варшавского пакта. В этот период вполне понятно желание советского правительства считать поляков своими союзниками во Второй мировой войне.

Но после 1991 г. Польша стала членом НАТО и занимает самую русофобскую позицию среди всех стран Европы, не считая прибалтийских лимитрофов. Сейчас их наследники не унялись и просят у США разместить самолеты-носители ядерного оружия F-15 на польских аэродромах, откуда они могут достигнуть Смоленска всего за четверть часа.

Соответственно, русские, белорусы, украинцы и другие народы бывшего СССР имеют все основания считать Польшу своим врагом во Второй мировой войне.

Российские президент и премьер протирают штаны, стоя на коленях у мемориала в Катыни. Но никто из них не решился спросить, а как в советских лагерях военнопленных оказалось 60 277 польских «туристов» в униформе вермахта и войск СС. Причем пять пленных поляков служили у немцев... в генеральских чинах. Для сравнения, в этих же лагерях оказались 48 957 итальянцев, 23 136 француза, 2377 финнов и 452 испанца. Вклад польского народа во Вторую мировую войну вполне очевиден!

По понятным причинам о подвигах своих героев как в коммунистической, так и в антикоммунистической Польше предпочитают помалкивать. Собирать информацию приходится буквально по крупицам. Так, в боях на Восточном фронте польские добровольцы были замечены в 3-й танковой дивизии СС «Totenkopf»; в 4-й полицейской гренадерской дивизии СС; в 31-й добровольческой гренадерской дивизии СС «Bohmen und Mahren» и 32-й добровольческой гренадерской дивизии СС.

А всего в вермахт и СС вступило до полумиллиона добровольцев-поляков. Среди них был и Йозеф Туск — дед нынешнего польского премьера Дональда Туска.

Польские власти вообще не хотят говорить об этом полумиллионе своих соотечественников. А когда их припирают, говорят, что, мол, злодеи-немцы насильно мобилизовали бедных поляков. Увы, никакой мобилизации ни в вермахт, ни в части СС немцы не вели не только среди поляков, но и среди русских, французов и т.д. В СС поляки поступали непосредственно добровольцами, а в вермахт — по несколько иной схеме.

Для начала пан всеми правдами и неправдами доказывал, что он никак не поляк, а природный немец. Причем германские власти не только не приветствовали эту метаморфозу, но и чинили пану всяческие препятствия. Так, многих записывали в «полугерманцы» — была у них и такая градация. Ну а раз назвался груздем — полезай в кузов: отправляйся в вермахт защищать свой фатерланд.

Помимо войск СС и вермахта поляки добровольно служили еще в нескольких видах германской полиции. Еще в октябре 1939 г. германские оккупационные власти приступили к формированию польской вспомогательной полиции (Polnische Hilfspolizei или Polnische Polizei im Generalgouvernement). В ее ряды призывались бывшие полицейские Польской республики. К февралю 1940 г. она насчитывала 8700 человек, а в 1943 г. — уже 16 000 человек. По цвету униформы она получила название «синяя полиция».

А откуда взялось польское эмигрантское правительство?

Согласно польским официальным данным, президент Игнаций

Мосцицкий, начальник государства Рыдз-Смиглы и министр иностранных дел Юзеф Бек бежали в Румынию 17 сентября 1939 г., спустя несколько часов после ввода в Польшу советских войск. Однако, по сведениям советского правительства, к утру 17 сентября в Польше их и духу не было. Мудрые паны прихватили с собой и весь золотой запас Польши.

Но румынские власти потребовали от этих персонажей немедленно сложить с себя полномочия, угрожая в противном случае интернированием. 25 сентября президент Игнаций Мосцицкий в соответствии с 13-й статьей конституции назначил своим преемником Болеслава Веняева-Длутошовского, посла Польши в Италии. Сам же Мосцицкий отправился на ПМЖ в Швейцарию.

Однако французское правительство Веняев-Длутошовский не устраивал, и от поляков потребовали назначить нового президента. Французы и назвали кандидатуру — Владислава Рачкевича, благо, он находился под рукой в Париже. Премьер-министром опять же с подачи французов был назначен генерал Владислав Сикорский. Аугуст Залесский стал министром иностранных дел, Станислав Стронский — министром информации, а Адам Коц — министром финансов.

В октябре 1939 г. в Париж приехал генерал Казимеж Сосновский, и президент Рачкевич назначил его своим преемником. Несколько позже, 9 декабря, министром внутренних дел стал Станислав Кот, близкий друг генерала Сикорского.

Резиденцией польского правительства стал старинный французский город Анжу (Анжер) в 300 км к юго-западу от Парижа.

Итак, «анжерское правительство» было создано кучкой беженцев — военных и политиков, да еще по указке Парижа. И вот оно-то и объявило войну СССР.

Официально война была объявлена 18 декабря 1939 г. в так называемой Анжерской декларации. Повод для войны был смешон — СССР передал Литовской республике город Вильно с областью. Между прочим, Вильно еще в XIII веке был литовским городом, и вот «варвары большевики» освободили Вильнюсскую область и передали ее буржуазной (!) Литве. Ну а о том, что летом 1940 г. Литва станет советской, в Европе никто и не думал, как, впрочем, и в Кремле.

Во время похода Красной армии в Западные Белоруссию и Украину значительная часть польских офицеров и солдат сумела скрыться и даже выдавала себя за гражданских лиц.

Кроме того, правительство СССР распустило по домам всех сдавшихся в плен нижних чинов польской армии.

И вот из этих военных, а также из польских гражданских националистов уже с конца сентября 1939 г. начало создаваться антисоветское подполье.

«22 сентября, в тот же самый день, когда РККА заняла Львов, там была создана “Польская организация борьбы за независимость” во главе с генералом М. Янушайтисом (псевдоним “Карпиньский”), одним из руководителей правой Национальной Партии.

Подпольные структуры создавались также, к примеру, и Союзом польских харцеров — разновидности бойскаутской организации в Польше: таковой была нелегальная организация “Серые шеренги”. В разные виды подпольной деятельности была вовлечена молодежь, начиная с 12 лет. Причем на базе старшей возрастной группы впоследствии были созданы так называемые “Штурмовые группы”, далее вошедшие как составная часть в известную диверсионную структуру Армии Крайовой (АК) под названием “Кеды” (сокращение от польского “Управление диверсии”).

В 1940 г. члены “Серых шеренг” под руководством своих инструкторов подняли даже вооруженный мятеж в г. Чорткове на Западной Украине, который, естественно, был тотчас же подавлен подразделениями Красной армии и НКВД. Всего в конечном итоге НКВД арестовал в Чорткове 147 человек.

На территории Западной Белоруссии и Виленщины возникли и иные организации: “Польская освободительная армия”, “Диверсионная военная организация” и т.д.». ^[130]

Эмигрантское правительство во Франции с первого дня своего существования принимало энергичные меры по созданию «Польского подпольного государства».

Уже 29 сентября была создана военно-политическая организация «Служба за победу Польши» (SZP). Доклад об этом был направлен Верховному Главнокомандующему. Но Сикорский, опасаясь слишком большого влияния санационных офицеров на развитие ситуации на родине, распустил SZP и создал вместо нее Союз Вооруженной Борьбы (ZWZ). Во главе его стал Казимеж Сосновский, которому подчинялись: «командир области немецкой оккупации» Стефан Ровецкий и «командир области советской оккупации» генерал Карашевич-Токажевский.

Такое деление было неизбежно из-за почти непроницаемой для поляков новой границы СССР. Резиденция «коменданта» Ровецкого находилась в Варшаве, а «коменданта» Карашевич-Токажевского — во Львове.

Административно-территориально АК делилась на общары,

включавшие несколько округов (территорий бывших воеводств), обводы и другие более мелкие территориальные единицы. Существовали специальные организации, занимающиеся разведкой и диверсиями, в том числе созданная в августе 1941 г. «Вахляж», действовавшая на оккупированных Германией территориях СССР.

В Западной Белоруссии был создан обшар № 2 «Белосток», который возглавил полковник Е. Годлевский. Обшар включал Белостокскую, Виленскую, Новогрудскую и Полесскую округа. По данным польских историков, в 1944 г. подпольная сеть АК в Белоруссии насчитывала более 57 тыс. членов: Белостокская — более 33 тыс., Виленская — более 10 тыс., Новогрудская — более 10 тыс., Полесская — более 4 тыс. человек.

Второй по величине после АК польской подпольной организацией в Западной Белоруссии была «Народова организация войскова» (НОВ) — вооруженные формирования польской политической партии Стронництво народов, которые действовали преимущественно в Белостокской области. Их численность в регионе достигала почти 10 тыс. человек. Несколько сот человек входило в подполье НОВ в Барановичской области, в основном в Столбцовском и Воложинском районах.

После подписания 4 ноября 1943 г. соглашения о включении НОВ в АК противники объединения в НОВ образовали «Нородове силы збройне» (НСЗ), которые активно сотрудничали с германскими оккупационными властями и имели специальные отряды для борьбы с коммунистами и советскими партизанами.

После прихода Красной армии часть членов НСЗ ушла вместе с немцами, а те, что остались, вели вооруженную борьбу против новой власти и советских войск.

Также в Западной Белоруссии действовали «Баталионы хлопске» польской политической партии Стронництво людове-Рох. В Белостокской области в августе 1942 г. был образован VII округ «Баталионов хлопске», численность которого на 15 июля 1944 г. составляла 1480 человек. После подписания соглашения 1 июля 1943 г. «Баталионы хлопске» начали объединяться с АК, но значительная часть отрядов «Баталионов» в Белостокской области так и не вошла в АК до конца оккупации.

В 1942 г. в состав АК вошли отдельные вооруженные формирования Польской партии социалистической. В 1942—1943 гг. шло объединение с АК военных формирований польской организации «Конфедерация народа»: «Конфедерация збройна» и «Удежениовы баталионы кадрове». Эти формирования противостояли советскому партизанскому движению в Западной Белоруссии. Они насчитывали около 200 человек и действовали

на территории Белостокской и Новогрудской областей.

Любопытен программный документ («Приказ срочный») Армии Крайовой, принятый в сентябре 1940 г. Там говорилось: «Следует всегда и во всем придерживаться безусловно прямой линии независимости великой Польши, как сильного государства, отделяющего одичавших германцев от варварского востока...

...польское государство можно и следует строить везде. Те, которым не удастся укрыться и будут вынуждены надеть вражеский мундир, пускай будут динамитом, который в соответствующий момент взорвет Красную Армию»^{131}.

Вот несколько примеров деятельности АК в Белоруссии весной — летом 1940 г.

В конце июня 1940 г. в урочище Кобельно (Белостокская область) был ликвидирован вооруженный отряд поляков — убито 9 человек, взято в плен — 7. Любопытен захваченный при этом приказ № 1, подписанный начальником районного командного отделения этой организации по фамилии Шуляк не позднее 8 апреля 1940 г. В приказе говорилось: «Солдаты. Польское правительство, как мы знаем, объявило войну Советам, правительству рабства, какого не знает история, правительству еврейской гегемонии, правительству духовной пустоты, правительству крайнего бедствия, ибо это большевистское правительство, которое вместе с нашим извечным врагом чертом-Гитлером должно погибнуть...»^{132}

«В мае 1940 г. организатор колхоза в одном из селений Августовского района был остановлен двумя “партизанами” в масках, вылезшими из-под моста, по которому он ехал, и расстрелян»^{133}.

Так называемая «Польская освободительная армия» в течение полутора месяцев терроризировала белорусские деревни. При ее ликвидации было арестовано 137 человек. «Была раскрыта бандгруппа примерно из 60 участников, которая в период с апреля по июнь 1940 г. убила 6 человек, в том числе интенданта РККА, милиционера, председателя сельсовета и председателя колхоза. Числились за ними и другие подвиги, вроде грабежей магазинов сельхозкооперации, поджогов и т.п. 10 июля 1940 г. был ликвидирован штаб бандгруппы и задержано 10 бандитов. Кроме того, на месте было захвачено оружие, состоящее из 12 станковых пулеметов, 9 карабинов, взрывчатки и прочего»^{134}.

Продолжать рассказ о подобной деятельности польских бандформирований можно до бесконечности. Для нас же важен сам факт того, что польские формирования активно вели террористические действия

в ходе объявленной в декабре 1939 г. эмигрантским правительством Сикорского войны.

Успехи белорусских чекистов не в последнюю очередь объясняются тем, что НКВД удалось, например, арестовать подполковника Обтуловича, коменданта новогрудского округа «Союза вооруженной борьбы» в Белоруссии, который согласился сотрудничать с органами.

Всего с мая 1940 г. в западных районах БССР ликвидировано 22 банды (в основном все из поляков).

При ликвидации их:

«а) арестовано бандитов — 222 чел., б) убито бандитов — 28 чел., в) ранено бандитов — 17 чел., 7) арестовано пособников и укрывателей бандитов — 160 чел.

Из этого количества в Белостокской области ликвидировано 6 бандгрупп, арестовано и убито во время операции — 154 бандита. В Барановичской области ликвидировано 9 банд-групп, арестовано и убито — 58 человек.

У бандитов изъято: пулеметов разных систем — 15, винтовок — 69, револьверов — 59, гранат — 87, патронов — 27 555, радиоаппаратов — 2, биноклей — 1, телефонных аппаратов — 1, топографических карт — 1, микрофон — 1.

Наши потери при ликвидации бандитских групп: 1) оперсостав НКВД: а) убито — 1 чел., б) ранено — 1 чел.; 2) работников милиции: а) убито — 2 чел., б) ранено — 3 чел.; 3) красноармейцев и командиров РККА: ранено — 1 чел.

Количество совершенных бандитами террористических актов: 1) над работниками милиции: а) убито — 4 чел., б) ранено — 2 чел.; 2) над красноармейцами и командирами РККА: а) убито — 1 чел., б) ранено — 1 чел.; 3) над местным советским активом: а) убито — 38 чел., б) ранено — 26 чел., в) произведено покушений — 5 чел.; 4) совершено поджогов колхозных домов — 5». [\[135\]](#)

С началом войны имели место отдельные совместные операции советских партизан и АК против немцев. Однако в подавляющем большинстве случаев партизаны и аковцы применяли друг против друга оружие.

Так, летом 1943 г. кроме партизан Ленинской бригады на территории Желудовского и Лидского районов действовали две польские банды, которыми командовали два осадника, бывших капрала польской армии Мищук и Тобата.

Так, 11 июня 1943 г. банда Мищука в составе 50 человек напала на

хутор Бояре-Смолочинские, где группа партизан «во время отдыха, не установив совершенно никаких постов, устроила попойку». Поляки «рано утром в 8.00 час, окружив хутор, начали его обстреливать зажигательными пулями, в результате чего хутор был охвачен пламенем, а убегающие в панике партизаны расстреливались. Убито 16 человек партизан, один ранен и одному партизану удалось бежать невредимым.

24.6.43 г. группа разведчиков в числе пяти человек бригадной разведки, следуя на выполнение оперативного задания, наткнулась возле хутора Матеюшки на засаду банды Мищука, в результате разведчик Трифонов Василий вместе с лошадью был убит, второй Музафаров получил легкое ранение в ногу.

27.6.43 г. группа партизан отряда им. Ворошилова, в количестве 90 ч[еловек] была направлена для выполнения оперативного задания в районе деревень Нетеча, Цацки. Не доезжая к указанным пунктам, партизанская группа была обстреляна. Разведкой, высланной от этой группы, было установлено, что группу обстреляла польская самоохрана, организованная бандой Мищука.

Утром 28.6.43 г. эта партизанская группа приступила к ликвидации созданной Мищуком самоохраны, на месте было расстреляно 4 человека и один доставлен в штаб отряда.

29.6.43 г. эта же группа, отойдя после ликвидации самоохраны в район деревень Пищовцы — Пацуки, заметила несколько пожаров. При выяснении от местного населения было установлено, что мищуковские бандиты жгут белорусские хутора. Партизаны под командой комиссара отряда им. Ворошилова т. Белякова в количестве 50 человек направились к месту пожаров, предварительно выслав разведку. Не доходя до хуторов Пацуки, вся партизанская группа была обстреляна. После боя выяснилось, что со стороны партизанского отряда им. Ворошилова убитыми оказалось 9 человек и ранеными три человека. Со стороны бандгруппы, напавшей на партизан, убитыми оказалось 26 человек, в том числе был убит и сам Мищук. Вся банда уже состояла из 100 человек. После убийства руководителя бандгруппы Мищука активизация со стороны оставшейся банды прекратилась»^{136}.

Еще раньше, в июне 1943 г., командование Щучинской партизанской зоны пыталось уговорить поляков прекратить убийства партизан. О наглости ответа поляков свидетельствует шифрограмма командира партизанской зоны С.П. Шупени начальнику Штаба партизанского движения Пономаренко: «Получили от польских партизан следующий ответ: “Обстрел правильный как бандитов”. Кроме этого, [в] своем письме

поляки пишут: “Будем совместно действовать против немцев, при условии: подчинить советских партизан командованию Польскому партизанскому штабу “Восток”, ограничить дислокацию ваших отрядов, оказать помощь оружием, боеприпасами, территорию базирования ваших отрядов считать польской”.

[При] невыполнении этих условий поляки считают себя свободными [в] действиях и неизбежных кровопролитиях»^{137}.

В ответ 26 августа 1943 г. партизанская бригада им. Ворошилова обезоружила и арестовала польскую бригаду «Кмитиц». «Обезоружено 200 человек. Всего было в бригаде 300 человек солдат и офицеров “Кмитица”. Отсутствовало на польской базе 100 человек. В составе штаба польской бригады были следующие офицеры: Чехович (Нурмо-Кмитиц), поручик, командир польской бригады; Нецинский (“Поруна”), начштаба; Вишневский (“Оструг”), офицер информации; Клевядо, Борковский, капитан, редактор органа бригады “Солдатская декада”. Всего в составе польской бригады было 7 польских офицеров, Юподофицеров...

Обезоруженная и арестованная польская бригада в результате следствия, которое вел нач. опергруппы тов. Бер (НКВД), была разделена на 3 категории. I категория (50 человек с командованием бригады) были расстреляны, II категория (80 человек) были выпущены без оружия по домам, III категория (70 человек) была отдана в отряд Мрачковского, которому была дана задача собрать все остальные взводы польского легиона (100 человек), которые во время обезоруживания находились на задании. В отдаче 70 человек Мрачковскому была допущена ошибка, потому что не решились расстреливать всех, думая, что немцы и поляки могут это использовать для прейсгазеты второй “Катыни”»^{138}.

Замечу, что поляк Мрачковский командовал отрядом, лояльным к партизанам. Однако, получив 60 поляков, Мрачковский ушел за Вильно.

«В октябре 1943 г. в районе Налибокской пущи, когда эскадрон 27-го уланского полка из Столбцовского соединения АК под командованием Здзислава Нуркевича (псевдоним “Ноц”) расстрелял группу партизан из так называемого еврейского отряда Семена (Шолома) Зорина, так как один из польских крестьян пожаловался Нуркевичу, что “жиды грабят!”»^{139}.

После этого бойцы отряда им. Пархоменко разоружили эскадрон, а его шесть офицеров самолетом отправили в Москву. Кстати, после войны все шестеро вернулись в Польшу.

А вот донесение командира бригады им. Ворошилова: «На территории Вилейской области организованы подпольным методом так называемые

польские легионы. В настоящее время вышли из подполья две организации, которые дислоцируются в районах: Поставы, Дуниловичи, Кобыльник, Мядель, Жодишки, Свирь, Подбродье, Браслав, Видзы и Ошмяны, носящие название Польская организация войскова (ПОВ).

Структура построения польской подпольной военной организации такая же, как в армии. Имеются отделения, взводы и роты. Командиры этих подразделений назначаются сверху. Боец не знает другого бойца, боец знает только своего командира отделения. Командир отделения знает только своего командира взвода и т.д. ...

Варшавским и Виленскими центрами даны указания всем членам подпольных военных организаций как можно больше поступать на службу к немцам и, путем выслуживания, занимать руководящие посты, этим самым создавать себе надежную платформу для связи с польским населением, вести среди него агитационную работу, оказывать материально-экономическую помощь, защищать поляков от принимаемых репрессий немцами, и, самое главное, как можно больше вооружаться за счет немцев.

Отношение к немцам должно быть пассивным, но искусственно-любовным до особого распоряжения...

Специальным лицам, находящимся на руководящих постах у немцев, поручено произвести учет с составлением личных списков на коммунистов, не успевших в период отступления Красной Армии эвакуироваться, умело, тактично убрать их. Объясняясь впоследствии перед советскими партизанами за произведенный факт в Дуниловичском районе расстрелянных 30 коммунистов и беспартийных большевиков, якобы данные люди расстреляны за связь с немецкой жандармерией. А немцам объясняют — за связь со сталинскими бандитами...

Этими же центрами выпускается газета под заголовком «Неподлежность», на которой имеется ниже заголовка газеты с правой стороны рисунок Гитлера, с левой стороны портрет Сталина — враг Польши № 2...

В Мядельском гарнизоне служило у немцев в должности полицейских до 30 человек поляков, которые вышли из гарнизона и перешли в легион, оставив свои семьи в гарнизоне, и немцы никаких репрессий не предприняли»^[140].

После освобождения Белоруссии Красной армией польские формирования регулярно срывали мобилизационные мероприятия и поставку продовольствия советским войскам.

Действовали «герои Армии Крайовой» и в Литве. Вот, к примеру,

«“Легендарный” (этот эпитет уже навечно присвоен ему не только историками, но и искателями “истинных” героев новой Польши) командир Зигмунт Шендзеляж — “Лупашко” двинул свой отряд на местечко Дубинки (в настоящее время Дубингяй), где вследствие этой акции погибло 50 литовцев (по некоторым данным, среди погибших были и поляки).

А так как этот самый “Лупашко” (или “Лупашка”) фигурирует сегодня в польской истории почти как национальный герой, боровшийся исключительно с коммуной и головорезами из НКВД, есть смысл привести свидетельства тех, кто еще жив и помнит реальные партизанские похождения этого “Робин Гуда”.

Речь пойдет об исчезнувшей белорусской деревне Сыпни Новые, которую “навещали” бойцы “Лупашки”. Данные собрала и опубликовала белорусская исследовательница В. Лоевская. Вот краткие выдержки, к которым и комментарии-то никаких не требуется.

“...Помню ту ночь, — говорит пан Миколай, — как раз после Рождества сорок пятого года, мороз тогда был. Тогда в январский вечер 1945 г. бандиты забрали пять мужиков... А мать моя все видела, они ж были соседи. Мама говорила, что били их прикладами, проволокой руки и ноги связали и положили на сани, так кровь за ними лилась... повезли... а куда, никто не знает. Говорили, к Бугу, под воду попихали, и все...

— Кто были эти люди, которые приходили... забирали имущество, приказывали уезжать к Сталину? — спрашиваю жителей села Сыпни Новые.

— Ходили и в мундирах и в гражданской одежде... Говорили, что они из Армии Крайовой... все с бело-красными повязками на рукавах, где черными буквами написано «АК», — говорит пан Миколай.

— А Ромек Бабулевич (погибший житель села) все говорил: АК — это Армия Катов (“кат” и по-белорусски, и по-польски значит “палач”), потому что его батьку они забрали с конем... держали в подвале и там мучили, а Ромека убили на поле (он был калека, хромым...) осенью в 45 году... а батьку весной за то, что он кацап, они нас по-иному и не называли, только кацапами...

Пану Борису было тогда, в 1945 г., 15 лет:

— ...тогда они все приходили и говорили — вам тут не место, если не уедете отсюда, то пуля в лоб. Как только смеркалось, то мы, все православные, убегали, прятались где кто мог, где кто какую дыру найдет”»^{141}.^{142}

С августа 1944 г. внутренние войска НКВД приступили к ликвидации лесных отрядов Армии Крайовой. До конца 1944 г. проводились так

называемые «чекистско-войсковые операции».

«Начиная с 8 сентября 1944 г. одновременно в нескольких районах Барановичской и Вилейской областей НКВД была предпринята операция по ликвидации вооруженных структур АК. По данным белорусской исследовательницы Н. Рыбак из Гродно, она охватывала “три оперативных участка: Лидский (8 районов), Налибокский (6 районов) и Северный (районы Вилейской области, которые граничили с Барановичской областью). При выполнении плана операции было проведено три массовые чекистско-войсковые операции. Войсковые группы имели больше 30 боестолкновений. В соответствии с документами органов госбезопасности были нанесены удары по объединениям “Север” и “Юг” Новогрудского круга АК...”. 8 сентября оперативная группа НКВД захватила недалеко от г. Лида радиостанцию командования округа, что привело к полной потере связи внутри него.

...В результате операции, проведенной на территории районов Барановичской и Вилейской областей, было уничтожено 54 вооруженные группы, убито 89 и взято в плен 419 человек. Одновременно во время облав и прочесывания лесов было задержано 20 774 человека, 50 человек убито при задержании»^[143].

Полевые командиры АК пытались сорвать мобилизацию в Войско Польское. Пример этого приведен в книге «Бледные огни» польского писателя З. Домино: «...каждый поляк обязан подчиняться только легальному польскому правительству в Лондоне... Запрещаю под угрозой наказания явку для призыва и регистрации... запрещаю всем солдатам АК и гражданским лицам являться на предполагаемую регистрацию»^[144].

А вот еще одна листовка АК: «Поляки должны продолжать вооруженную борьбу за свободную Польшу, так как от одного оккупанта (немецкого) избавились, то пришел более злой и коварный оккупант — большевизм. Никакой поддержки Польскому комитету национального освобождения и армии Берлинга как большевистским агентам».

2 сентября 1944 г. в райотдел НКВД белорусского города Лиды поступило письмо, адресованное «Коменданту гарнизона оккупационных войск», в котором говорилось: «В ответ на непрерывное незаконное задержание беззащитного гражданского населения, изуверских убийств солдат АК, довожу до сведения, что отряды АК будут противодействовать этому силой. Начиная с 21 X мы прекратим движение поездов на железных дорогах. Если советские оккупационные власти будут продолжать террористические акты по отношению к беззащитному населению, то

отряды Армии Крайовой начнут акции возмездия. Любой советский активист и солдат будет признан бандитом со всеми вытекающими из этого последствиями»^{145}.

Любопытна биография полевых командиров АК, действовавших в Западной Белоруссии.

Василевский — бывший комендант немецкой полиции Козловщинского района. 30 лет, поляк, к январю 1945 г. собрал банду численностью в 208 человек. С августа 1944 г. по 30 января 1945 г. бандой было убито до 20 человек советско-партийных работников.

Герус — тоже служил в германской полиции, но в городе Дятлово, 27 лет, поляк. В августе 1944 г. собрал банду в 60—70 человек.

Обе банды были уничтожены в ходе двухдневной операции (7 и 8 февраля 1945 г.) силами полка Красной армии. Результат: убито бандитов — 34, захвачено бандитов — 109, захвачено связников банд — 98. Изъято оружия: винтовок, автоматов, пистолетов — 67, ручной пулемет — 1, гранат ручных — 26, радиостанция 6-ПК — 1 (неисправна), патронов разных — 4000, лошадей с санями — 9, склад продовольствия — 1, разрушено землянок-тайников — 13 штук.

Из числа задержанных 595 человек после фильтрации освобождено 289 человек, остальные 306 человек распределяются: 34 убито, 109 посажено в тюрьму и 163 человека направлены в военкомат (призывной возраст).

Наши потери: один рядовой легко ранен^{146}.

По неполным данным, отряды АК с 28 июля по 31 декабря 1944 г. убили 277 и ранили 94 офицера и бойца Красной армии, а с 1 января по 30 мая 1945 г. убили 314 и тяжело ранили 125 военнослужащих.

Операции войск НКВД и сил Госбезопасности Польши по ликвидации отрядов АК продолжались до 1947 г.

В январе 1945 г. находившийся в Лондоне польский генерал Окулицки приказал Армии Крайовой самораспуститься. А одновременно из Лондона поступила шифрограмма сохранить актив АК, перейдя в глубокое подполье.

После окончания войны советское и польское правительства договорились об одновременном переселении русских, украинцев и белорусов в СССР (в границах 1939 г.), а поляков — в Польшу. В частности, из Белоруссии выселили в Польшу 231 152 поляка. Любопытна реакция руководства польских бандформирований на эту меру.

«При проведении работ по эвакуации польских граждан в Польшу в

первое время польские к[онтр] революционные] националисты вели агитацию за массовую регистрацию на выезд из БССР не только поляков и белорусов, католиков, пытаясь этим доказать, что в западной Белоруссии проживает большинство поляков, которые претендуют на включение этой территории в состав польского государства.

При провале этой затеи они изменили свою тактику и пропагандируют необходимость всем полякам оставаться на месте и вести борьбу за отторжение западных областей БССР, заявляя при этом о неизбежной войне Советского Союза с США и Англией, которые помогут восстановить Польшу в ее довоенных границах»^[147].

В заключение я процитирую несколько документов, связанных с деятельностью АК в Западной Белоруссии.

«Арестованный комендант плютона Волковыской городской организации АК Пашковский показал, что руководством плютона ему было поручено формирование диверсионно-террористической группы в гор. Волковыске»^[148].

Так, в мае 1945 г. Пашковский пытался взорвать электростанцию в 12 км от Волковыска. Понятно, это дело рутинное. Но Пашковский в сентябре 1945 г. решил применить химическое оружие и отравить собравшихся на совещание сотрудников НКВД-НКГБ. Жаль, что не джуге разбиравшиеся в химическом оружии чекисты не уточнили, что это за «вещество, отравляющее людей в течение 45 минут».

Польские банды активно поддерживала католическая церковь. Вот документ за июль 1947 г.: «Записка первого секретаря ЦК УП(б) Б Н. Гусарова секретарю УК ВКП(б) А. Жданову о деятельности польского католического духовенства в западных областях БССР»:

«Факты показывают, что застрельщиками и вдохновителями антисоветской борьбы польских националистов, пошедших на службу к англо-американским реакционерам, чаще всего являются представители реакционного католического духовенства — ксендзы и руководимый ими костельный актив.

В конце 1944 и в 1945 гг. 522 ксендза и другие служители римско-католической церкви изъявили согласие на выезд в Польшу, но выехало только 306. Остальные 246 ксендзов, а также многие другие служители римско-католического культа остались на территории западных областей Белоруссии, отказались от выезда в Польшу, мотивируя это наличием верующих в их приходах. В действительности, как это выяснилось из агентурных материалов и бесед работников Министерства иностранных

дел БССР с уполномоченными польского правительства, оставшиеся в западных областях БССР ксендзы имеют прямое запрещение папы Римского выезжать с территории Белоруссии...

Установлено, что ксендзы не только пропагандируют “превосходство” католицизма перед православием, а и запугивают население приближением войны, уверяя, что скоро придут в Россию англо-саксы, при режиме которых в почете будет поляк, а не белорус. Поляков и католиков, — утверждают они, — никто не тронет, наоборот, поляки будут пользоваться всевозможными привилегиями, а белорусов будут преследовать как советских граждан. Ксендзы распространяют также слухи о том, что скоро западные области Белоруссии опять перейдут к Польше и что органы советской власти, уходя из Западной Белоруссии, выселят всех белорусов и православных в Сибирь и на Урал...

...ксендз местечка Гудогай Островецкого района Синкевич был одним из руководителей польской националистической организации, открыто проводил антисоветскую агитацию, доказывая, что с советской властью нужно вести борьбу с оружием в руках. Дом ксендза Раковского костела Радошковичского района Ганусевича был местом сборища польских бандитов. В последнее время разоблачен и арестован ксендз Зельвенского района — Банковский, б. майор польской армии, является организатором и руководителем националистических банд на территории трех районов Гродненской области.

Об открытой антисоветской ориентации католического духовенства говорит также и следующий факт. Из 246 ксендзов и других служителей католического культа, записавшихся на выезд в Польшу, но не выехавших, только 4 ксендза признали себя советскими подданными, а все остальные считают себя гражданами Польши»^[149].

Любопытно, что в том же документе предлагает секретарь ЦК КБ(б) Белоруссии Н. Нусаров: «Целесообразно через Совет по делам православной церкви рекомендовать Патриарху и Синоду православной церкви послать в западные области БССР, особенно в районы с большим преобладанием католиков, хорошо подготовленных православных священников, которые сумели бы поколебать фанатизм католика.

В отдельных районах пойти на открытие православных церквей, особенно там, где церкви были закрыты поляками и переделаны в костелы.

Учитывая, что в отдельных церквях уже имеют место успешные выступления священников с антикатолическими проповедями, было бы целесообразно рекомендовать православному духовенству вести более активную борьбу против католицизма.

Целесообразно также разрешить открыть в Гродно (одном из крупных центров католицизма) духовную православную семинарию»^{150}.

Согласно отчету в Совмин БССР за IV квартал 1949 г., ксендзы ведут активную пропаганду среди детей, и те в школе и вне ее агрессивно выступают против советской власти, и приводится множество примеров. Ну а далее положительный пример: «В свете изложенных фактов, наряду с яркой реакционностью школьников — детей поляков, интересно сопоставить отношение к школьной общественности в той же Чернавчицкой школе со стороны таких же учеников, но детей православных родителей. Так, дочь чернавчицкого священника, ученица 8 класса, является не только рядовой комсомолкой, но за отличное отношение ее к комсомольским обязанностям выделена пионервожатой и весьма добросовестно и успешно справляется с этими обязанностями. Младший брат ее, ученик 4 класса, тоже является хорошим общественником и активным пионером»^{151}.

Сейчас монархисты и либералы утверждают, что-де Сталин в войну осознал вину перед церковью и «исправился». Просто церковь пошла навстречу государству, а государство — навстречу церкви. Если в 1919 г. попы крестным ходом и колокольным звоном встречали деникинцев, то через 20 лет в Западной Белоруссии православные священники встречали колокольным звоном танковые колонны с красными звездами на броне.

Прошло 60 лет, и вот в июле 2011 г. председатель главного совета неофициального Союза поляков в Беларуси Анджей Почобут рассказал нам всю правду о действиях Армии Крайовой: «Воины Армии Крайовой, действовавшие на территории Речи Посполитой после ее раздела между Германией и СССР по пакту Риббентропа—Молотова, сражались за освобождение и восстановление территориальной целостности своей Родины, не зная о решении Тегеранской конференции об изменении довоенных границ Польши». Таким образом, по его словам, воины АК не могли принести и не принесли Беларуси никакого вреда. А знали бы аковцы решение конференции, они бы раскланялись и отправились восвояси.

Какая объективность, слов нет! Доктор Геббельс на том свете стервенеет от зависти. А вот белорусские крестьяне расшифровывали АК не как «Армия Крайова», а как «Армия Катов», то есть палачей.

Глава 16.

Коллаборационисты на службе фюрера

Помимо полицейских батальонов СС, укомплектованных украинцами, в Белоруссии немцы использовали полицейские батальоны из литовцев, латышей, эстонцев и местных уроженцев. Врать не буду, писать о них автору удовольствия не доставляет, но надо. Во-первых, для того чтобы показать архисложную ситуацию в Белоруссии, а во-вторых, из-за того, что теперь националисты делают из эсэсовцев национальных героев.

Кроме того, нынешние либералы всех стран с чувством глубокого удовлетворения смакуют соотношение потерь Красной армии и вермахта на Восточном фронте. Большим тиражом издаются книжки с красноречивыми названиями «Трупами закидали». При этом потери войск СС, сформированных из граждан СССР, в том числе пленных и дезертиров Красной армии, записывают в боевые потери Красной армии.

Так пусть читатель сам разберется, кто жег белорусские деревни и уничтожал мирных граждан, и представит себе подлинное соотношение потерь Красной армии и всех, кто воевал против нее.

Начну с маленькой и культурной Эстонии. 36-й эстонский полицейский батальон «Аренсбург» (Schutzmannschafts-F-Bataillon 36) формировался с 23 ноября 1941 г. в Хаапсалу и Курессааре (нем. Аренсбург) под командованием майора Юлиуса Рейтера из добровольцев, входивших в пронацистскую эстонскую военизированную организацию «Самоохрана» (Omakaitse) и ранее служивших в армии и полиции Эстонии времен националистической диктатуры Константина Пятса (1934—1940).

10 апреля 1942 г. батальон для пополнения, военного обучения и караульной службы перевели в город Тарту. Численность личного состава на 25 июля 1942 г., за неделю до переброски батальона в Белоруссию, составила 447 коллаборационистов: 22 офицера, 147 унтер-офицеров и 278 солдат.

Замечу, что солдаты и унтер-офицеры 36-го эстонского полицейского батальона были обмундированы в захваченную немцами старую униформу латвийской армии, но с эстонскими знаками различия. Осенью — зимой 1942 г. личный состав получал обмундирование и экипировку вермахта.

В начале августа 1942 г. батальон передислоцирован из Эстонии в Белоруссию (Новоельня), где принимал участие в массовых расстрелах

евреев в районе города Новогрудок в местечке Дятлово, а также участвовал в охране гетто и конвоировании евреев к месту казни.

В конце августа 1942 г. 36-й батальон был переброшен на Украину в Донецкую область (Сталино) и с сентября принимал участие в охране лагерей военнопленных на станции Ханженково и в поселке Катык (Stalag 312 и 385), где военнопленные в нечеловеческих условиях работали на угольных шахтах.

Стоит также отметить, что один из офицеров 36-го батальона, затем гауптштурмфюрер СС в 20-й эстонской гренадерской дивизии Ваффен СС Эльмар Липпинг (1906—1994) в послевоенный период всерьез увлекся эмигрантской политикой. Уже в почтенном возрасте он сделал потрясающую «карьеру» — считался в узком кругу соплеменников «министром иностранных дел эстонского правительства в изгнании в Нью-Йорке», с 3 июня 1982 г. по 20 июня 1990 г. [\[152\]](#)

Из протокола допроса добровольца 36-го эстонского полицейского батальона Рудольфа Мязорга старшим следователем Саарского УО МГБ СССР, 15 июля 1948 г.:

Вопрос: Куда отправили 36-й батальон из гор. Тарту?

Ответ: В августе 1942 г. погрузили весь 36-й полицейский батальон в гор. Тарту в поезд и поехали в Белоруссию, где нас разгрузили в гор. Новогрудок. В районе этого города наш батальон находился около одного месяца, главной нашей задачей было убийство евреев, которые находились в гор. Новогрудок и в окрестных деревнях.

Вопрос: Участвовали вы лично при расстреле евреев?

Ответ: Да, я с солдатами и офицерами 36-го полицейского батальона принимал участие в расстреливании евреев.

Вопрос: Уточните, как происходило расстреливание евреев.

Ответ: До начала расстрела солдаты 36-го полицейского батальона, в том числе я, арестовали группу евреев. Часть арестованных евреев сажали на автомашины, часть вели пешком за город, где эти арестованные копали большие ямы — рвы длиной около 30—60 м, глубиной примерно в 1,5 м и примерно 2,5 м шириной. После того, как рвы были готовы, расстреляли тех евреев, которые копали рвы. Лично сам я расстрелял 10 человек евреев. Затем стали к этим рвам подводить остальных евреев, по группам 20—30 человек сразу, среди них были женщины и дети».

Ну и эпилог:

В 2012 г. некоммерческой организацией «Эстонский военный мемориал» начались съемки фильма о 36-м Полицейском батальоне, который был сформирован в ноябре 1941 г. в городе Хаапсалу. Съемка

фильма, по словам Вальме, будет приурочена к 70-летию юбилею Сталинградской битвы. Полицейский батальон участвовал в ней в период с 22 ноября 1942 г. по 6 января 1943 г.

2-й литовский батальон «шумы» под командованием майора Антанаса Импулявичюса был организован в 1941 г. в Каунасе и дислоцировался в его пригороде Шенцах. В 5 часов утра 6 октября 1941 г. батальон в составе 23 офицеров и 464 рядовых направился из Каунаса в Белоруссию в район Минска, Борисова и Слуцка для борьбы с советскими партизанами.

В феврале — марте 1943 г. 2-й литовский батальон участвовал в проведении крупной антипартизанской акции «Зимнее волшебство» на границе Латвии и Беларуси, взаимодействуя с несколькими латышскими и 50-м украинским шуцманшафт-батальонами. По окончании операции литовцы и украинцы вернулись в Вильнюс.

Из Белоруссии приходила в Литву информация о том, чем занимается батальон: «2-му батальону вспомогательной полиции было поручено расстреливать привезенных из Белоруссии и Польши евреев, русских, коммунистов и военнопленных Красной Армии. По полученным сведениям они уже расстреляли свыше 46 тысяч человек и повесили свыше 10 человек. Все эти экзекуции фильмируются, а особенно массовым путем фильмовалось (так в тексте документа) вешание, фильмовались только литовские подразделения, немцы в это время отступают в сторону...»

Дневник действий батальона в Белоруссии также рассказывает о том, чем занимались литовские воины:

«14.10.1941 г....произведена облава против евреев, коммунистов и враждебных Германии элементов в м. Смиловичи.

Уничтожено 1300 человек. 15.16.10.1941 г....производилось усмирение в окрестностях Логоиска. В Логойске расстреляно 6 партизан и 1 коммунист. В Плещеницах 52 еврея и 2 партизана, в Сухой Горе один человек, скрывавший у себя боеприпасы. В это время две роты литовской охранной полиции под командованием немецкого офицера произвели облаву в лагере для гражданских арестованных в Минске. Ликвидировано 625 коммунистов. 18.10.1941 г....произведена облава в лагере арестованных гражданских лиц в Минске и ликвидировано 1150 коммунистов. 21.10.1941 г....облава в Койданове. Ликвидировано 1000 евреев и коммунистов...»

Один из непосредственных участников расправ Антанас Гецевичюс поселился после войны в Шотландии, в Эдинбурге. На вопрос журналиста об участии в казнях он сообщил: «Нет, наш батальон нес лишь внешнюю охрану при экзекуциях, а убивали гестаповцы».

Однако другой батальонец, Юозас Книримас, опроверг слова

Гецевичуса: «1941 года осенью, точной даты не помню, мне пришлось участвовать при повешении советских партизан в Минске...

Командир батальона Импулявичюс повел батальон в центр Минска к тюрьме. Подойдя к тюрьме, командир через Гецевичюса переговорил с немецкими офицерами, так как Гецевичюс знал немецкий язык. После этого Гецевичюс передал командирам рот, чтобы они выстроили солдат по кругу на площади возле тюрьмы... Гецевичюс назначил солдат, которые будут вешать. Среди них были: Варнас, Шимонис и я, Книтри-мас, Вепраускас и Ненис. Мы должны были накинуть петли на обреченных. Насколько помню, в городском саду повесили четверых: трех мужчин и одну женщину.

Петли накидывали Шимонис и Варнас. В городском саду вешали в двух местах по два человека. В одном месте обреченный упал, так как развязалась веревка. Я поднял этого мужчину и поддержал, пока Варнас прикрепил веревку...

Перед казнью давали пить всем. Водку выдавал Гецевичюс, который, видимо, получал ее для этих целей. Кроме этого, других арестованных вешали в других местах г. Минска, но кто вешал, я не видел, только знаю, что солдаты нашего батальона. От Гецевичюса я узнал, что были повешены советские партизаны. Было казнено более 8 человек. Казнью руководил Гецевичюс, командира роты Кямзуры во время казни я не видел...»

Расправа в Слуцке производилась так, что немецкий комиссар Слуцка сообщал своему руководству о вопиющем произволе литовцев: «В 8 часов утра 27 октября 1941 года из Каунаса (Литва) прибыл старший лейтенант, который представился как адъютант командира 12-го литовского полицейского батальона безопасности. Он сообщил, что их батальон получил задание в течение двух дней ликвидировать все еврейское население города. Батальон, состоящий из четырех рот, приступил к исполнению данного приказа немедленно по его прибытии...

Я попросил его отложить начало акции на день, но он категорически мне отказал в этом, мотивируя свой отказ тем, что обязан проводить такие же акции и в других городах, а на Слуцк ему отведено только два дня. В течение этого времени Слуцк должен быть полностью очищен от евреев... Где только находили евреев, они задерживали их, сажали на грузовики, увозили за город и расстреливали. Ввиду того, что все специалисты евреи были ими ликвидированы, предприятия города полностью прекратили работу. Со всех сторон посыпались жалобы...

Я должен с сожалением признать, что их действия граничили с садизмом. Весь город выглядел ужасающе. С неопикуемой жестокостью

литовцы из данного полицейского батальона выгоняли из домов евреев. По всему городу слышались выстрелы. На некоторых улицах появились горы трупов расстрелянных евреев. Перед убийствами их жестоко избивали чем только могли: палками, резиновыми шлангами, прикладами, не щадя ни женщин, ни даже детей. О еврейской акции не могло больше быть и речи, это было похоже на настоящие акты вандализма. Я со своими сотрудниками все время находился в городе и старался спасти то, что еще можно было спасать. Были случаи, что я с револьвером в руках выгонял этих литовцев с предприятий. Подчиненные мне жандармы выполняли мои распоряжения, но они должны были поступать очень осторожно, ибо улицы города простреливались.

В расстрелах за городом я не участвовал и о происходящем там ничего не могу написать. Однако следует отметить, что спустя довольно много времени после акции из закопанных ям все еще выползали раненые.

Многие белорусы, которые доверялись нам, после этой еврейской акции очень встревожены. Они настолько напуганы, что не смеют в открытую выражать свои мысли, однако уже раздаются голоса, что этот день не принес Германии чести и он не будет забыт...

Заканчивая, я должен отметить, что во время акций солдаты данного полицейского батальона грабили не только евреев. Много домов белорусов были ими ограблены. Они забирали все, что только могло пригодиться: обувь, кожу, ткани, золото и другие ценности. По рассказам солдат вермахта, они буквально вместе с кожей стаскивали кольца с пальцев своих жертв. Даже склад, в котором хранилось имущество гражданских учреждений, тоже был ограблен. В казармах, куда их распределили, были проломлены и высажены рамы окон и дверей, которые они использовали для вечерних костров.

Во вторник я получил обещание от адъютанта командира, что в городе их полицейские больше не появятся, однако на завтра же моими людьми были задержаны двое из них при осуществлении грабежа.

Ночью со вторника на среду данный батальон оставил город. Они уехали по направлению к Барановичам. Жители Слуцка обрадованы этой вестью...

Прошу выполнить только одно мое желание: в дальнейшем оградить меня от этого полицейского батальона. Карл»^[153].

Примерно так же действовали в Белоруссии и другие литовские батальоны: № 3, 12, 15, 254 и 255.

В последние дни 1944 г. большая часть литовских батальонов уходила из Литвы вместе с отступающими частями немецкой армии. Немцы

разоружили союзников (1, 2, 6, 9, 253 и 257-й батальоны) и расформировали, распределив их личный состав по различным наземным частям Люфтваффе. Два литовских батальона действовали на Балканах. На 1 марта 1944 г. в рядах литовской полиции порядка и полицейских батальонах служило 8 тысяч литовцев.

К январю 1944 г. 198 полицейских погибли, 16 пропали без вести, 94 было тяжело ранено.

К концу войны наиболее опытные кадры были зачислены в состав немецкой армии и наряду с другими иностранцами принимали участие в обороне Берлина. Три батальона (5-й, 13-й, 256-й) были блокированы советскими войсками в Курлядском котле и вместе с немцами оказывали вооруженное сопротивление до мая 1945 г.

Еще более кровавый след в Белоруссии оставили за собой латышские полицейские батальоны.

На территории Беларуси действовали одна латышская дивизия (15-я), три латышских полицейских полка (1-й, 2-й и 3-й), один латышский пограничный полк, 26 латышских полицейских батальонов (Schutzmannschaft) — 15, 17, 18, 24, 25, 26, 208, 231, 266 «Е», 268, 271, 273, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 313, 316, 317, 347, 432, 546, 860-й и 1-й мотоциклетно-стрелковый взвод.

Документы партизанской разведки указывают и на латышские гарнизоны, и на гарнизоны, в составе которых были латыши. Так, по сведениям партизанской разведки, на территории Дриссенского района Витебской области по состоянию 29 апреля 1944 г. в гарнизоне Войтово находилось 85 латышей, Залесье — 40, Пярэки — 37. В гарнизоне деревни Страшные стояла рота немцев и невооруженная команда латышей в количестве 100 человек. На станции Бигосово — гарнизон в количестве 100 человек, по национальности латыши и украинцы.

По данным командира партизанской бригады «Железняк» И. Титкова, гарнизоны противника были установлены в следующих населенных пунктах: Докшицы — 700 человек, по национальности немцы, латыши, литовцы, русские; Фольварок Яново (6 км восточнее Докшицы) — 250 латышей; Глинное (15 км восточнее Докшицы) — 80 немцев и латышей; Пустоселье (19 км восточнее Докшицы) — штаб 546-го батальона и до 300 человек солдат. По национальности немцы, латыши, русские^[154].

Любопытно отношение к латышским, литовским и эстонским полицейским немецкого оккупационного командования. Прибалтийские полицейские формирования находились в явно привилегированном положении по отношению к украинским и белорусским. Об этом на

совещании в Генеральном комиссариате Беларусь говорил командующий полицией порядка полковник Клепш:

«Выплата денег охранным командам была самой различной.

а) каждый литовский и латвийский охранник за службу на чужой территории (т.е. не в Литве и Латвии) ежедневно получал 3,80 DM (DM — германская марка), а командир батальона — 15,50 DM. Белорусский и украинский охранник получал ежедневно 0,80 DM, женатый охранник — 1,80 DM, командир белорусского батальона — 5,50 DM, командир украинского батальона — 5,80 DM. Латыши и литовцы получали на руки столько же марок, сколько белорусы и украинцы. Разница в деньгах выплачивалась латвийским и литовским семьям на родине или же заносилась на сберегательную книжку охранника».

Приведу несколько примеров действий латышских батальонов.

В мае 1942 г. из Риги 18-й латышский полицейский батальон в количестве 395 человек (из них: 22 офицера и 75 унтер-офицеров) прибыл в оперативное подчинение командира полиции порядка Белоруссии. Немецким офицером связи в батальоне был гауптман шутцполиции Эрзум. Командовал батальоном гауптман Зихерт. Батальон дислоцировался в Столбцах.

15—16 мая 1942 г. батальон вместе с 603-м охранным полком, 347-м, 468-м, 913-м охранными батальонами принимал участие в «пацификационной» операции, которая проводилась против партизанских формирований севернее и северо-восточнее деревни Шацк Руденского района под кодовым названием «Рига». В бою с партизанским отрядом Н.М. Никитина в урочище Волчий Остров в 6 км севернее Шацка каратели были разбиты и прекратили операцию.

Летом 1942 г. батальон под командованием майора Рубениса в течение нескольких дней принимал участие в уничтожении гетто в городе Слониме Барановичской области.

В архивных документах и воспоминаниях очевидцев сохранились свидетельства этой жуткой трагедии. Перед расстрелами людей раздевали донага. Изымали ценности, вырывали золотые зубы. Капрал Эдгар Вульнис фотографировал сцены массовых убийств и потом продавал фотографии по пять марок за штуку. В перерывах между расстрелами лейтенант Эглайс хвастался своим умением точно стрелять. Он цинично заявлял: «С 30 метров прямо в голову — для меня это просто».

Приказом командующего полицией порядка Белоруссии полковника Клепша от 28 августа 1942 г. капитану и командиру батальона Фридриху Рубенису была объявлена благодарность: «24.07.1942 г. возле имения

Налибоки в бою с превосходящей бандой, благодаря особой находчивости и хорошему руководству батальоном смог уничтожить противника».

Батальон находился в распоряжении командующего полицией порядка Белоруссии и в 1943 г. В дневном приказе командующего полицией порядка Белоруссии в списке «героически погибших в борьбе с большевизмом» названы шутцманы Янис Урбикс (погиб 22 февраля 1943 г. в Рудне) и Христ Ога (погиб 5 марта 1943 г. в Рудне). В обнаруженных приказах командующего полицией порядка Белоруссии как «героически погибшие в борьбе с большевизмом» значатся 13 служащих батальона.

24-й латышский полицейский батальон в количестве 433 человек (16 офицеров и 78 унтер-офицеров) в начале июня 1942 г. прибыл из Лиепайи в Станьково под Минском. Командовал батальоном гауптман шутцполиции Вильгельм Борхардт. В начале августа он погиб. Немецким офицером связи при батальоне был гауптман Маркварт.

14 июня 1942 г. батальон вместе с 603-м охранным полком принимал участие в карательной экспедиции под кодовым названием «Александров» против партизан отряда Н.М. Никитина в Дзержинском районе. Отряд Н.М. Никитина отбил 21 атаку карателей, нанеся им значительные потери. В отчете об операции говорилось: «После ожесточенной борьбы лагерь был взят. Противник силой до 200 человек смог прорвать наше оцепление... Собственные потери значительны».

В конце августа — сентябре 1942 г. батальон в составе группы (полка) майора Бинца принимал участие в проведении боевых операций против партизан, которые получили кодовые наименования: «Болотная лихорадка “Север”» — в районе Кривичи — Долгиново, «Болотная лихорадка “Запад”» — в районе Ивенца — Столбцы, «Болотная лихорадка “Юго-запад”» — в Барановичском, Берозовском, Ивацевичском, Слонимском и Ляховичском районах. Обстановку характеризует дневник боевых действий 23-го полицейского батальона майора Бинца. На время этих операций батальон назывался полком, а с 7 сентября — «Боевой группой Бинца». 24-й латышский полицейский батальон входил в этот полк (группу) боевым батальоном.

О 266-м латышском полицейском батальоне известно, что он был сформирован в Риге (Болдерай) и на 1 июня 1942 г. дислоцировался в Минске. Он насчитывал 682 человека. Из них: 54 офицера и 222 унтер-офицера. Командовал батальоном СС гауптштурмфюрер Вихманн. Батальон в августе — сентябре 1942 г. в качестве резерва принимал участие в карательной операции «Болотная лихорадка», которая проводилась под общим руководством HSSPF Ostland обергруппенфюрера СС Еккельна.

7 июня 1942 г. был издан приказ о передислокации из Лиепаи в Брест-Литовск 25-го и 268-го латышских полицейских батальонов. В этот же день начальник СС и полиции Латвии направил командующему вермахтом телеграмму, в которой говорилось о том, что 25-й и 268-й батальоны могут немедленно быть отправлены в Брест-Литовск, а также сообщалось, что батальоны только частично обеспечены оружием и лишь отчасти — снаряжением; отсутствует также обмундирование, в особенности обувь и полевые кухни.

10—16 декабря 1942 г. на Слонимщине вновь проводилась очередная противопартизанская операция, получившая кодовое название «Гамбург». В ней в составе группы Бинца принимал участие 271-й латышский полицейский батальон. В одном из оперативных приказов Готтберга во время проведения операции указывалось: «В районе Жировичи-Бытень-Коссово установлены банды общей численностью 2000 человек. Их лагеря располагаются на восточном берегу реки Рудница. Банды совершают диверсии на ж-д линии Барановичи — Брест. Врага уничтожить. Каждого бандита, цыгана и еврея рассматривать как врага».

Из сообщения № 38 полиции безопасности и СД от 22 января 1943 г.: «Эта операция была одной из наиболее успешных операций, проведенных до сих пор в Белоруссии. Данные разведывательной команды полиции безопасности и СД были такие точные, что удалось обнаружить каждый лагерь. В многочисленных боях было убито 1676 партизан. Далее было расстреляно по подозрению в связи с партизанами 1510 чел. Были захвачены многочисленные трофеи. В том числе 4 броневики и 8 противотанковых ружей, огромное количество скота и зерна. В населенных пунктах, расположенных в районе операции, кроме того, было уничтожено 2658 евреев и 30 цыган. Потери немцев составили 7 убитых и 18 раненых».

Вражеские документы особенно интересны. Возьмем доклад офицера по особым поручениям тыла Русской Освободительной Армии (РОА) поручика В. Балтиныиа представителю РОА в Риге полковнику В. Позднякову от 26 мая 1944 г:

«В середине декабря 1943 г. по делам службы пришлось мне (с несколькими сотрудниками) быть в районе Белоруссии (быв. Витебской губернии), в деревнях Князево (Красное), Барсуки, Розалино и др. Эти деревни занимали немецкие части и вполне терпимо относились к населению, но когда им на смену пришли латышские части СС, сразу начался беспричинный страшный террор. Жители вынуждены были по ночам разбегаться по лесам, прикрываясь простынями (как маскировка под снег во время стрельбы). Вокруг этих деревень лежало много трупов

женщин и стариков. От жителей я выяснил, что этими бесчинствами занимались латышские СС.

23 апреля 1944 г. пришлось мне быть в д. Морочково. Вся она была сожжена. В погребах жили эсэсовцы. В день моего прибытия туда их должна была сменить немецкая часть, но мне все-таки удалось поговорить на латышском языке с несколькими эсэсовцами, фамилии коих не знаю. Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат трупы убитых женщин, стариков и детей, сотни трупов непогребенных, а также убитые лошади. Сильный трупный запах носился в воздухе. Ответ был таков: “Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских”. После этого сержант подвел меня к сгоревшей хате. Там лежало несколько обгорелых полузасыпанных тел. “А этих, — сказал он, — мы сжигали живьем”... Когда эта латышская часть уходила, она взяла с собой в качестве наложниц несколько русских женщин и девушек. Им вменялось в обязанность стирать белье солдатам, топить бани, чистить помещения и т.п.

...В начале мая месяца в районе д. Кобыльники в одной из ложбин мы видели около трех тысяч тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей.

Уцелевшие жители рассказывали, что расстрелами занимались “люди, понимавшие по-русски, носившие черепа на фуражках и красно-белокрасные флажки на левом рукаве” — латышские СС. Не помню названия деревни, в которой мое внимание привлекла куча мух, кружившаяся над деревянной бочкой. Заглянув в бочку, я увидел в ней отрезанные мужские головы. Некоторые были с усами и бородами. Вокруг деревни мы нашли немало трупов расстрелянных крестьян. После разговора с уцелевшими жителями, у нас не осталось сомнений в том, что и здесь также оперировали латышские СС, показавшие свое мужество и неустранимость в расправах над беззащитным населением. Все остальное, творимое ими, кажется ничтожным по сравнению с той страшной бочкой и заживо сожженными в хате женщинами»^{155}.

Хроника «подвигов» борцов за свободу Латвии в Белоруссии займет не один десяток страниц. Но мне кажется, что этого вполне достаточно.

И в самой Белоруссии немцы приступили к созданию батальонов «Шума» («Schuma») из местных уроженцев. Формирование их происходило в три этапа: в июле — августе 1942 г., в сентябре — октябре 1943 г. и в феврале — марте 1944 г. В результате к апрелю 1944 г. было сформировано 11 батальонов, 1 артиллерийский дивизион и 1 кавалерийский эскадрон «Шума».

Число бойцов этих батальонов постоянно росло. Так, на 20 декабря

1943 г. их насчитывалось 1481, на 30 января 1944 г. — 1499, а на 29 февраля 1944 г. — 2167 человек.

По штату каждый батальон должен был состоять из штаба и четырех рот по 124 человека в каждой, а каждая рота — из одного пулеметного и трех пехотных взводов. В состав некоторых батальонов входили различные технические и специальные подразделения.

После окончания боевой подготовки белорусские батальоны получили свои оперативные районы: батальоны № 45 и 60 — район Барановичей, батальоны № 46 и 65 — район Новогрудка, батальоны № 47 и 49 — район Минска, батальоны № 48 — район Слонима, батальон № 64 — район Глубокого, батальон № 66 — район Слуцка, батальон № 67 — район Вилейки; батальон № 69 — район Могилева.

Кроме того, в конце 1942 г. немцы сформировали белорусский батальон железнодорожной охраны численностью от 800 до 1000 человек. Роты этого батальона были дислоцированы на всех крупных железнодорожных станциях генерального округа «Белоруссия». Так, 1-я рота находилась в Минске, 2-я — в Столбцах, 3-я — в Барановичах, 4-я — в Лиде, 5-я — в Крулевщизне.

Первоначально командиром батальона железнодорожной охраны был назначен Франц Кушель. Об этом персонаже стоит рассказать отдельно. Он родился 16 февраля 1895 г. в деревне близ Минска. В 1915 г. Кушель был мобилизован в русскую армию. Чтобы не идти на фронт, он направился в Виленское военное училище, откуда был выпущен прапорщиком, а в 1916 г. отправлен на Западный фронт. Летом 1917 г. Кушель дезертировал. В 1918 г. примкнул к белорусским националистам. В 1919 г. был арестован польской жандармерией. Комендант лидской тюрьмы ротмистр Красуцкий предложил, как позже сознавался сам Кушель, «сотрудничать в польской работе среди белорусов, я согласился». Речь шла о шпионской деятельности в Советской Белоруссии в интересах польской разведки.

И Кушель был не только освобожден, но и получил чин поручика польской армии. 22 сентября 1939 г. Кушель под Львовом был взят в плен частями Красной армии и отправлен в Старобельский лагерь для военнопленных. Там ему тоже предложили сотрудничество, и Кушель тоже согласился.

Вначале он работал на НКВД, а после раздела наркомата в феврале 1941 г. — на НКГБ. Отставной комитетчик Николай Зенькович цитирует его служебную характеристику: «Как осведомитель зарекомендовал себя толковым, знающим нашу работу. Материалы давал информационного характера. В ходе допросов высказывал решимость к выполнению более

ответственных наших поручений»^{156}.

В Москве в Бутырской тюрьме Кушеля использовали в качестве «подсадной утки». Так, одно время он был сокамерником польского генерала Андерса.

Ну а что было дальше — молчат и Зенькович, и другие авторы. Лишь в декабре 1941 г. Кушель таинственным образом всплывает в захваченном немцами Минске. Кстати, теперь он называет себя на белорусский манер — не Францем, а Франтишеком.

Немцы назначили Кушеля начальником полицейской школы и положили оклад 150 рейхсмарок ежемесячно. Далее Зенькович невнятно пишет о том, что НКГБ пыталось заставить Кушеля продолжить работу, но тот якобы отказался.

9 марта 1945 г. остатки белорусских формирований были собраны в 30-ю гренадерскую дивизию СС (она же 1-я белорусская). Поскольку полицаев осталось мало (кого убили, кто сам убёг), то в 30-ю дивизию набирали белорусов из «восточных рабочих», то есть лиц, насильно угнанных на работу в Германию. Но все равно белорусов набралось мало. По состоянию на 30 апреля 1945 г. в 30-й дивизии числилось: 50 офицеров, 132 унтер-офицера, 912 рядовых, 50 лошадей, 16 подвод и 6 полевых кухонь. Фактически эта дивизия состояла из одного 75-го гренадерского полка СС.

15 апреля дивизия получила приказ отправиться в Южную Германию, где создавался «Альпийский редут». В ходе передислокации командир белорусского полка СС штурмбаннфюрер Геннингфельд попросту говоря смылся. А командование принял наш знакомый Кушель. Он приказал дивизии вместе с частями власовской армии идти навстречу американцам. В итоге около 1100 белорусов сдались янки в районе города Цвизель в Баварии.

Уже 20 лет как российские, белорусские, украинские либералы и националисты стенают о предательстве союзников, выдавших Советскому Союзу его граждан, служивших в СС и националистических частях. Им даже придумали кличку: «Жертвы Ялты».

Действительно, соглашение о выдаче всех граждан страны — участницы антигитлеровской коалиции было принято в Ялте в феврале 1945 г. Но это не являлось уступкой или тем более «подарком» Черчилля и Рузвельта Сталину. И англичанам, и американцам было плевать на предателей всех стран. Так, они смотрели сквозь пальцы на убийства во Франции, Италии и других странах десятков тысяч виновных или невиновных в сотрудничестве с немцами людей, совершаемые так

называемыми «партизанами последнего дня». Замечу, что значительная часть последних была просто бандитами, «вершившими правосудие» с целью грабежа и сведения личных счетов.

Пусть наши либералы назовут местность в СССР, где после прихода Красной армии творился бы самосуд, подобный Франции или Италии?

Ну а в феврале 1945 г. в Ялте союзники были крайне озабочены судьбой американских и британских военнопленных и гражданских лиц, попавших под контроль СССР.

И вот в августе 1945 г. белорусы из 30-й дивизии СС вместе с власовцами были переданы советской стороне, где их ждали «бериевские лагеря». Причем наших либералов не смущает общеизвестный факт, что Л.П. Берия еще в декабре 1945 г. был снят со всех постов в системе госбезопасности, за исключением курирования атомного проекта, и не имел никакого отношения ни к арестам, ни к лагерям. Тем не менее с начала 1990-х гг. на экранах телевизоров постоянно мелькают холеные дедушки и бабушки, в красках повествующие, как в 1947—1951 гг. Берия лично пытал их в своем кабинете на Лубянке. Мол, попросил он своего злейшего врага Абакумова уступить ему свой кабинет на пару часиков, чтоб кого-нибудь там попытать.

Ну а как же наш Кушель? Он до последнего дня был в американском лагере «для перемещенных лиц». А оттуда его отправили в... Англию. Позже Кушель перебрался в США. «В Америке он принимал участие в работе эмигрантской Белорусской центральной рады в качестве заместителя председателя уставной комиссии Управления военными делами БЦР (председатель К. Езовитов), командующим белорусской краевой охраны и инспектором пехоты Белорусского войска. Последняя его должность — военный министр БЦР, занимая которую он и скончался на чужбине в 1968 году»^{157}.

Эх, дорого бы я дал, чтобы посмотреть в архивах «Ясенево» дело Франца Кушеля и германского генерала Оскара фон Нидермайера! Любой их этих супершпионов даст сто очков фору Штирлицу вместе со всей компанией агентов «007». Увы, я никогда их не увижу и, думаю, мои внуки тоже.

Глава 17.

Операция «Багратион»

К июню 1944 г. линия фронта на востоке подошла к рубежу Витебск — Орша — Могилёв — Жлобин, образовав огромный выступ — клин, обращенный вглубь СССР, так называемый «Белорусский балкон».

Оперативный план Белорусской операции начали разрабатывать еще в апреле 1944 г. Общий замысел Генштаба состоял в сокрушении флангов группы немецкой армии «Центр», окружении основных ее сил восточнее столицы БССР и полном освобождении Белоруссии.

К началу операции «Багратион» четырем фронтам Красной армии противостояли четыре армии вермахта:

- 2-я армия группы армий «Центр», удерживавшая район Пинска и Припяти, выступавшая на 300 км на восток от линии фронта;

- 9-я армия группы армий «Центр», оборонявшая район по обе стороны Березины юго-восточнее Бобруйска;

- 4-я армия и 3-я танковая армия группы армий «Центр», занимавшие междуречье Березины и Днепра, а также плацдарм от Быхова до района северо-восточнее Орши.

Кроме того, части 3-й танковой армии занимали район Витебска.

В составе этой группировки войск противника насчитывалось 9635 орудий и минометов всех калибров, 932 танка и штурмовых орудий, 1342 самолета.

К началу операции в составе 1-го Прибалтийского фронта, которым командовал генерал армии Баграмян, состояли 24 стрелковые дивизии, 1 танковый корпус, 1 стрелковая бригада, 4 отдельные бригады, 1 механизированная бригада и 1 УР общей численностью 359,5 тыс. чел. Ширина полосы наступления 1-го Прибалтийского фронта составляла 160 км. На этом участке были сосредоточены 4781 орудие и миномет, а также 96 реактивных установок БМ-8 и БМ-13, и 576 установок М-30 и М-31.

В составе 3-го Белорусского фронта (генерал-полковник Черняховский) имелось 33 стрелковые дивизии, 3 кавалерийские дивизии, 1 механизированный корпус, 3 танковых корпуса, 5 отдельных бригад и 1 УР. Общая численность 579,3 тыс. человек. Полоса наступления — 130 км. На полосе сосредоточено 6592 орудия и миномета, 48 реактивных установок БМ-8 и БМ-13, 144 установки М-30 и М-31.

В составе 2-го Белорусского фронта (генерал-полковник Захаров) было 22 стрелковых дивизии, 4 отдельные бригады, 1 УР. Всего 319,5 тыс. человек. На полосе наступления в 160 км сосредоточено 4560 орудий и минометов, 120 реактивных установок БМ-8 и БМ-13, 192 пусковые установки М-30 и М-31.

В составе 1-го Белорусского фронта (генерал армии Рокоссовский) имелось 77 стрелковых дивизий, 9 кавалерийских дивизий, 1 механизированный корпус, 4 танковых корпуса, 1 стрелковая бригада, 4 УРа. Всего 1071,1 тыс. человек. На полосе наступления в 640 км было сосредоточено 15 542 орудия и миномета, 319 реактивных установок БМ-8 и БМ-13, 576 пусковых установок М-30 и М-31.

Итак, в наступление перешла более чем 2,3-миллионная группировка советских войск.

Операция «Багратион» была проведена в два этапа. Первый этап прошел с 23 июня по 4 июля и включил в себя следующие фронтовые наступательные операции: Витебско-Оршанская операция, Могилёвская операция, Бобруйская операция, Полоцкая операция, Минская операция.

Второй этап прошел с 5 июля по 29 августа и включил следующие операции: Вильнюсская операция, Шяуляйская операция, Белостокская операция, Люблин-Брестская операция, Каунасская операция, Осовецкая операция.

Успех операции «Багратион» заметно превзошел ожидания советского командования. В результате двухмесячного наступления была полностью очищена Белоруссия, часть Прибалтики, освобождены восточные районы Польши. В целом на фронте в 1100 км за 68 суток наши войска продвинулись на глубину до 600 км. Кроме того, операция поставила под угрозу группу армий «Север» в Прибалтике; тщательно выстроенный рубеж, линия «Пантера», удалось обойти.

Согласно данным Г.Ф. Кривошева^[158], людские потери Красной армии составили 178 507 погибшими, пропавшими без вести и пленными, а также 587 308 ранеными и больными. Кроме того, в ходе операции погибло 1533 солдата и офицера из 1-й армии Войска Польского.

Национальный состав четырех советских фронтов неизвестен, но можно смело утверждать, что среди 2,3 миллиона солдат были сотни тысяч русских, белорусов и украинцев. Именно представители этих трех братских народов освобождали Белоруссию как от гитлеровской оккупации, так и от резни, устроенной там украинскими и польскими националистами.

О потерях немцев до сих пор спорят историки. Наиболее распространенными среди западных ученых являются следующие данные:

26 397 погибших, 109 776 раненых, 262 929 пропавших без вести и попавших в плен, а всего — 399 102 человек. Эти цифры взяты из десятидневных отчетов о потерях, предоставлявшихся немецкими армиями. Чрезвычайно малое количество убитых связано с тем, что многие погибшие были учтены как пропавшие без вести, иногда пропавшим без вести объявлялся личный состав дивизии целиком.

Ряд российских историков оценивают германские потери примерно в 500 тыс. человек.

Для того чтобы продемонстрировать другим странам значимость успеха, 57 600 немецких военнопленных, захваченных под Минском, были проведены по Москве маршем — около трех часов колонна военнопленных шла по улицам Москвы, а после марша улицы были вымыты и очищены.

Само собой разумеется, что немцы не включали в сводки убитых националистов — украинцев, литовцев, латышей, эстонцев и белорусов, не говоря уж о неподчиненных им отрядах УПА и Армии Крайовой. По моим ориентировочным прикидкам в 1944 г. на территории Белоруссии было уничтожено от 40 до 80 тыс. человек личного состава полицейских батальонов СС и банд националистов.

Глава 18.

Восстановление Минска

23 июня 1941 г. германская авиация 11 раз бомбила Минск, но серьезные разрушения были лишь у железнодорожного вокзала и у аэродромов.

Утром 24 июня начались массированные бомбардировки Минска. Налеты на город продолжались до 9 часов вечера с периодичностью 20—30 минут. В этот день были выведены из строя электричество и водопровод, остановились трамваи, прекратили работу хлебозавод и магазины. Пожарами была охвачена вся восточная часть города и его центр. В то время Минск был в основном деревянным, поэтому огонь молниеносно перебрасывался от здания к зданию. Пожарные отряды Гражданской обороны боролись с огнем, вытаскивали раненых из-под рухнувших зданий, но существенного влияния на распространение пожаров не оказали.

Налеты на город продолжались до 27 июня, а 28 июня в город вошли немецкие войска.

В 1942 — первой половине 1944 гг. советская авиация произвела несколько эпизодических налетов на города Белоруссии, в том числе на Минск, Витебск, Полоцк, Гомель. В отличие от британской и американской авиации советская дальняя авиация не вела стратегических бомбардировок городов.

Советская дальняя авиация была слаба. В налетах участвовало до 100 машин. Целями налетов являлись исключительно военные объекты, железнодорожные станции, аэродромы, военные склады и т.п. Однако точность ночных бомбардировок была крайне низкой, в результате чего страдали и соседние жилые дома. Так что результат действий советской авиации в Белоруссии, равно как на Украине и в Прибалтике, за пределами погрешности общего объема разрушений в ходе войны.

К вечеру 3 июля 1944 г. Красная армия освободила столицу Белоруссии. До войны население Минска составляло 270,4 тыс. человек, а осталось примерно 37 тысяч. В центральных районах города неразрушенными остались только 70 зданий, предместья пострадали существенно меньше. Мало кто знает, что уже после освобождения Минск подвергся интенсивным налетам Люфтваффе.

Так, например, нарком внутренних дел СССР Берия сообщал Сталину о налете немецкой авиации на Минск в ночь с 20 на 21 июля 1944 г. В нем участвовало около 120 самолетов. Бомбовому удару тогда подвергся железнодорожный узел. Сгорело 3 вагона боеприпасов, 10 вагонов с дизельным топливом. Разрушено и сгорело около 30 домов, в том числе здание областного НКВД. Убито 15 человек, тяжело ранено 30. В воздушном бою сбито три самолета противника.

Через сутки такой же налет повторился. Именно в августе 1944 г. была почти уничтожена с воздуха вся правая сторона Московской улицы от Добромысленского переулка до Бетонного моста.

В Белоруссии еще добивали остатки немецких частей, а в августе 1944 г. Совнарком СССР отдал распоряжение подчиненному ему Управлению по делам архитектуры составить первоначальный вариант Генерального плана к 15 октября 1944 г. и предоставить его окончательный вариант к 1 марта 1945 г.

Из-за масштабов разрушений встал вопрос о целесообразности восстановительных работ. Поступали предложения о строительстве нового города в нескольких километрах от руин старого разрушенного Минска. Все-таки победила точка зрения о возрождении столицы на ее прежнем месте.

8 октября 1944 г. в Минске прошел первый массовый воскресник. Каждый из городских районов — Сталинский, Ворошиловский и Кагановичский — был разбит на 10 производственных участков. В городе было создано девять складских пунктов для хранения собранного металла и стройматериалов. Всего в воскреснике приняло участие 33 тысячи минчан. За этот день было разобрано, очищено и уложено в штабеля 1 316 тысяч кирпичей. Собрано 1065 тонн различных строительных материалов, заготовлено 2050 кубометров щебня. Было разобрано и уложено в штабеля 403 кубометра бутового камня. Очистили от завалов и мусора 15 500 кв. метров площади, засыпали 2500 кубометров воронок.

3 октября 1944 г. всем областям БССР было приказано направить в Минск строительные бригады. И хоть вербовщики были разосланы во все областные центры Белоруссии, в столицу прибыли лишь 206 строителей. В белорусских городах осталось мало людей, а крестьяне, занятые натуральным хозяйством, ехали неохотно. Поэтому из других республик к 24 июня 1946 г. было завезено еще 1233 строителя.

При восстановлении города широко использовался труд военнопленных. На 1 марта 1947 г. в минском лагере № 168 содержалось 28 075 военнопленных, которые были задействованы на стройках различных

министерств и управлений. Так, в управлении по восстановлению Минска было задействовано 3323 военнопленных (дополнительно 923 военнопленных — на восстановлении здания Академии наук), на строительстве автомобильного завода — 5791 и при Главном Управлении по индустриализации — 5535 (из них 2237 человек — на строительстве Тракторного завода).

Ветеран КГБ В.А. Нестеров писал о строительстве здания Министерства КГБ: «Две тысячи военнопленных трудились здесь практически круглосуточно. Белорусы относились к бывшим врагам лояльно, а немцы, в свою очередь, отвечали качественной работой без халтуры».

«Жилья не было, поселили в оперном театре. В одной половине — артисты, в другой — пленные немцы из элитной части, они делали ремонт. 13 лет я прожила в оперном... мирная жизнь все-таки брала свое, и вскоре пленные, которые жили с нами бок о бок, стали приглашать на свои концерты», — вспоминала балерина Галина Александровна Черноторова.

Из воспоминаний журналиста Тамары Абакумовской: «Круглая площадь активно застраивалась, а восстанавливали этот ставший знаменитым архитектурный комплекс в том числе и военнопленные...

Лагерь располагался прямо под нашими окнами, по нынешней улице Киселева. Помню, как белокурые “фрицы” мастерили из обрезков деревянные игрушки, незатейливые шкатулки и предлагали жильцам дома. Сердобольные наши мамы взамен одаривали пленных куском пайкового хлеба, сухарем, кусочком сахара. А после работы соседи-военнопленные разжигали костер, в солдатских котелках варили картошку, приглашая на вечернюю трапезу малышню». Предвидя возражения скептиков, Тамара Абакумовская поясняет: «Великодушие наших людей, которые прошли через фронт и партизанские блокады, бомбежки и голод, поражает. Ведь делились-то последним. Так сильно было в народе нравственное правило — лежачего, то есть побежденного, не бьют».

По сравнению с гитлеровскими, да и с английскими и американскими лагерями, жизнь в «бериевских лагерях» была довольно сносной.

«Условия работы — рабочее время, рабочие нормы (повышенные с 60% в первом месяце до 100% в третьем), зарплата и питание, включая дополнительный рацион за особые заслуги, — приравнивались к тем, что имело советское гражданское население. Из ежемесячно выплачиваемой зарплаты вычитались средства на проживание (питание, жилье и охрана) и 10% — на общие нужды (медицинский пункт, культурная работа)»^[159].

Уже осенью 1946 г. в Минске работало множество неохраняемых

групп военнопленных.

Согласно письму заместителя министра внутренних дел от 17 сентября 1946 г., «на некоторых объектах Управления по восстановлению Минска военнопленные были задействованы вместе с женщинами из гражданского населения. Как результат — возникновение “интимных связей”»^{160}.

В известной мере «выпустило пар» публичное повешение 14 германских военных преступников, произведенное на минском ипподроме 30 января 1946 г. Идти туда никого не заставляли, но власти охотно отпускали с занятий учащихся, переносили обеденный перерыв, давали отгулы.

По данным Центрального статистического управления, с 1945 г. по 1948 г. количество промышленных предприятий в Минске возросло с 9 до 343, а число рабочих увеличилось с 1067 до 25 781. Минск стал одним из важнейших мест размещения транспортной и электронной промышленности Советского Союза. С конца 1940-х и до начала 1960-х гг. здесь был открыт целый ряд крупных промышленных производств: завод по производству грузовых автомобилей (1947 г.), велозавод (1947 г.), тракторный завод (1950 г.), заводы по производству радиоприемников и телевизоров (1951 г.), часов (1951 г.) и холодильников (1952 г.). В 1990 г. было произведено 100,7 тыс. тракторов, 37,1 тыс. грузовых автомашин, 225 тыс. мотоциклов, 845 тыс. велосипедов, 1,1 млн. телевизоров, 728 тыс. холодильников, 11,9 млн. наручных часов. Доля машиностроения и металлообработки в валовом продукте возросла с 23,2% в 1950 г. до 70,3% в 1990 г., в то время как доля пищевой промышленности за тот же период снизилась с 28,8% до 7,8%, а деревообрабатывающей и бумажной промышленности — с 4,5% до 1,4%, что означало, что данные отрасли промышленности не играют существенной роли в экономике белорус ской столицы. В результате благодаря размещению в городе ключевых предприятий Минск после Второй мировой войны превратился в советскую промышленную метрополию.

После Великой Отечественной войны потребовалось пять лет, чтобы численность населения Минска достигла довоенного уровня. В 1953 г. там проживало уже 273 тыс. человек, что соответствовало численности населения города накануне нападения Германии на СССР.

Затем в Минске начался настоящий демографический бум. Численность населения увеличилась с 500 тыс. человек в 1959 г. до 1 млн. в 1972 г. и до 1,6 млн. в 1991 г. Любопытен и национальный состав населения Минска (в %)^{161}:

Белорусы 1897 г. - 9,0; 1926 г. - 42,4; 1939 г. - 54,0; 1959 г. - 63,8
Русские 1897 г. - 25,8; 1926 г. - 9,6; 1939 г. - 9,8; 1959 г. - 22,8
Евреи 1897 г. - 51,2; 1926 г. - 40,8; 1939 г. - 30,8; 1959 г. - 7,6
Поляки 1897 г. - 11,4; 1926 г. - 3,4; 1939 г. - 1,5; 1959 г. - 1,1
Татары 1897 г. - 1,3; 1926 г. - 1,0; 1939 г. - Нет сведений; 1959 г.
- 0,3

Украинцы 1897 г. - Нет сведений; 1926 г. - 1,1; 1939 г. - Нет
сведений; 1959 г. - 3,6

Остальные 1897 г. - 1,3; 1926 г. - 1,3; 1939 г. - 3,9; 1959 г. - 0,7

Первым сооружением на современном проспекте Независимости в послевоенном Минске стало здание Министерства госбезопасности БССР (дом № 17 по проспекту Независимости), которое начали возводить весной 1945 г. по проекту архитектора Михаила Парусникова. Строительство завершилось 1 декабря 1947 г. На здании была установлена башенка (с ней связано несколько минских легенд). Эта башня — самое высокое место первой линии нынешнего проспекта Независимости — являлась по замыслу М. Парусникова композиционным центром всей части проспекта от нынешней площади Независимости до площади Победы.

В свое время здание КГБ на проспекте Независимости было признано лучшим архитектурным произведением в СССР.

Одними из первых в городе возводились здания, относящиеся к силовым ведомствам — НКВД и Министерству обороны. Штаб БВО на ул. Красной и Коммунистической, штаб тыла БВО на ул. Фрунзе (1945 г.). Оба здания возведены по проекту архитектора В.И. Гусева.

В числе первых восстановленных строений оказались и два дома (№ 91 и 93 по проспекту Независимости), находящиеся по ул. Пушкинской (участок нынешнего пр. Независимости от Института физкультуры до парка Челюскинцев). Их очередность диктовалась стратегическим расположением — на въезде в город со стороны автомагистрали Минск — Москва и заказчиком — военным министерством СССР. Уже к 1947 г. оба корпуса были практически готовы.

В освобожденном Минске шло одновременное строительство нескольких жилых районов, крупнейшими из которых стали поселки минского тракторного и автомобильного заводов. Здесь появилось полтора десятка новых улиц: проспект Красного Партизана, улицы Орджоникидзе, Мичурина, Лазо, Чайкиной, Огарева и др. Это были относительно крупные жилые районы, представляющие единый архитектурный ансамбль с полной социально-бытовой инфраструктурой: магазинами, школами, яслями, почтой, поликлиниками и др.

Так, новый жилой район тракторного завода, строительство которого началось в 1946 г. одновременно с проектированием, состоял из 13 кварталов, различных по площади, форме и художественным качествам. Трехэтажные дома возводились вдоль главной магистрали района — улицы Олега Кошевого, четырехэтажные — у площади района. Основную массу застройки кварталов автомобильного поселка составляли двухэтажные типовые здания.

В 1947—1948 гг. в Минске появилось свыше ста новых улиц. Вырос поселок вдоль Заславского шоссе. Стандартными одноэтажными жилыми домами были застроены улицы, носящие имена героев Советского Союза — Доватора, Гастелло и др.

За первое послевоенное десятилетие был в основном застроен первый городской диаметр столицы — Сталинский проспект, частично ул. Московская и Чкалова. Вторым диаметром было намечено проложить по ул. Ленина через пл. Свободы, к парку Победы и от ул. Ульяновской до Могилевского шоссе. Основная магистраль города — проспект Сталина — был расширен до 48 м, на его протяжении создавалось несколько площадей. Магистраль застраивалась 4-5-этажными административными домами, магазинами, жилыми домами.

Послевоенная застройка нынешнего проспекта Независимости может служить примером архитектурного стиля, известного как «сталинский ампи́р», получившего особенное распространение после Великой Отечественной войны. «Сталинский ампи́р» представляет собой сочетание нескольких архитектурных стилей. Минск восстанавливала и реконструировала вся страна, и в конце 1950-х гг. он стал одним из красивейших городов СССР.

Любимый брэнд западных СМИ и отечественных либералов — рассказ о всеобщем дефиците в СССР и перенаселенности квартир.

Я не буду говорить о конце 1980-х, когда дефицит создавался искусственно. В 1950—1960-х гг. ситуация была несколько иной. В СССР хозяйство было плановое, и государство выделило огромные средства на восстановление разрушенных войной городов Минска, Сталинграда, Севастополя, Киева, Харькова, Кургана и десятков других. Одновременно СССР создавал ракетный ядерный щит, строил огромные каналы, фактически заново строил военно-морской флот и т.д., и т.п. За 4—5 послевоенных лет был преодолен промышленный уровень 1939 г.

Понятно, что за первые два послевоенных десятилетия построить новые дома для всего 200-миллионного населения Советского Союза было невозможно.

И вот в конце 1940-х гг. началась неконтролируемая миграция сельского населения и населения небольших городов в крупные мегаполисы — Москву, Ленинград, Минск и т.д. Эта миграция фактически сорвала все планы улучшения благосостояния жителей больших городов. Еще в 1930-х гг. десятки тысяч комсомольцев ехали строить Магнитку, Комсомольск-на-Амуре и другие «стройки века, и там оседание их было благом для страны. А вот в 1950—1970-х гг. большая часть мигрантов приезжали в большие города не строить и даже не делать карьеру на благо страны, а попросту закрепиться в большом городе и «халтурить», а то и вообще ничего не делать, жить за счет государства.

На эту тему можно написать десятки диссертаций. Я же приведу один мелкий пример искусственного создания дефицита. Так, в 1980 г. издательство «Советская энциклопедия» тиражом 50 тысяч (!) экземпляров издала узконаучный труд «Мифы народов мира. Энциклопедия». Замечу, не адаптированная для малограмотного обывателя книжка а ля Кун, а чисто научное издание, где статьи о греческих мифах занимали не более 5%, а остальное — мифы племен Африки, Южной Америки и т.д. И эта энциклопедия почти не поступила в продажу. 10 тысяч экземпляров взяло ЦК партии, а далее — Московский комитет и т.п. Хватали все, даже уборщицы. Хотя если бы она была бы издана тиражом в 1000 экземпляров, и этого хватило бы всем, кому это требовалось по специальности и во все соответствующие библиотеки. После 1991 г. сей труд я часто видел на распродажах, но не взял. Книга хорошая, и я историк, но и мне она пока не нужна, а вот уборщице их аппарата ЦК КПСС была жизненно необходима.

Анекдот советского времени. У дверей магазина огромная очередь. Дама занимает очередь за небритым мужчиной: — Вы крайний? — Да. — А чего дают? — Мопассана. — Это вроде кримплена? — Не знаю, еще не пил.

Вместе заключения.

Братский союз, скрепленный в огне сражений

Русские и белорусы поистине братья. Зря ненавистники обоих народов вспоминают удельные войны XI—XVI веков. Тогда все русские земли воевали друг с другом. Та же Москва чаще воевала с Новгородом, нежели с Полоцком. Бедствием для Белой Руси стала уния ВКЛ и Польши.

Белорусские дворяне уже в XVI веке стали жить «по понятиям», как польская шляхта.

Могли белорусские шляхтичи типа Александра Лисовского много лет грабить со своей «частной» армией соседние государства, а потом спокойно возвращаться домой, если бы они были московскими дворянами или даже боярами? Впрочем, конкретно пана Лисовского в Речи Посполитой приговорили к смертной казни за разбои в Литве. А Лисовский чихать хотел на этот приговор.

Замечу, что ни один русский историк не писал о зверствах белорусских шляхтичей на территории России в Смутное время — эти люди уже тогда были для русских польскими панами.

Ну а, как уже говорилось, в первой половине XVI века белорусская шляхта полностью перешла в католичество и считала себя природными поляками. Теперь на исторической сцене остались только Россия и белорусский народ. Только благодаря России белорусский народ спасся от ополячивания и сумел сохранить свою национальную идентичность.

Ну а в 1991 г., как было угодно Ее Величеству Истории, Беларусь стала независимой и вместе с РФ образовала союзное государство. Соответственно, армии братских стран плечом к плечу стоят на защите западных рубежей.

Основой создания региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации (РГВ) явилась принятая в рамках Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (ДКБ) Концепция коллективной безопасности государств-участников ДКБ, утвержденная Решением Совета коллективной безопасности от 10 февраля 1995 г. В данной Концепции коалиционные (объединенные) группировки войск (сил) в регионах, которые будут созданы для отражения агрессии против государств-участников, рассматриваются в качестве одного из элементов

сил и средств системы коллективной безопасности государств-участников.

Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. «О ратификации Соглашения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере». Принят Палатой представителей 9 апреля 1998 г., одобрен Советом Республики 16 апреля 1998 г.

Выполняя вышеуказанные документы, министерствами обороны двух государств был разработан План применения РГВ в интересах обеспечения безопасности Союзного государства (утвержден Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 27 июня 2000 г.) и создана региональная группировка войск (сил), ставшая к настоящему времени катализатором развития военной составляющей системы коллективной безопасности ОДКБ.

В состав группировки вошли:

Вооруженные Силы Республики Беларусь;

20-я армия Западного военного округа Вооруженных Сил Российской Федерации с соединениями, воинскими частями усиления центрального и окружного подчинения.

Эффективность мероприятий военного строительства Союзного государства подтверждалась в ходе крупномасштабных учений РГВ «Щит Отечества — 2006» и «Запад — 2009», результаты которых были высоко оценены Президентами Беларуси и России, а также многочисленными экспертами и наблюдателями. Главы двух государств, подводя итоги совместного оперативно-стратегического учения, в 2009 г. приняли решение о проведении подобных мероприятий один раз в два года, что подчеркивает неуклонность курса на совместное обеспечение безопасности в военной сфере.

Широкомасштабные учения «Запад-2013» в очередной раз подтвердили высокую боеготовность армий обоих государств.

Список использованной литературы

Артиллерия в наступательных операциях второго и третьего периодов войны (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.). / Коллектив авторов. Кн. II. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1965.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002.

Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2013.

Бычков А.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Краткий очерк. М.: Мысль, 1965.

Бэйда О.И. Французский легион на службе Гитлеру. 1941— 1944 гг. М.: Вече, 2013.

Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия / Под ред. М.М. Козлова. М.: Советская энциклопедия, 1985.

Викторчик П. Над Ольсой-рекой. Минск: Беларусь, 1966.

Воинские повести Древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985.

Диксон Ч.О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Древнерусская литература / Составитель О.В. Творогов. М.: Просвещение, 1995.

Древнерусские княжества X—XIII веков. М.: Наука, 1975.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой, М.: Логос, 2003.

Загорульно М.М., Юденнов А.Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М: Экономика, 1970.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002.

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969.

Ионг Л. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки Третьего рейха. М: Вече, 2004.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 3. М.: Воениздат, 1961.

Козаченко А.И. Борьба украинского народа за воссоединение с

Россией. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954.

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002.

Малишевский Н.Н. Бой за Гродно в сентябре 1939 г. глазами участников и очевидцев. Минск: А.Н. Вараксин, 2012.

Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. Киев: Ваклер, 2011.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225—1552 гг.). Казань, 2002.

Мухин Ю. Антироссийская подлость. М.: Крымский мост-9Д; Форум, 2003.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933— 1945. Т. П. Сухопутная армия Германии с начала Второй мировой войны до нападения на Советский Союз (сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.). М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

Неизвестные страницы истории Белой Руси в документах и исследованиях (с древнейших времен до 1569 года) / Сост. Н.Н. Милишевский. Минск: В.П. 2012.

Нюрнбергский процесс. Т. 1. М.: Госюриздат, 1955.

Орлов В.А. Тайны полоцкой истории. Минск: Беларусь, 1995.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. / Сост. В.И. Адамушко. Минск: Выш. шк., 2012.

Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии (1921—1966 гг.). Минск: Беларусь, 1967.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Сборник документов. / Под ред. П.И. Зырянова. М.: Наука, 1968.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1908.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов. Минск: Беларуская навука, 2012.

Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). М.: Центрполиграф, 2002.

Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941—1945. М.: Вече, 2008.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Историко-статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2005.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука, 1993.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М.: Высшая школа, 1992.

Совершенно секретно! Только для командования! Документы и материалы. М.: Наука, 1967.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941— 1945 годы. М.: Вече, 2009.

Тарас А.Е. Войны Московской Руси в Великом княжестве Литовском и Речью Посполитой в XIV—XVII веках. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006.

Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: Росмэн, 1995.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Ленинград: Наука, 1972.

Чигринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004.

Широкопад А.Б. Великий антракт. М: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.

Широкопад А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.

Широкопад А.Б. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного. М.: Вече, 2006.

Широкопад А.Б. Прибалтийский фугас Петра Великого. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.

Широкопад А.Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004.

Широкопад А.Б. Спор о русском море. Станет ли Черное море утерянным шансом России? М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010.

Широкопад А.Б. Утерянные земли России. XIX—XX вв. М.: Вече, 2012.

Яковлева Е.В. Польша против СССР. 1939—1950. М.: Вече, 2007.

<http://bsuir.info/load/92—1—0—1853>

<http://bsuir.info/load/92—1—0—1853>

<http://kazak.by/index.php/about/belkazak/50-belarusian-cossacks-in-the-xv-xvii-century?showall=1>

http://kazaki-belarus.blogspot.ru/2012__04__01_archive.html

<http://news.tut.by/society/326272.html>

<http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=36626>

<http://www.istorya.ru/book/soldaty/25.php>

<http://www.katyn.ru/forums/viewtopic.php?id=294>

[http: //www.litvania.org/](http://www.litvania.org/)
[http: //www.russkie.org/index.php? module = fullitem&id = 28508](http://www.russkie.org/index.php? module = fullitem&id = 28508)
[http: //www.zavtrasessiya.com/index.pl? act = PRODUCT&id](http://www.zavtrasessiya.com/index.pl? act = PRODUCT&id)
[http: //xreferat.ru/35/1547—2-partizanskoe-dvizhenie-v-belarusi-v-gody-velikoiy-otechestvennoiy-voiny.html](http://xreferat.ru/35/1547—2-partizanskoe-dvizhenie-v-belarusi-v-gody-velikoiy-otechestvennoiy-voiny.html)
[http: //zapadrus.su/2012—04—11—14—59—43/2013/-1863-/620—2013—01—22—15.html](http://zapadrus.su/2012—04—11—14—59—43/2013/-1863-/620—2013—01—22—15.html)
[http: //zapadrus.su/bibli/arhbib/445—1-r.html](http://zapadrus.su/bibli/arhbib/445—1-r.html)

Иллюстрации

Древнее Берестье. Брест. Археологический музей. (Фото А. Широкограда)

Древнее Берестье. Брест. Археологический музей. (Фото А. Широкограда)

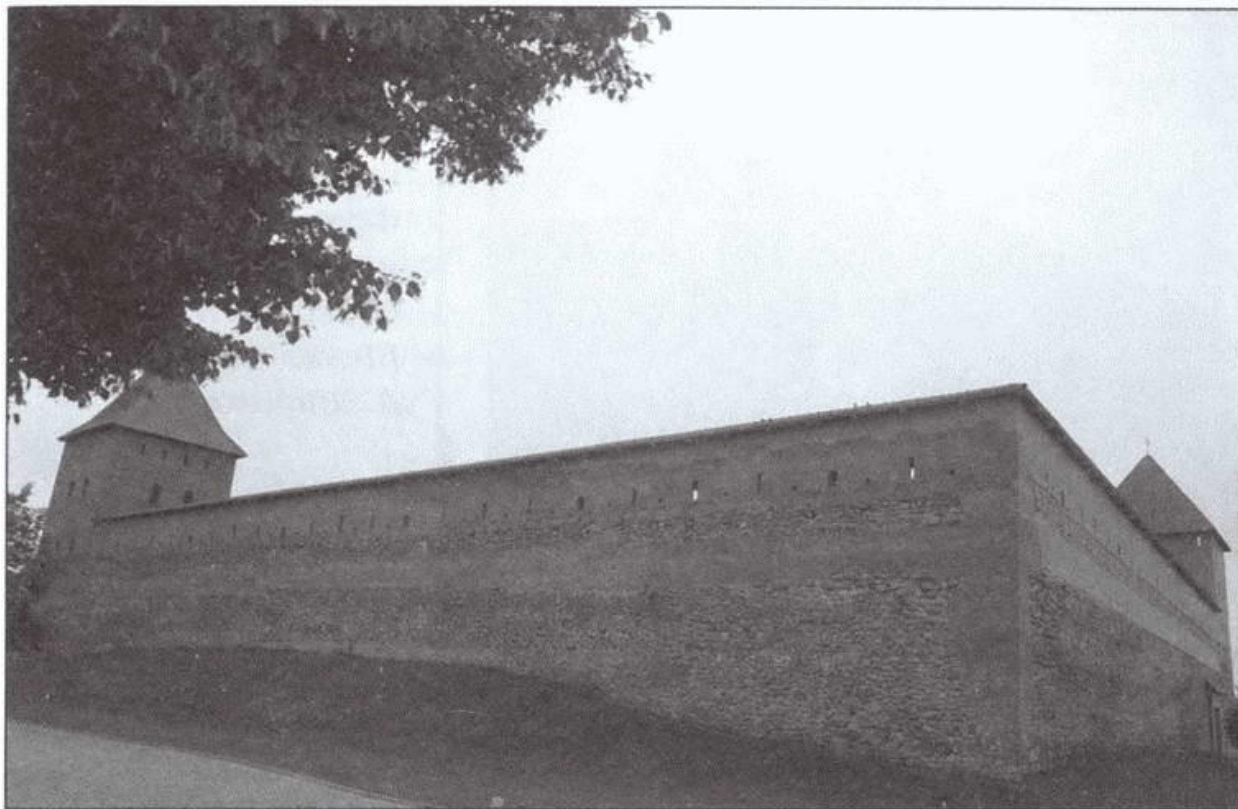
Каменецкая вежа. Конец XIII века. (Фото А. Широкограда)

Каменная вежа. Разрез. (Фото А. Широкограда)

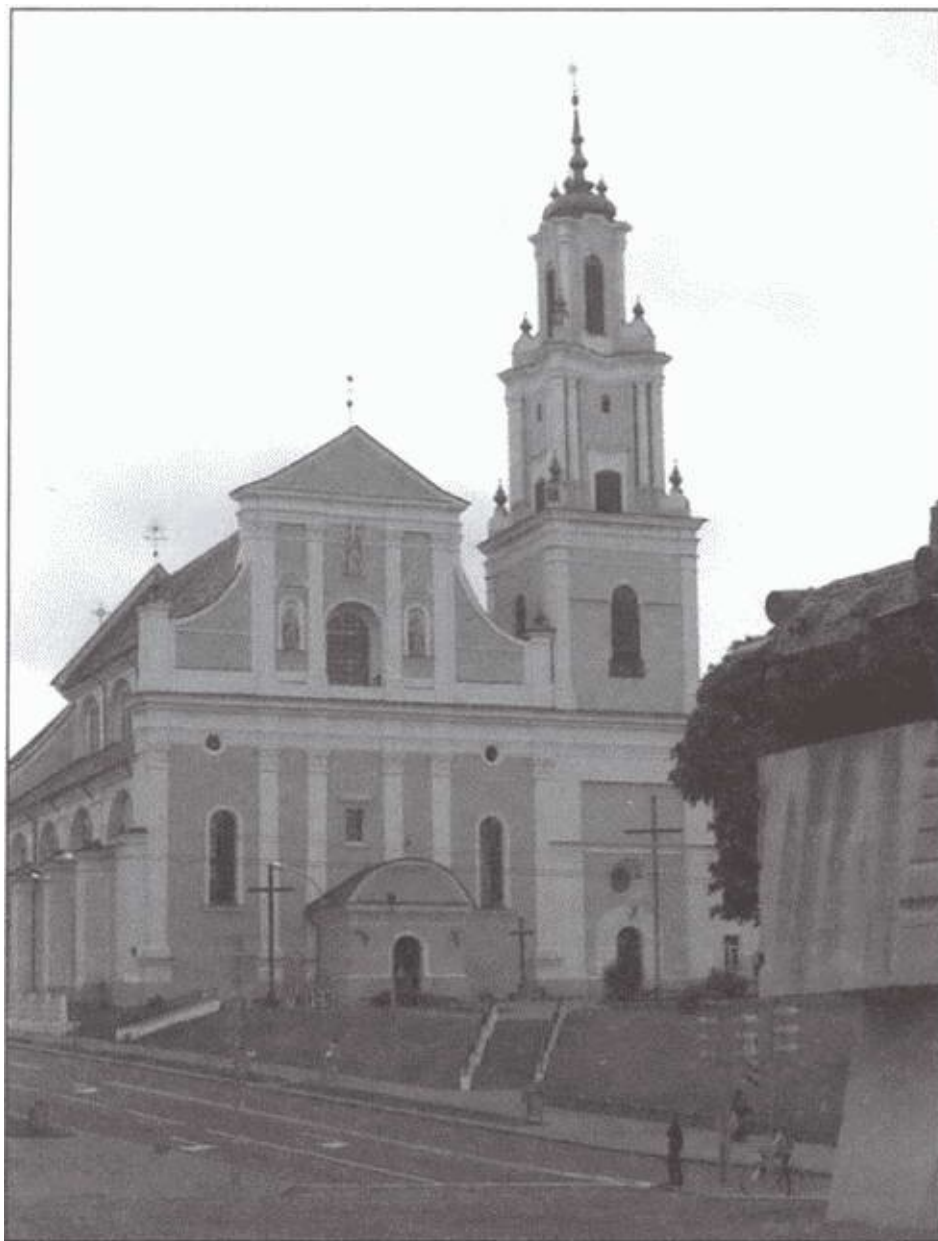
Софийский собор в Полоцке. Был заложен между 1044 и 1066 гг. Полностью перестроен в 1738—1750 гг. и превращен в униатскую базилику в стиле польского барокко. (Фото А. Широкограда)

Лидский замок, возведенный по велению князя Гедимина. Первая половина XIV века. (Фото А. Широкограда)

Гродно. Старый замок. Заложен в начале XI века русскими князьями. (Фото А. Широкограда)

Гродно. Францисканский монастырь и костел. Середина XVII века. (Фото А. Широкограда)

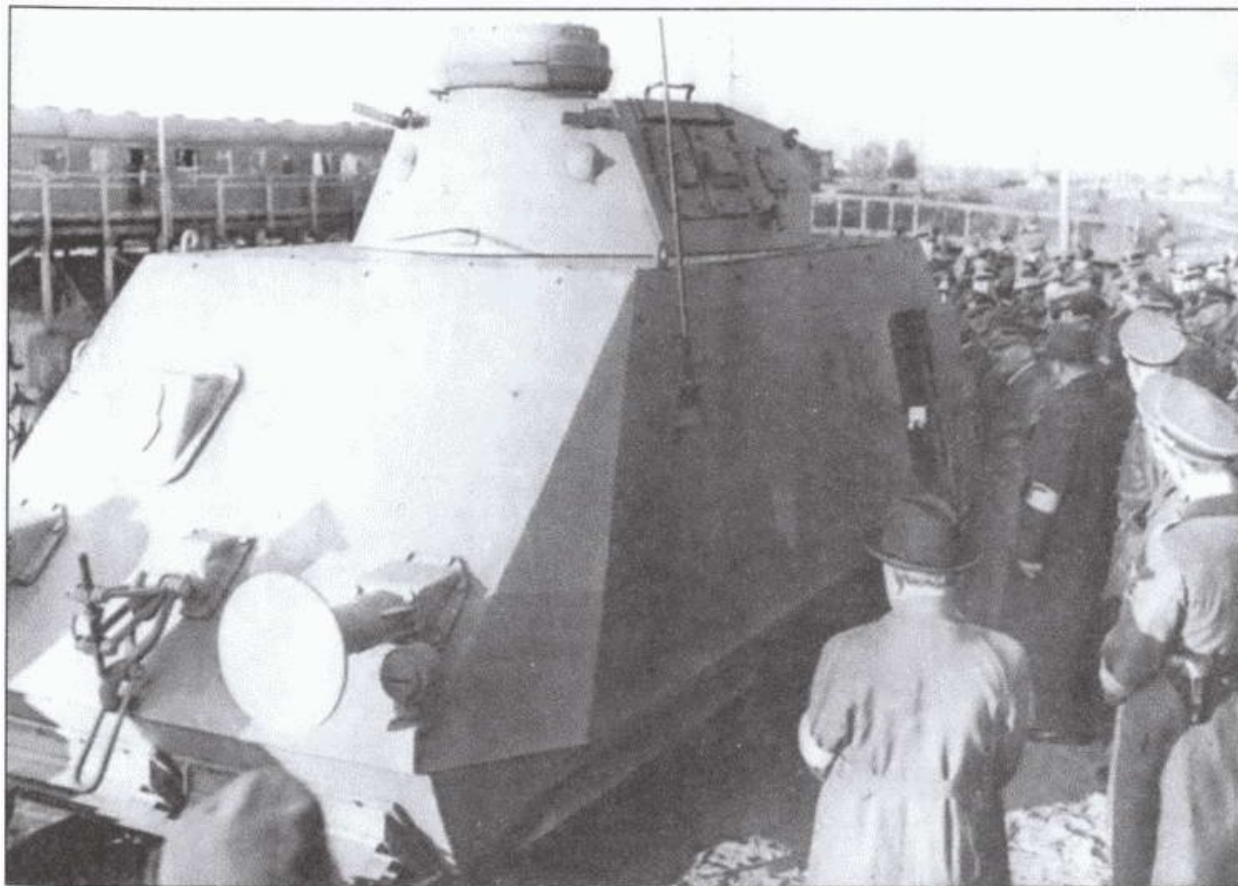
Полонизированная белорусская шляхта. Так убивали последнего тура. Национальный парк «Беловежская пуща». Музей природы. (Фото А. Широкограда)

Сентябрь 1939 г. Немцы окружили Варшаву, а в Гродно поляки вывешивали плакаты: «Вновь жидовские лапы? Нет, никогда!»

*Паны на охоте в Беловежской пуще. Национальный парк «Беловежская пуща». Музей природы.
(Фото А. Широкограда)*

Рельсовая война на территории Белоруссии. Гитлер осматривает новую бронедрезину, специально сконструированную для охраны железных дорог от партизан

Французский бронеавтомобиль «Панар» 38(t) на железнодорожных колесах

Немцы спускают трофейный французский танк с железнодорожной платформы для борьбы с партизанами

Немецкий бронепоезд приближается к опорному пункту, где немцы сторожат пленных партизан

Команда бронепоезда обыскивает партизана

Команда бронепоезда ремонтирует пути

Работа партизанских мин

Партизаны у немецкого бронепоезда

Подразделение украинских националистов. Сентябрь 1944 г. Как видим, форма немецкая, а вооружение советское.

Солдаты Армии Крайовой в Белоруссии

Пленные немцы на улицах Минска. 1944 г.

Комсомольская агитация на восстановительных работах в Минске. 1945 г.

Минск. Возведение одной из 11-этажных башен на Привокзальной площади. 1947—1952 гг.

Минск. Дорожные работы на ул. Советской — будущем пр. Сталина

Восьмиквартирные дома с печным отоплением, строительство которых начато в Минске в 1945 г.

Минск. Проспект Независимости сегодня. (Фото А. Широкограда)

«Линия Сталина» — памятник боевому братству русского и белорусского народов. Площадка ракетной техники. (Фото А. Широкограда)

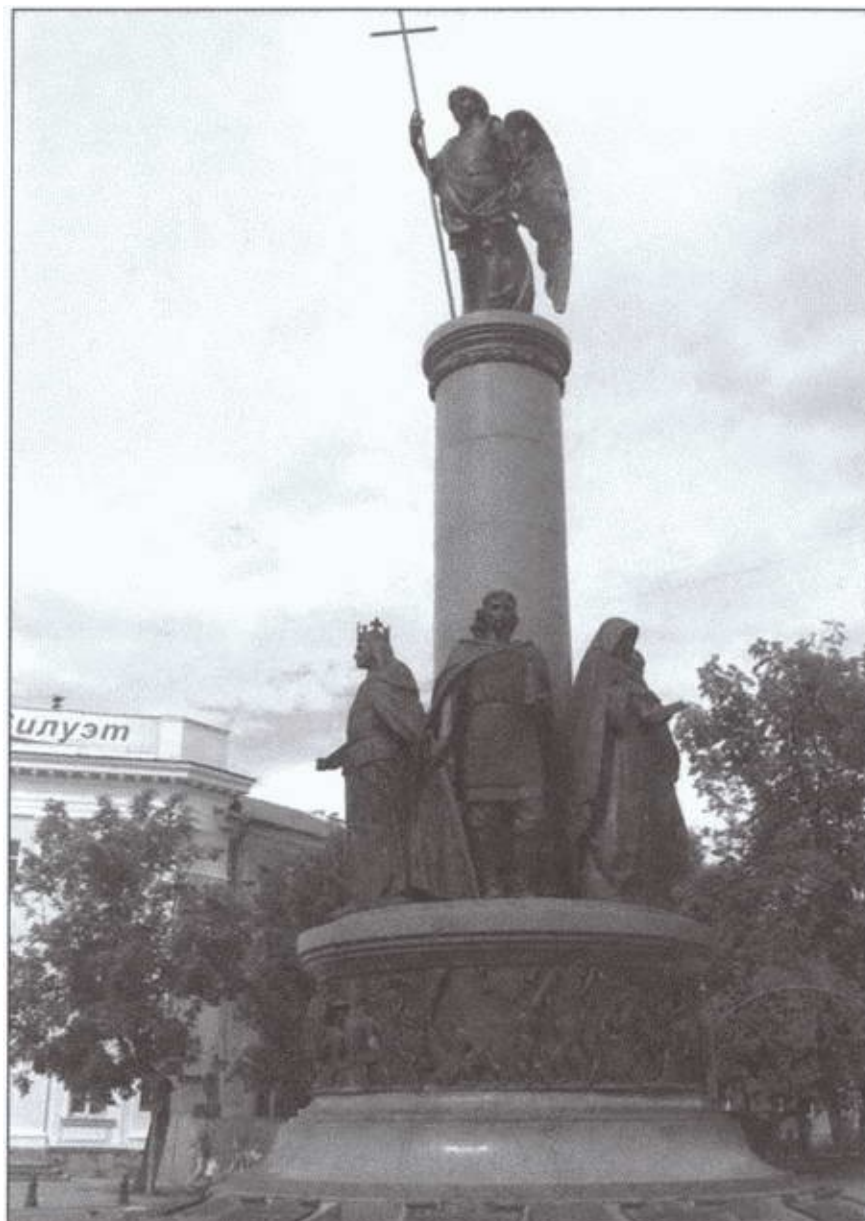
Мощнейшая в мире 203-мм САУ «Пион». (Фото А. Широкограда)

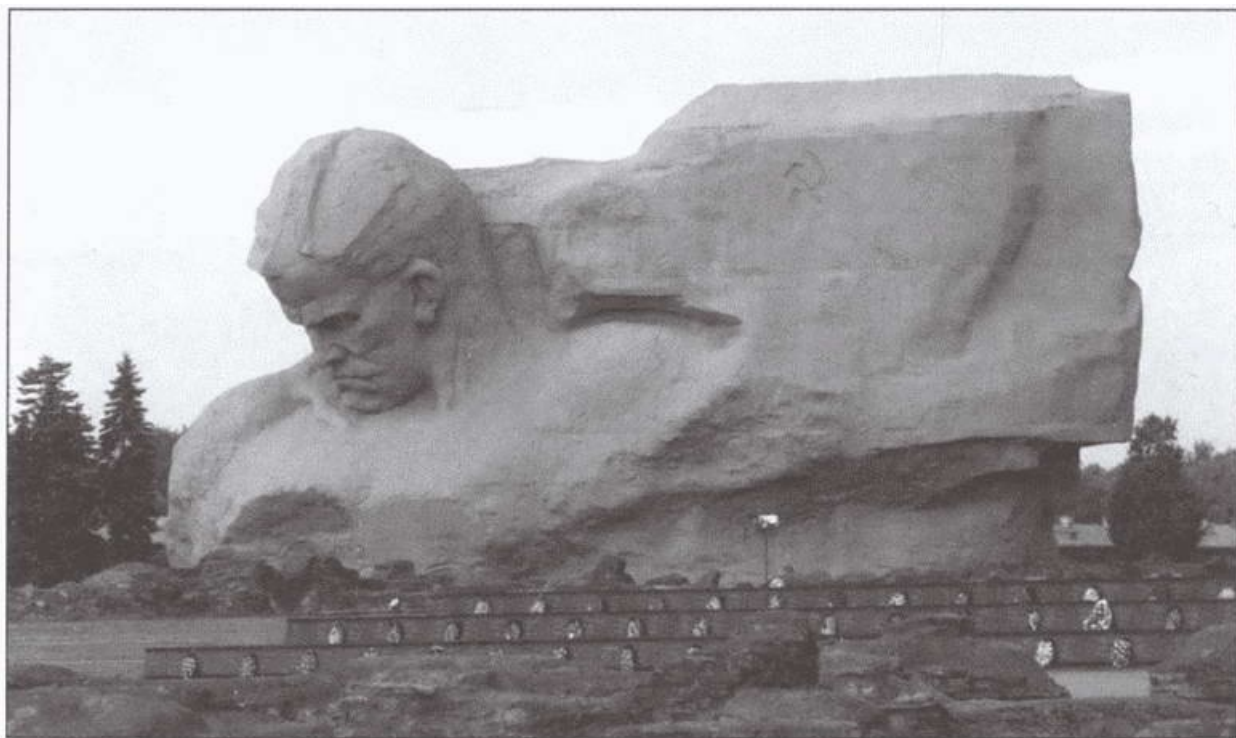
Восстановленный дот в грандиозном музее «Линия Сталина», созданном властями независимой Беларуси. (Фото А. Широкограда)

Памятник Сталину на «Линии Сталина». В Беларуси не боятся ставить памятник победителю Германии. (Фото А. Широкограда)

Памятник 1000-летию города Бреста. (Фото А. Широкограда)

Брестская крепость — музей славы СССР и Российской империи. (Фото А. Широкограда)

ISBN 978-5-4444-1664-8

реклама

12+

www.365days.ru

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

*ВСЕ О РОССИЙСКОЙ
И МИРОВОЙ ИСТОРИИ*

Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!

До 1990 г. советские СМИ представляли отношения белорусов и русских как идеальный союз братских народов. Что ж происходило на самом деле? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в книге Александра Широкограда «Русские и белорусы — братья в горе и радости». В книге впервые говорится о возникновении и действиях белорусского (!) казачества в XVII веке. Автор развенчивает советские мифы о том, что в 1941—1944 гг. в Белоруссии боевые действия сводились к противостоянию советских партизан против вермахта. На самом деле это был самый интернациональный район боевых действий во всей Второй мировой войне. И если немцев выгнали из Белоруссии в 1944 г., то борьба с бандитским «интернационалом» продолжалась до начала 1950-х годов.

notes

Примечания

Следует заметить, что некоторые авторы относят это описание к более раннему и неизвестному современным историкам набегу русов.

862 год от Рождества Христова.

Так, в 1876 г. германский историк Вильгельм Томсен прочитал в Оксфордском университете лекцию «Начало русского государства», где утверждал, что «русь IX века — это шведы».

Здесь и далее я буду Старую Ладугу называть Ладогой, как она и называлась до Петра Великого, основавшего Новую Ладугу.

Кривичи — славянское племя, обитавшее на территории современной Смоленской области.

По обычаю жена снимала обувь мужа перед первой брачной ночью.
Ответ Рогнеды — типичная форма отказа девушки сватам.

Вышгород — княжеское село недалеко от Киева.

Существует версия, что Святополк был не сыном Владимира, а племянником, сыном убитого им брата Ярополка. Однако достоверных подтверждений этой версии нет.

Альта — небольшая речка, приток Трубежа, левого притока Днепра.

Интересную мысль высказала историк Фанна Гимберг: все славянские имена оканчивались на -мир или -слав (Ярослейф — Ярослав, Вартилаф — Брячислав), и варяги автоматически удлиннили имя Борис — Борислав. Гимберг считает имя Борис не славянским, а тюркским. По мнению автора, могло быть и наоборот — в ходе гражданской войны Борис сам решил славянизировать свое имя и стал Бориславом. Кстати, христианские имена Бориса и Глеба — Роман и Давид.

О походе войска Святополка Окаянного в земли древлян сведений нет ни в одном источнике.

Тут стоит отметить любопытную деталь: здесь и далее русские и поляки ругаются и мирятся, понимая друг друга без переводчиков, что служит достоверным доказательством крайней близости древних русского и польского языков.

Ряд историков, в том числе Г.М. Филист, говорят об осени 1018г.

Речка Судома в Порховском уезде Псковской губернии.

Река к югу от Киева.

Из-за путаницы в христианских и языческих именах ряд историков считают, что у Всеслава было не 6, а 7 сыновей.

Видимо, речь идет о князе Рогволоде Борисовиче. Рогволод — имя не христианское, и его, видимо, крестили как Василия. Очевидно, немцы перепутали имя Василий с Владимиром. Во всяком случае, в русских летописях нет и упоминаний о полоцком князе Владимире.

Вячеслав был сыном полоцкого князя Бориса Давидовича, который в свою очередь был внуком знаменитого полоцкого князя Всеслава Брячиславича Чародея.

Ростислав Рогволодович — сын хорошо известного по летописям князя Ровголода Всеславича, правившего Полоцком в XII в.

Сейчас это село Гончары Гродненской области.

Возможно, это современный г. Шауляй, но историки называют еще два места, где могла быть битва.

В 1375—1380 гг. Мамай вел борьбу за престол как с Арапшахом (Арапшой), так и с Тохтамышем.

Вся родня Дмитрия разбежалась, как тараканы. Я серьезно говорю: двоюродный брат Владимир Андреевич убежал в Волоколамск, его жена и мать — в Торжок, Евдокия, жена Донского с детьми по бежала за мужем в Кострому. Дало деру и духовное сословие — Герасим, владыка Коломенский, убежал аж в Новгород, а митрополит Киприан оказался в Твери, за что позже на него взъялся великий князь.

Речь идет о ратниках Остея, которые в подавляющем большинстве своем были русскими, а этнических литовцев среди них могло вообще не быть.

Каштелян — второе лицо в воеводстве, он ведал в основном военными делами.

Князь Криштоф Радзивилл (1547—1603 гг.), каштелян трокский, воевода виленский, великий гетман литовский, позже получил за свои военные таланты прозвище «Piorun» («Перун», т. е. «Гром»).

В некоторых источниках их называют Чарторыйскими или Чарторижскими.

Ряд историков называют и другие даты.

Православное имя Дмитрий, а языческое — Корибут.

Для удобства читателя земли, подавляющее большинство населения которых составляли этнические поляки, я буду называть этнической Польшей.

Тет-депон — военное мостовое оборонительное сооружение.

Штурмфалы — преграда штурму, устраиваемая в наружном рве полевых и временных укреплений в виде горизонтального палисада и состоящая из сплошного ряда заостренных бревен, уложенных под наружной частью насыпи бруствера или под гласисом и свешивающихся над эскарпом или контрэскарпом рва.

Здесь и далее я использую прилагательное «буржуазный» скорее не как указатель классовой принадлежности конкретной партии или организации, а как метку, помогающую читателю понять их политическую ориентацию.

Станислав Никодимович Булак-Балахович (Бэй-Булак-Балахович) родился в 1883 г. в крестьянской семье. К 1917 г. штаб-ротмистр царской армии. С февраля 1918 г. в Красной армии. В ноябре 1918 г. перешел к белым и служил в войсках генерала Юденича. Тот и произвел Булак-Балаховича в чин генерал-майора. С августа 1919 г. служил в эстонской армии, а затем перешел к полякам.

Житковичи (OCR)

Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий). В Западной Европе самостийные государства, созданные на территории бывшей Российской

В 1975—1986 гг. автор был подписчиком журнала «Може».

Сам автор, его родители и жены никогда не были в КПСС, а «Голос Америки» автор впервые поймал в девятилетнем возрасте во время Венгерских событий 1956 г.

Все эти цифры германские — из справочника Мюллера-Гиллебранда (старое издание). По союзникам немцев данных нет. По русскому изданию «Гриф секретности снят» потери армий Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии в 1941—1945 гг. убитыми и пленными составили 1 725,8 тыс. чел.

Объективности ради стоит сказать, что подавляющее большинство советских танков летом — осенью 1941 г. тоже вышли из строя из-за поломок ходовой части и отсутствия топлива, а не от огня противника.

comments

Ссылки

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Ленинград: Наука, 1972. С. 3.

См.: Сацук С. «Не скифы мы, не азиаты...». «Белорусская деловая газета», № 774, 27.05.2000.

Материалы сайта: <http://www.litvania.org/>

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 90—91.

Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М: Росмэн, 1995. С. 40.

Повесть временных лет // Изборник. С. 34.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М: Наука, 1993. С. 308.

Алексеев А.В. Полоцкая земля. // Древнерусские княжества X—XIII веков. М: Наука, 1975. С. 218.

Чигринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004. С. 30.

Алексеев А.В. Полоцкая земля. // Древнерусские княжества X—XIII веков. М.: Наука, 1975. С. 216.

Цит. по: Древнерусская литература / Составитель О.В. Творогов. М.: Просвещение, 1995. С. 46—49.

«Повесть временных лет». Ч. 1. С. 298.

Чигринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004. С. 43—44.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II. Стб. 8.

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод комментариев. М: Индрик, 2002. С. 113.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М: Издательство социально-экономической литературы, 1959. Кн. 2. С. 636.

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. С. 117—118.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 285.

Воинские повести Древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 282.

Воинские повести Древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 282.

Воинские повести Древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 282—285.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225—1552 гг.). Казань, 2002. С. 282—283.

Чигринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004. С. 125, 127.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2. С. 349.

Цит. по: *Беднов В.А.* Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 96.

Криштанович Л.Е. Миф о существовании «белорусской» шляхты. // Материалы сайта: <http://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2013/-1863-/620-2013-01-22-15.html>

Там же. С. 115.

Левит И. В Речи Посполитой (Серия «Сказки доктора Левита»). СПб.: Торгово-Издательский Дом «Ретро», 2010. С. 53—54.

Булгарин Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 38—39.

Булгарин Ф. Воспоминания. М: Захаров, 2001. С. 18.

Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии, собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. 1851. Кн. 1. С. 101.

Лев-Старович Збигнев. Секс в польской культуре // Материалы сайта
<http://www.lovestuff.ru/culture/world/30.html>

Лобин А. Неизвестная война 1654—1667 гг. // Материалы сайта:
<http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=36626>

Сергеев И. Казаки на Белой Руси: взгляд в прошлое и настоящее. // Материалы сайта: [http://kazaki-belarus.blogspot.ni/2012 04 01 archive.html](http://kazaki-belarus.blogspot.ni/2012_04_01_archive.html)

Криштанович Л.Е. Миф о существовании «белорусской» шляхты. // Материалы сайта: <http://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2013/-1863-/620-2013-01-22-15.html>

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. С. 551.

Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. Киев: Ваклер, 2011. Т. I. С. 542.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. С. 628.

Материалы сайта: [http://kazak.by/index.php/about/belkazak/50-belarusian-cossacks-in-the-xv-xvii-century?showall = 1](http://kazak.by/index.php/about/belkazak/50-belarusian-cossacks-in-the-xv-xvii-century?showall=1)

Лобин А. Неизвестная война 1654—1667 гг. // Материалы сайта:
<http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=36626>

Ярмусик Э.С. История Беларуси с древнейших времен и до нашего времени. Минск, 2008. С. 102.

Чигринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск, 2004. С. 289.

Цит. по: *Жилин П.А.* Отечественная война 1812 года. М: Наука, 1988.
С. 102.

Якуб З. Крепости 150 лет // «Красно Знамя». 20 мая 1983 г.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М: МК-Периодика, 2002. С. 62.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
Минск: Беларуская навука, 2012. С. 7—8.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 10—12.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 12.

Там же. С. 13.

Чигиринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004. С. 517—518.

Там же. С. 518, 519.

Мухин Ю. Антироссийская подлость. М.: Крымский мост-9Д; Форум, 2003. С. 59—60.

Мухин Ю. Антироссийская подлость. М.: Крымский мост-9Д; Форум, 2003. С. 58.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). М: Центрполиграф, 2002. С. 17, 24—25.

Там же. С. 10.

Цит. по: *Хоган*. Вынужденная война. Тюбинген, 1964.

Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materiały. T. III.
Warszawa, 1968, str. 262, 287.

Ионг Л. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки Третьего рейха. М.: Вече, 2004. С. 58—59.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). С. 122—124.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933— 1945. Т. 2. Сухопутная армия Германии с начала Второй мировой войны до нападения на Советский Союз (сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.). М: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 30, 31.

Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. Научное издание // М. Волос, Я. Войтковян, В.И. Дашичев и др.; Под ред. М.М. Наринского и С. Дембского, М.: Аспект Пресс, 2009. С. 372.

Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. Научное издание // М. Волос, Я. Войтковян, В.И. Дашичев и др.; Под ред. М.М. Наринского и С. Дембского, М.: Аспект Пресс, 2009. С. 373.

Там же.

Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков. С. 399.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939— 1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 97.

Там же. С. 96.

«Военно-исторический журнал», № 9/1994. С. 85.

«Военно-исторический журнал», № 9/1994. С. 85.

Малишевский Н.Н. Бой за Гродно в сентябре 1939 г. глазами участников и очевидцев. Минск: А.Н. Вараксин, 2012. С. 100.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? Границы. Споры. Обиды. С. 298.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? Границы. Споры. Обиды. С. 298—300.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? Границы. Споры. Обиды. С. 300—301.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? Границы. Споры. Обиды. С. 308—309.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? Границы. Споры. Обиды. С. 287.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М, 1989. С. 81.

Чигринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. С. 528.

Загорулько М.М., Юденнов А.Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М.: Экономика», 1970. С. 72.

Чигринов П.Г. История Беларуси с древности до наших дней. Минск: Книжный дом, 2004. С. 541—542.

Загорулько М.М., Юденнов А.Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М: Экономика», 1970. С. 213.

Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии (1921—1966 гг.). Минск: Беларусь, 1967. Ч. 2. С. 354.

Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Краткий очерк. М.: Мысль, 1965. С. 294.

Викторчик П. Над Ольсой-рекой. Минск: Беларусь, 1966. С. 61.

Там же. С. 59—60.

Архив Министерства обороны СССР. Ф. 6598. Переводы трофейных документов. Инв. № 105. Л. 175.

Архив Министерства обороны СССР. Ф. 6598. Переводы трофейных документов. Инв. № 105. Л. 176.

Там же. Л. 32.

Там же. Л. 32.

Цит. по: Диксон Ч.О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 79.

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ф. 69. Оп. 1, Д. 15 (1943 г.). Л. 151—154.

Там же. Д. 775. Л. 2.

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 775. Л. 3.

Архив Министерства обороны СССР. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 145. Л. 280.

Там же. Л. 281.

«Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы. М: Наука, 1967. С. 407.

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ф. 69. Оп. 1. Д. 51. Л. 15.

Архив Министерства обороны СССР. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1402. Л. 93.

Партийный архив Института истории партии ЦК КПУ. Ф. 62. Оп. 1.Д.
1. Л.70.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945
гг. Т. 3. М.: Воениздат, 1961. С. 466.

Архив Министерства обороны СССР. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 272. л. 171.

Нюрнбергский процесс. Т. 1. М: Госюриздат, 1955. С. 805.

Партийный архив Института истории партии ЦК КПУ. Ф. 166. Оп.3 .Д.
141. Л. 47—48.

Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия / Под ред. М.М. Козлова. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 770.

Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. Киев: Ваклер, 2011. Т. 2. С. 482.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. / Сост. В.И. Адамушко. Минск: Выш. шк., 2012. С. 7.

Там же. С. 10.

Там же. С. 105.

Там же. С 134.

Там же. С. 183—184.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. / Сост. В.И. Адамушко. Минск: Выш. шк., 2012. С. 228—229.

Там же. С. 254.

Там же. С. 323.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. / Сост. В.И. Адамушко. Минск: Выш. шк., 2012. С. 64.

Там же. С. 65.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. / Сост. В.И. Адамушко. Минск: Выш. шк., 2012. С. 69.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. / Сост. В.И. Адамушко. Минск: Выш. ж., 2012. С. 70.

Там же. С. 87.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. / Сост. В.И. Адамушко. Минск: Выш. шк., 2012. С. 229.

Там же. С. 267.

Там же. С. 309.

Там же. С. 335.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. / Сост. В.И. Адамушко. Минск: Выш. шк., 2012. С. 304.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Сборник документов. / Под ред. П.И. Зырянова. М: Наука, 1968. С. 573.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. С. 326—327.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. С. 309.

Там же. С. 310.

ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы. С. 370—371.

Там же. С. 371—372.

Яковлева Е.В. Польша против СССР 1939—1950. М.: Вече, 2007. С. 44—45.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
Минск: Беларуская навука», 2012. С. 234.

(ЦА ФСБ, фонд 3, опись 7, дело 1085, л.л. 79—84). Материалы сайта <http://www.katyn.ru/forums/viewtopic.php?id = 294>

Там же. С. 55.

Там же. С. 56.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 237.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 247—248.

Там же. С. 248.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 252—253.

Яковлева Е.В. Польша против СССР 1939—1950. С. 172.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 255, 256—257, 259.

W. *Lojewska*. Nie patrzcie na fotografie. [www. pporthodoxiacom. pl/artykul.php? id.](http://www.pporthodoxiacom.pl/artykul.php?id.)

Яковлева Е.В. Польша против СССР 1939—1950. С. 184—185.

Яковлева Е.В. Польша против СССР 1939—1950. С. 320—321.

Домине З. Бледные огни. Варшава, 1972.

Цит. по: *Яковлева Е.В.* Польша против СССР 1939—1950. С. 330.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 329.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 350.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 369—370, 371, 372.

Польша — Беларусь (1921—1953). Сборник документов и материалов.
С. 374.

Там же. С. 381.

По материалам: *Симиндей В.* От Тарту до Сталинграда и далее: охранно-карательная деятельность, <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=28508>

Материалы сайта: <http://www.istorya.ru/book/soldaty/25.php>

Материалы сайта: <http://bsuir.info/load/92-l-0-1853>

Кудряшов С. Уничтожить как можно больше русских. // Источник. 1998. № 2. С. 74—75.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002. С. 256.

Зенькович Н.А. Чья Белоруссия? (Границы. Споры. Обиды). М.: МК-Периодика, 2002. С. 260.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Историко-статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2005.

Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2013. С. 140.

Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2013. С. 142.

Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2013. С. 336.